

Россия и Азия

№ 1 (27), 2024

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 1 (27), 2024 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Динамики мировой экономики профессор кафедры мировой экономики Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, директор Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой «Финансы и кредит», Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), главный научный сотрудник АО ЦНИИ «Электроника», Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

- Секачева А. Б.** Современное состояние и перспективы развития внешнеторговых связей России со странами Африки 6
- Глинская М. В., Полежаев М. А.** Влияние западных санкций на динамику экономического развития: опыт Ирана для Российской Федерации 16
- Чухарев А. В.** Потенциал и географическое распределение потоков российского зернового экспорта (по регионам мира) 31

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ

- Шкваря Л. В.** Цифровая экономика в Российской Федерации и направления ее развития в современных условиях 45
- Будаков А. С.** Эволюция мирового рынка солнечных батарей и опыт Российской Федерации 57
- Белов В. А.** Россия системе в мировой автоиндустрии в XXI веке и задачи совершенствования отечественной отрасли для обеспечения национальной экономической безопасности 70

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

- Поплавский С. П.** Глобальная нестабильность мировой экономики: сущность, причины, факторы, составляющие, перспективы 81
- Зеркот А. А.** Глобальная тенденция к регионализации и интеграционные процессы в странах Аравийского полуострова 93

Content**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

- Sekacheva A. B.** The current state and prospects of development of Russia's foreign trade relations with the countries of North Africa 6
- Glinskaya M. V., Polezhaev M. A.** The impact of Western sanctions on the dynamics of economic development: Iran's experience for the Russian Federation 16
- Chukharev A.V.** Capacity and geographical directions of Russian grain export flows (regions overview) 31

DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES

- Shkvarya L. V.** The digital economy in the Russian Federation and the directions of its development in modern conditions 45
- Buldakov A. S.** The global solar cell market evolution and case of the Russian Federation 57
- Belov V. A.** Russia in the global auto industry in the 21st century and the tasks of improving the domestic industry to ensure national economic security 70

GLOBAL TRENDS

- Poplavsky S. P.** Global instability of the world economy: essence, causes, factors, components, prospects 81
- Zerkot A. A.** The global trend towards regionalization and integration processes in the countries of the Arabian Peninsula 93

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**

**Современное состояние и перспективы развития внешнеторговых
связей России со странами Африки**

Секачева Алла Борисовна¹

В статье изучены вопросы современного экономического взаимодействия Российской Федерации со странами Северной Африки (СА) и Магриба, а также охарактеризованы перспективы их развития. Нарастание противоречий Франции со своими бывшими колониями в Африке, усиление противостояния стран Магриба неокOLONиальной политике США и ЕС, ориентированной на неэквивалентный взаимный обмен, обусловили разворот экономической дипломатии стран СА на Российскую Федерацию, Китай и другие незападные государства. Ввиду того, что в настоящее время африканские страны неуклонно повышают свой вес в мировой экономике и политике, их отношения с Россией вышли на новый уровень. Поскольку Северная Африка является наиболее развитым субрегионом континента, то в рамках внешнеторгового сотрудничества Россия готовит соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) с Египтом, Марокко, Тунисом и Алжиром с последующей интеграцией в ЕАЭС, однако взаимный товарообмен пока не соответствует возможностям обеих сторон. По оценке Минэкономразвития Российской Федерации, потенциал российских неиспользованных торговых возможностей в ведущих странах Северной Африки составляет значительные объемы, данные о которых автор приводит в своей статье. Таким образом, на основе анализа текущей ситуации в статье сделаны выводы о том, что после расширения межгосударственного объединения БРИКС (с 1 января 2024 г. из стран Северной Африки в БРИКС вошел Египет), у Российской Федерации появятся новые возможности упрочить свои позиции в Африке, и особенно в странах Северной Африки. Ослабление партнерства этих стран с Евросоюзом дает возможность укрепления их взаимоотношений с Российской Федерацией, к чему прилагаются обоюдные усилия на дипломатическом и политическом уровнях, что будет непосредственно перенесено в экономическую плоскость.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Северная Африка (СА), Магриб, Союз Арабского Магриба (САМ), внешняя торговля, товарная структура, торгово-экономическое партнерство, макроэкономические эффекты глобализации, экономическое развитие.*

JEL коды: *F01, F12, F14, F62, O11.*

---

¹ *Секачева Алла Борисовна* — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Дипломатическая Академия МИД России, Москва, Россия.

Введение

В последние годы африканские страны неуклонно повышают свой вес в мировой экономике и политике, и поэтому их отношения с Россией вышли на новый уровень. Сегодня «Настоящим прорывом стали саммиты Россия — Африка (Первый саммит..., 2024). Африканский континент все громче заявляет о своих интересах, о праве на подлинный суверенитет. Мы искренне поддерживаем все эти устремления» (Послание Президента..., 2024).

Как обоснованно подчеркивается в публикациях многих российских и иностранных исследователей, Россия, как и ранее Советский Союз, всегда стремилась поддерживать с африканскими странами устойчивые и дружественные отношения в политической и экономической сферах (Морозенская, 2023; Кудрова, Кузьминых, 2023). Президент России В.В. Путин в своей статье (июль 2023 г.) отмечал, что к середине 1980-х гг. с помощью СССР на континенте построено более 330 электростанций, ирригационных систем, промышленных и аграрных предприятий, которые действуют до настоящего времени. Кроме того, в советских учебных заведениях получили образование десятки тысяч специалистов различного профиля (Путин, 2023).

Такие отношения положительно отражались на характере и динамике экономических связей, но в настоящее время следует отметить, что объем торговли России со странами Африки не соответствует возможностям обеих сторон. Так, в 2022 г. он достиг только 18 млрд долл., из которых 4,7 млрд составили поставки продовольствия (Russia and North..., 2023). В свою очередь, товарооборот стран континента с Китаем в 2022 г. увеличился до рекордной суммы в 282 млрд долл., что на 11% больше, чем в 2021 г., а США по-прежнему сохраняют данный показатель на уровне примерно в 60 млрд долл. в год (Вятчанин, 2023).

При этом весомые внешнеторговые связи Российская Федерация поддерживает только с небольшим количеством африканских государств. Так, по данным Института Африки РАН, около 90% российской торговли на континенте «приходится на 7 стран — Египет, Алжир, Марокко, ЮАР, Тунис, Нигерию и Судан» (Белова, Аль-Хамати, 2021). Пять из них относятся к субрегиону Северной Африки¹, который занимает особое положение на континенте. По данным Всемирного банка, по объему ВВП по ППС этот субрегион является наиболее развитой частью континента (31,8% от общего реального ВВП Африки в 2019 г.). Он лидирует также по величине экспорта и импорта, и по объемам ПИИ (Россия и страны Африки..., 2019). Вместе с тем, начиная с 1980 г., доля стран Северной Африки в мировом ВВП практически не изменилась и составляет примерно 2,0% (Сапунцов, 2015).

Невзирая на положительную в целом динамику торгово-экономического сотрудничества (табл. 1), Северная Африка сохраняет до настоящего времени незначительное место в товарообороте Российской Федерации (немногим более 1%).

В общем товарообороте Российской Федерации и стран североафриканского субрегиона в 2021 г. лидировал Египет (27%), далее следовали Алжир (17%), Марокко (9%) и Тунис (2,7%) (Factbox).

---

¹ На территории этого субрегиона, по классификации ООН, находятся Алжир, Египет, Западная Сахара, Мавритания, Ливия, Марокко, Судан и Тунис. (Standard country)

Таблица 1.

Внешнеторговый оборот Российской Федерации со странами Северной Африки
в 2000–2022 гг., (млн долл.)

Годы	2000	2005	2010	2015	2016	2018	2020	2021	2022
Внешнеторговый оборот	830	2369	5135	6585	10193	15006	9597	8500	10000

Источник: Белова, Аль-Хамати, 2021; примерные данные по 2021–2022 г. рассчитаны автором по *UN Comtrade* и данным российских государственных и аналитических структур.

Результаты исследования

По данным ООН, товарооборот России с Египтом увеличился с 2,9 млрд в 2021 г. до 3,9 млрд долл. в 2022 г.¹, т.е. на 36%, с Марокко — на 4,5% (2,3 млрд) с 2,2 млрд в 2021 г. С Алжиром взаимная торговля в 2021 г. в стоимостном выражении составила 3 млрд долл. (данные за 2022 г. не опубликованы)(Эксперты..., 2023). Следует также учитывать, что после начала специальной военной операции (СВО) на Украине в марте 2022 г., российское правительство разрешило параллельный импорт. Кроме того, в настоящее время многие макроэкономические показатели России не разглашаются², и поэтому статистические данные по России в базах данных международных организаций, национальных структур, аналитических центров сильно варьируются. Но и до начала СВО, по оценкам ООН, расхождения в «зеркальной статистике» при сопоставлении данных торговых партнеров имелись почти у всех стран.

Товарная структура российского экспорта в Северную Африку за период 2001–2021 гг. претерпела некоторые изменения. Так, если в начале 2000-х гг. примерно 1/2 российского экспорта в страны субрегиона приходилась на минеральное топливо, черные металлы и древесину, то в последние 10 лет одной из основных товарных групп стали зерновые (в 2021 г. — 24,2% российского экспорта). Что касается российского импорта из этого субрегиона, то он в основном приходился на фрукты и орехи. Их доля импорте России в 2001–2021 гг. составила 48,8% (Кудрова, Кузьминых, 2023).

Безусловно, такая структура товарооборота не устраивает обе стороны и поэтому они принимают меры для расширения ассортимента торгуемых товаров с высокой добавленной стоимостью. В сфере высоких технологий госкорпорация Росатом наладила долговременные отношения с Египтом, соглашения о сотрудничестве в сфере использования ядерных технологий были также подписаны между Россией и Алжиром и Россией и Марокко. Имеются определенные возможности для развития сотрудничества и по другим направлениям, в первую очередь, в сфере цифровизации. Это не исключает и увеличения торговли традиционными российскими товарами. Так, резко вырос в 2022–2023 гг. экспорт нефтепродуктов из Российской Федерации в страны Северной Африки (в Марокко — в 10 раз, в Тунис — в 17 раз), ввиду того, что ЕС ввел санкции и запретил закупки российских энергоносителей для своих субъектов хозяйствования (Морозенская, 2023).

¹ По данным Торгпредства РФ в Египте этот показатель составил 6,14 млрд долл.

² В январе 2023 г. в интервью газете *Financial Times* пресс-секретарь президента РФ Д. Песков пояснил, что ограничение доступа к экономической статистике обусловлено гибридной войной, а также экономической войной Запада против России.

Особое значение североафриканского региона для России выражается еще и в том, что из 18-ти межправительственных комиссий по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству со странами Африки, 5 приходится на североафриканские государства. Учитывая лидирующую роль стран Северной Африки на континенте, Президент России В. В. Путин в августе 2023 г. на совещании с членами Правительства проинформировал общественность, что Москва готовит соглашения о зонах свободной торговли (ЗСТ) с Египтом, Марокко, Тунисом и Алжиром (Совещание..., 2023). Предполагается, что эти ЗСТ будут интегрированы в Евразийский экономический союз (Dutton, 2023), в который в настоящее время входят Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан и Кыргызстан. Издание *The Global Economics* подчеркивает, что Египет и Тунис, заинтересованные в увеличении поставок российского зерна и удобрений, значительно выиграют при вхождении в ЗСТ. В последние годы Российская Федерация занимает одно из ведущих мест на этих рынках, а после ее отказа от Черноморской зерновой сделки спрос на продовольствие в африканских странах значительно вырос. Поэтому государства Северной Африки в настоящее время особый акцент делают на продовольственной безопасности. Вместе с тем, в публикации *The Global Economics* указывается, что Алжир и Тунис готовятся к возможным западным санкциям в случае подписания официального соглашения о свободной торговле с Россией (Russia and North..., 2023).

Такой возможный сценарий развития событий обусловлен тем, что США и ЕС явно не заинтересованы в укреплении позиций России в Северной Африке. Так, длительное время в данном регионе доминирующей державой была Франция. Захватив в первой половине XIX в. прибрежную зону Алжира, она получила контроль над большей частью Магриба. Свое влияние в этом субрегионе она пытается сохранить и в настоящее время. По мнению многих европейских аналитиков, ужесточение политики Парижа в отношении Москвы по украинскому вопросу вызвано «унижением» Франции в Африке, которая, с точки зрения французских властей, «по вине России» потеряла там зоны своего традиционного влияния (Метпер, 2024).

Между тем, по оценке *The Global Economics*, «Москва может политически выиграть от тесного сотрудничества со странами, которые не смогли сформировать экономический союз между собой» (Russia and North..., 2023). Издание имеет в виду тот факт, что такое объединение североафриканских стран, как Союз арабского Магриба (САМ), созданный в феврале 1989 г. пятью североафриканскими государствами (Алжиром, Марокко, Мавританией, Тунисом и Ливией), остается наименее интегрированным в мире. К 2000 г. в его рамках предполагалось достичь полной экономической интеграции. Но ее добиться не удалось, поскольку страны-члены САМ ставили целью более тесную интеграцию с ЕС, нежели друг с другом, и, соответственно, воспринимали соседние государства в основном как конкурентов, особенно в экономической сфере. Вследствие этого за все годы функционирования САМ его участники так и не обеспечили взаимодополняемости своих экономик, а доля внутрирегиональной торговли этой группировки составляет менее 5% от общего объема их торгового оборота, что значительно ниже, чем в других интеграционных формированиях (Ghiles, 2010). Но, возможно, начавшая функционировать с 2021 г. Африканская континентальная зона свободной торговли (*African Continental Free Trade Area, AfCFTA*) в какой-то мере позволит устранить торговые барьеры и стимулировать взаимную торговлю в рамках САМ.

В целом наибольший интерес для России представляют те государства североафриканского региона, с которым планируется создать ЗСТ, т. е. Марокко, Алжир, Тунис и Египет.

Внешнеторговые связи России с Королевством Марокко

В настоящее время Российская Федерация наиболее интенсивно развивает торгово-экономическое сотрудничество с Королевством Марокко. Как уже отмечалось, по данным торгового представительства РФ в этой стране, стоимостной объем российско-марокканского товарооборота в 2022 г. составил 2,3 млрд долл. (10-е место после Индии). Королевство закупает в России уголь (42% общего объема импорта), газ и нефтепродукты (28%), а также аммиак (11%). В свою очередь, российская сторона получает от марокканских партнеров цитрусовые (63% импорта) и морепродукты (16%) (Торговое представительство России в Королевстве Марокко).

Издание *The Global Economics* констатирует, что с 2020 по 2021 гг. товарооборот между Россией и Марокко увеличился на 42% — до 1,6 млрд долл. и продолжает расти. И хотя Королевство стремится стать углеродно-нейтральной страной, но, как видно из приведенной выше статистики, оно также импортирует уголь из России для обеспечения работы своих электростанций. При этом *The Global Economics* подчеркивает, что «Запад по неизвестным причинам исключил уголь из санкционного списка» (Russia and North..., 2023).

Внешнеторговые связи России с Тунисом

Активное развитие торгово-экономического, а также таможенного, сотрудничества России с Тунисом началось в 2015 г. и в его рамках были обсуждены вопросы упрощения таможенных процедур в отношении тунисских товаров, ввозимых в РФ (Кудрова, Кузьминых, 2023). По данным посольства России в Тунисе, объем двустороннего товарооборота в 2022 г., «несмотря на известные искусственные препоны», заметно вырос. За 10 месяцев он превысил показатель аналогичного периода годом ранее на 63%, достигнув 692 млн долл.» (Объем..., 2023).

Товарная структура взаимной торговли сторон примерно такая же, как и у других североафриканских государств. В российском экспорте доля злаков (пшеница и ячмень) в 2022 г. составила 40%, а доля 2-го по значимости товара — аммиака — 15%. В импорте из Туниса преобладали одежда и обувь (60%), фториды (6%), оливковое масло (6%), овощи и фрукты (5%) (Factbox). По заявлению министра иностранных дел России С. В. Лаврова, сделанного им в сентябре 2023 г. во время визита в Тунис, стороны «договорились увеличивать закупки тунисской продукции, прежде всего, сельскохозяйственную номенклатуру, текстиль — все это стабильно пользуется спросом у российских потребителей». Кроме того, начались переговоры о расширении поставок в Тунис российского зерна (Россия увеличит..., 2023).

Внешнеторговые связи России с Алжиром

Для России расширение внешнеторговых отношений с Алжиром имеет особое геополитическое и геоэкономическое значение. Общий товарооборот между двумя странами

в 2021 г. достиг 3 млрд долларов, из которых 1,7 млрд составили вооружение и военная техника (ВВТ). По данным немецкой компании *Statista*, доля России в алжирском импорте вооружений с 2017 по 2021 гг. достигла 81%. Характерно, что в российских поставках в Алжир доминируют высокотехнологичные категории ВВТ (Тодоровски, 2023). Эти данные подтверждают эксперты египетского издания *NoonPost*. По их оценкам, в настоящее время Россия контролирует 37,6% рынка вооружений в Африке, за ней следуют США (16%), Франция (14%) и Китай (9%). Российская Федерация выступает главным поставщиком оружия в Алжир (80% импорта ВВТ), который входит в пятерку крупнейших импортеров российского оружия (Россия и Северная Африка..., 2021).

При этом, как подчеркивал еще в 2006 г. испанский профессор А. Санчес-Андрес, Россия длительное время поставляет Алжиру современное оружие «по разумным ценам», что будет способствовать повышению роли Российской Федерации в регионе (Sánchez Andrés, 2006). Вместе с тем, издание *The Global Economics* указывает, что США также стремятся стать союзником Алжира и ведут с ним переговоры об инвестиционном сотрудничестве в энергетическом, сельскохозяйственном и фармацевтическом секторах алжирской национальной экономики (Russia and North..., 2023). Но в такой политике нет ничего странного — нельзя не отметить, что стремление к диверсификации внешнеэкономических связей в настоящее время характерно для многих развивающихся стран, и Алжир в данном случае не является исключением. Но это отнюдь не означает, что он откажется от проверенных временем взаимовыгодных отношений с российской стороной. Так, президент Алжира А. Теббун в ходе своего визита в Москву в июне 2023 г. заявил, что его страна всегда поддерживала и будет продолжать поддерживать Россию.

Алжир представляет для России и значительный интерес в плане энергетического сотрудничества — его доказанные запасы природного газа составляют порядка 4,5 трлн куб. м, а нефти — 1,5 млрд тонн. В реализации совместных проектов активное участие принимает Газпром (Шмелева, 2019), а также Роснефть, Лукойл и Союзнефтегаз.

Внешнеторговые связи России с Египтом

Египет является арабской страной в Северной Африке с традиционно наиболее обширными экономическими связями с Россией. В 2022 г. товарооборот между Россией и Египтом составил 6,14 млрд долл. (6-е место после Италии). Его объем вполне сопоставим с аналогичным показателем у США (7,85 млрд долл.), Турции (6,92 млрд) и Италии (6,27 млрд), но примерно в 2 раза меньше, чем у Китая (13,11 млрд) (Торговое представительство Российской Федерации в Арабской Республике Египет).

Особое место во внешнеэкономических связях России и Египта, помимо торговли товарами, занимает туризм. По данным Всемирной туристской организации, в 2022 г. эту страну посетило 11,7 млн чел., из них более 900 тыс. россиян, что, по оценкам египетской стороны, примерно на 40% меньше, чем до начала СВО (Египет окончательно..., 2023).

Продажа оружия Египту, как указывает А. А. Санчес-Андрес, традиционно «одна из областей, которой Москва уделяет особое внимание». По данным египетского издания *NoonPost*, в 2014 г. Каир закупил российского ВВТ на сумму 3,5 млрд долл., а в 2015 г. обе страны учредили комитет по военно-техническому сотрудничеству (Россия и Северная Африка..., 2021). И хотя Египет приобретает вооружение также в США и в некоторых

европейских странах, его ориентация на российское ВВТ в настоящее время не только сохраняется, но и усиливается.

Исключительно важное значение для Египта имеет сотрудничество с Россией по реализации высокотехнологичных проектов. Еще в 2004 г. эта страна заявила о необходимости создания собственных спутников, хотя в дальнейшем движение в этом направлении так и не было предпринято. Но в сфере ядерной энергетики строительство российской госкорпорацией Росатом четырехблочной АЭС «Эль-Дабаа» было названо «крупнейшей атомной стройкой на африканском континенте». В январе 2024 г. состоялась торжественная церемония по заливке бетона в фундамент 4-го (последнего) энергоблока, в которой приняли участие президенты России и Египта (На энергоблоке..., 2024). В целом сотрудничество в сфере энергетики представляет значительный взаимный интерес. Крупнейшие российские энергетические компании Лукойл и Газпром действуют на египетском рынке уже несколько десятилетий. В марте 2024 г. египетские власти начали переговоры с компанией Лукойл о расширении ее присутствия в стране и участия в разработке новых месторождений (Египет обсуждает..., 2024).

Заключение

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать вывод, что в настоящее время торгово-экономическое сотрудничество России с африканскими странами, особенно из субрегиона Северной Африки, имеет положительную динамику, поскольку постоянно находится в центре внимания соответствующих государственных и корпоративных структур нашей страны. Так, в феврале 2023 г. правительство России утвердило «дорожную карту» мероприятий по увеличению объемов российско-африканской торговли и активизации инвестиционного сотрудничества. Для этого, по мнению многих исследователей, имеются все условия. Так, по оценке Минэкономразвития РФ, объем российских неиспользованных торговых возможностей в ведущих странах Северной Африки составляет: в Египте — 18,8 млрд долл., в Марокко — 11,4 млрд, в Алжире — 10,4 млрд. Среди товаров, поставки которых необходимо увеличить североафриканским странам в первую очередь, — нефтепродукты, железная руда, подсолнечное масло и кукуруза, а также аммиак (Вятчанин, 2023).

В дополнение к указанным мерам, в июле 2023 г. на официальном сайте Президента России был опубликован многосторонний План действий Форума партнерства Россия — Африка на 2023–2026 гг., в котором, помимо вопросов политики, безопасности, культуры, значительное место занял перечень мероприятий по активизации взаимосвязей в экономике, сельском хозяйстве, науке, технологиях и инновациях (План действий..., 2023).

Таким образом, можно констатировать, что торгово-экономическое сотрудничество России со странами Северной Африки развивается по оптимистическому сценарию и западные антироссийские санкции не смогут в перспективе переломить эту тенденцию.

Список литературы

1. Белова И. Н., Аль-Хамати М. А. (2021) Торговые отношения России со странами Северной Африки в продовольственной сфере: состояние, проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Экономика. Т. 29. № 4. С. 739–749. [Belova I. N., Al-Hamati M. A.

(2021) Trade relations between Russia and North African countries in the food sector: state, problems and prospects // Bulletin of the RUDN. Series: Economics. Vol. 29. No. 4. Pp. 739–749. (In Russian.)] DOI 10.22363/2313-2329-2021-29-4-739-749

2. Вятчанин Н. (2023) Почему Россия и Африка нужны друг другу. [Vyatchanin N. (2023) Why Russia and Africa need each other. (In Russian).] URL: <https://www.pnp.ru/politics/pochemu-rossiya-i-afrika-nuzhny-drug-drugu.html>

3. Египет обсуждает с «ЛУКОЙЛОМ» возможности расширения присутствия компании в стране. (2024) [Egypt is discussing with LUKOIL the possibility of expanding the company's presence in the country. (2024) (In Russian).] URL: <https://www.finmarket.ru/news/6132502?ysclid=ltcq9uam5u15522633>

4. Египет окончательно перестал быть русским. Кого больше всего на египетских курортах в 2023 году. (2023) [Egypt has finally ceased to be Russian. Who is the most at Egyptian resorts in 2023 (2023) (In Russian).] URL: <https://dzen.ru/a/ZCvQK2AGXzCxnATM>

5. Кудрова Н. А., Кузминых Ю. В. (2023) Современное состояние и тенденции развития взаимной торговли России и стран — партнеров в Северной Африке // Экономические отношения. Т. 13. № 3. С. 601–620. [Kudrova N. A., Kuzminykh Yu. V. (2023) The current state and trends in the development of mutual trade between Russia and partner countries in North Africa // Economic relations. Vol. 13. No. 3. Pp. 601–620. (In Russian).] DOI: 10.18334/eo.13.3.118818

6. Метер З. (2024) Обзор событий недели. В ритме военных барабанов. Макрон мстит Путину за унижения в Африке. [Meter Z. (2024) Review of the events of the week. To the rhythm of military drums. Macron takes revenge on Putin for humiliations in Africa. (In Russian).] URL: <https://inosmi.ru/20240130/zapad-267655656.html>

7. Морозенская Е. В. (2023) Перспективные направления торгово-экономического сотрудничества России со странами Африки // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. С. 184–193. [Morozenskaya E. V. (2023) Promising areas of trade and economic cooperation between Russia and African countries // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. Vol. 241. Pp. 184–193. (In Russian).] DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-184-193

8. На энергоблоке № 4 АЭС «Эль-Дабаа» начался основной этап строительства (2024) [The main stage of construction has begun at power unit No. 4 of the El-Dabaa NPP (2024) (In Russian).] URL: https://www.rosatom.ru/journalist/news/na-energobloke-4-aes-el-dabaa-nachalsya-osnovnoy-etap-stroitelstva/?sphrase_id=5206557

9. Объем товарооборота между Россией и Тунисом вырос более чем на 60 процентов. [The volume of trade turnover between Russia and Tunisia has increased by more than 60 percent. (In Russian).] URL: <https://ria.ru/20230212/tunis-1851502252.html?ysclid=ltcquo2e4m105925667>

10. План действий Форума партнерства Россия — Африка на 2023–2026 годы (2023) [Action Plan of the Russia — Africa Partnership Forum for 2023–2026 (2023) (In Russian).] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5971>

11. Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. [The President's Message to the Federal Assembly on February 29, 2024. (In Russian).] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

12. Путин В. (2023) Россия и Африка: объединяя усилия для мира, прогресса и успешного будущего. [Putin V. (2023) Russia and Africa: joining forces for peace, progress and a

- successful future. (In Russian).] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/71719>
13. Россия и страны Африки: долгосрочное торгово-экономическое партнёрство. Информационно-аналитический дайджест (2019) [Russia and African countries: long-term trade and economic partnership. Information and analytical digest (2019) (In Russian).] URL: https://export67.com/files/304/rossiya-i-strany-afriki_d.pdf
14. Россия и Северная Африка: перспективы возвращения и ограничения (NoonPost, Египет). (2021) [Russia and North Africa: prospects for return and restrictions (Noonpost, Egypt). (2021) (In Russian).] URL: <https://inosmi.ru/20210920/250521809.html?ysclid=ltchojpwby67695798>
15. Россия увеличит закупки тунисской продукции, заявил Лавров. (2023) [Russia will increase purchases of Tunisian products, Lavrov said. (2023) (In Russian).] URL: <https://1prime.ru/20230926/841823030.html>
16. Сапунцов А. Л. (2015) Формы проникновения транснациональных корпораций Северной Африки на внешние рынки // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. № 4. С. 22–31. [Sapuntsov A. L. (2015) Forms of penetration of transnational corporations of North Africa into foreign markets // Bulletin of the Moscow State University. Series: Economics. No. 4. Pp. 22–31. (In Russian).] DOI: 10.18384/2310-6646-2015-4-22-31
17. Сопещание с членами Правительства. (2023) [Meeting with members of the Government. (2023) (In Russian).] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/71892>
18. Тодоровски Д. (2023) Как Алжир становится важнейшим партнером России. [Todorovsky D. (2023) How Algeria is becoming Russia's most important partner. (In Russian).] URL: <https://vc.ru/u/2471039-afrikanskaya-iniciativa/884122-kak-alzhir-stanovitsya-vazhneyshim-partnerom-rossii>
19. Торговое представительство Российской Федерации в Арабской Республике Египет. [Trade Representation of the Russian Federation in the Arab Republic of Egypt. (In Russian).] URL: <https://mar.minpromtorg.gov.ru/about/country-information/>
20. Торговое представительство Российской Федерации в Королевстве Марокко. [Trade representation of the Russian Federation in the Kingdom of Morocco. (In Russian).] URL: <https://mar.minpromtorg.gov.ru/about/country-information/>
21. Шмелева Т. (2019) Российские нефтегазовые компании на Ближнем Востоке и в Северной Африке: интересы, проекты и перспективы. [Shmeleva T. (2019) Russian oil and gas companies in the Middle East and North Africa: interests, projects and prospects. (In Russian).] URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskie-neftegazovye-kompanii-na-blizhnem-vostoke-i-v-severnoy-afrike-interesy-proekty-i-perspekt/>
22. Эксперты оценили потенциал развития торговых связей с Африкой. (2023) [Experts assessed the potential for developing trade relations with Africa. (2023) (In Russian).] URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/07/27/987126-eksperti-otsenili-potentsial-razvitiya-torgovih-svyazei-s-afrikoi>
23. Dutton J. (2023) Russia pushes North African trade area as Ukraine sanctions bite. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2023/08/russia-pushes-north-african-trade-area-ukraine-sanctions-bite>
24. Factbox: Russia's main trade partners in Africa. URL: <https://tass.com/economy/1653021?ysclid=ltci8hgekz621657858>

25. Ghiles F. (2010) The Maghreb refuses to share. URL: <https://mondediplo.com/2010/02/15maghreb>
26. Russia and North African Countries are Working on an FTA (2023) URL: <https://www.theglobaleconomics.com/2023/08/23/russia/>
27. Sánchez Andrés A. (2006) Political-Economic Relations Between Russia and North Africa. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/work-document/political-economic-relations-between-russia-and-north-africa/>
28. Standard country or area codes for statistical use (M49). URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/#geo-regions>
29. UN Comtrade URL: <https://comtradeplus.un.org/>

The current state and prospects of development of Russia's foreign trade relations with the countries of North Africa

Alla B. Sekacheva,

*PhD in Economics, Associate Professor World Economy Department
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia*

The article examines the issues of modern economic cooperation between the Russian Federation and the countries of North Africa (SA) and the Maghreb, and describes the prospects for their development. The growing contradictions between France and its former colonies in Africa, the strengthening of the Maghreb countries' opposition to the neocolonial policy of the United States and the EU, focused on non-equivalent mutual exchange, led to the reversal of the economic diplomacy of the CA countries to the Russian Federation, China and other non-Western states. Due to the fact that African countries are steadily increasing their weight in the global economy and politics, their relations with Russia have reached a new level. Since North Africa is the most developed sub-region of the continent, within the framework of foreign trade cooperation, Russia is preparing agreements on free trade zones (FTZ) with Egypt, Morocco, Tunisia and Algeria with subsequent integration into the EAEU, but mutual trade does not yet correspond to the capabilities of both sides. According to the assessment of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the potential of Russian untapped trade opportunities in the leading countries of North Africa amounts to significant amounts, data on which the author provides in his article. Thus, based on the analysis of the current situation, the article concludes that after the expansion of the BRICS interstate association (from January 1, 2024, Egypt joined the BRICS from North Africa), the Russian Federation will have new opportunities to strengthen its position in Africa, and especially in the countries of North Africa. The weakening of these countries' partnership with the European Union makes it possible to strengthen their relations with the Russian Federation, to which mutual efforts are being made at the diplomatic and political levels, which will be directly transferred to the economic plane.

Key words: *Russia, the countries of North Africa, the Maghreb, the Arab Maghreb Union (AMU), foreign trade, commodity structure, trade and economic partnership, macroeconomic effects of globalization, economic development..*

JEL codes: *F01, F12, F14, F62, O11..*

Влияние западных санкций на динамику экономического развития: опыт Ирана для Российской Федерации

*Глинская Мария Вячеславовна¹,
Полежаев Максим Александрович²*

В последнее десятилетие западные страны стали все более активно применять санкционное давление на различные государства мира, в том числе и на Российскую Федерацию, санкции против экономики которой сегодня беспрецедентны. Поэтому актуализируется исследование природы санкций и их влияния на национальные экономики подсанкционных стран, государств–инициаторов, мировую экономику. Важно исследовать различные отраслевые, логистические и другие аспекты санкционной и антисанкционной борьбы. Санкции международного уровня исторически базируются на опыте их применения в национальных экономиках и имеют при этом определенные особенности содержания, механизма действия и использования. В статье авторами дана оценка особенностей экономического развития Российской Федерации и Ирана в течение определенного периода нахождения экономик этих стран под режимом международных санкций. Авторы приходят к выводу о том, что имеет место восстановление положительных темпов экономического роста данных стран (приводятся статистические данные, свидетельствующие о росте ВВП Ирана) при сохранении определенных проблем. Авторы обосновывают точку зрения о том, что основная цель западных санкций — изменение политики подсанкционных государств — за истекший период не достигнута ни в Иране, ни в России. Однако угрозы долгосрочного характера энергетическому комплексу России, связанные с введением санкционных ограничений, усиливаются конкуренцией других стран–производителей на мировых рынках (в том числе США, которые на сегодня стали конкурентом России на рынке природного газа в Европе).

Ключевые слова: *Российская Федерация, Иран, экономические ограничения, санкции, сдерживание, экономическая безопасность, многополярность.*

JEL коды: *F51, F52, F53, F62.*

Введение

В условиях современной (де)глобализации экономических отношений, любые шаги к ограничению или запрету экономической деятельности между странами, в любом случае, оказывают воздействие на общее развитие государства, в отношении которого были осуществлены такие шаги, а также третьих стран, поскольку все экономические процессы и

---

¹ *Глинская Мария Вячеславовна* — кандидат экономических наук, доцент Института мировой экономики и бизнеса, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия.

² *Полежаев Максим Александрович* — аспирант кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия.

явления в национальной и международной экономике прямо или косвенно связаны между собой.

Начиная с марта 2014 г., странами ЕС, США и рядом других государств было положено начало введению экономических и политических санкций против Российской Федерации, что заметно отразилось на состоянии экономики нашей страны и катализировало экономические трудности. Данные трудности начались из-за резкого обвала цен на глобальном рынке углеводородов, доходы от экспорта которых составляют примерно половину от поступлений в федеральный бюджет.

По своему характеру, введенные против России санкции похожи на санкции против Ирана, на что сразу обратили внимание российские ученые, журналисты и эксперты (Шкваря и др., 2014; Русакович, Лебедева, 2015; Меланьина, 2019). Основная цель санкций — сдерживание Российской Федерации в дальнейшей эскалации СВО и обеспечение стабильности европейской модели безопасности.

Санкции международного уровня исторически базируются на опыте их применения в национальных экономиках и имеют при этом определенные особенности содержания, механизма действия и использования. Многоаспектность причин и следствий санкций предполагает среди исследователей различные трактовки их содержания и целей. Так, Б. Картер считает, что «...экономические санкции могут быть определены как принудительные меры экономического характера, реализуемые государствами с целью изменения политики или демонстрации позиции в отношении страны–объекта этих действий» (Carter, 2011).

К. Хаасс заявляет, что «...международные санкции действуют через механизм контроля доступа на рынок или выполнения торговых соглашений и имеют политические цели» (Haass, 1998). В то же время, этот вопрос остается дискуссионным и не имеет однозначной трактовки с научной среде. Так, Д. Болдуин не полностью солидарен с точкой зрения Р. Хаасса. Он озвучивает мнение, что категория «экономические санкции» имеет различные трактовки, в этой связи использование данного инструмента оказывается возможным для осуществления не только экономических, но также и политических целей (Baldwin, 1985).

Самостоятельным вопросом в трактовке экономических санкций в качестве средства внешней политики страны остается целесообразность причисления экономических стимулов или поощрений к международным санкциям: снятие наказания является вознаграждением; отмена награды — наказанием (Economic Sanctions..., 1992). В частности, Д. Болдуин относит экономические стимулы к одному из видов международных санкций, выделяя положительные и отрицательные санкции. При таком подходе предложение иностранной помощи будет положительной экономической санкцией. Однако подавляющее большинство ученых выступает сторонниками понимания сути санкций как наказания за неправомерную, угрожающую международной безопасности деятельность целевого государства (Алмазов и др., б/г; Barry, w/y; Davidsson, 2003).

Различные аспекты влияния экономических санкций на страну–объект санкций, а также на третьи страны и мировую экономическую систему в целом, вопросы «антисанкций», импортозамещения и др. изучали многие западные и отечественные ученые. В данном исследовании авторы опирались на труды российских и зарубежных ученых.

В статье проводится системный сравнительный анализ введенных санкций против России с санкциями против Ирана, проводится компаративный анализ результатов и методов

государственных действий, нацеленных на поддержку устойчивого социально-экономического, в том числе и на отраслевом и региональном уровнях, развития Российской Федерации.

Введение санкций со стороны США, ЕС и других западных стран против Российской Федерации в марте 2014 г., так или иначе, задело все сферы жизни нашей страны и других государств мира, в том числе и тех, которые эти санкции вводили. Дело в том, что интенсификация развития международных экономических связей потянула за собой углубление мировой глобализации, что, в свою очередь, связало между собой национальные экономики и экономики целых макрорегионов мира. И если в одной стране начинаются экономические проблемы, то страны–соседи и страны–партнеры такого государства также могут почувствовать их в своих экономиках.

Природа мировых экономических кризисов 1914 г., 1929–1933 гг., 1957–1958 гг., 1973–1975 гг. 1979–1982 гг., экономический кризис в Азии 1997 г., экономический кризис в странах СНГ в 1998 г., мировой кризис 2008–2009 гг. лишь подтверждают теорию об обусловленности национальных экономик и ситуации в глобальном мире (Санкции против Российской Федерации).

В то же время, в случае введения санкций против конкретного государства со стороны большинства его торгово-экономических партнеров, влияние от возможной экономической рецессии зависит только от судьбы и характера внешнеэкономических отношений между такими странами и их веса в международной экономике в целом (Norrin, 2015). Несмотря на то, что от экономических санкций против Ирана не пострадали соседние страны, в то же время, сама иранская экономика подверглась давлению серьезного спада. Благодаря умелой переориентации внешнеэкономического направления, Ирану удалось стабилизировать национальную экономику и уменьшить темпы экономической стагнации. Однако только снятие основной части санкций с нефтегазового сектора в 2016 г. создало условия для роста национальной экономики (Шкваря, 2022).

За время санкций против Ирана, которые изначально были преимущественно направлены против нефтегазовой сферы, стране удалось заменить основных импортеров иранской нефти и газа из стран ЕС на потребителей из государств Азии, организовать бартер нефти на золото с Турцией и Индией, товарный бартер с Китаем. Такие действия иранского правительства привели к минимизации негативных влияний санкций на национальную экономику со стороны ООН, США и ЕС и заложили фундамент для дальнейшего роста ВВП.

Учитывая это, необходимо обратить внимание на иранскую экономическую политику, в соответствии с которой был объявлен «экономический джихад», проведена масштабная приватизация и отмена субсидий, сделан акцент на развитие наукоемких сфер, правительством предложен пакет реформ, направленных на упрощение доступа к кредитам иранским предприятиям.

Как было указано выше, ситуация вокруг Ирана по многим признакам очень похожа на ситуацию в Российской Федерации, а именно: значительный удельный вес нефтегазовой отрасли в экономике государства, зависимость от высокотехнологичного импорта, ключевая роль поступлений от экспорта энергоносителей в бюджете и т. д. (Булатова, 2014).

Ситуация в отношении санкций, примененных к Российской Федерации, еще больше обострилась после 24.02.2022 г. На сегодня Евросоюзом принят уже 13-й пакет санкций против нашей страны, а всего санкционировано 18 772 ограничения (для сравнения: против политики Ирана за все время с 1979 г. введено 3 616 видов ограничений).

Развитие экономики Ирана, находящегося под санкциями с 1979 г.

Первые серьезные санкции против Ирана были установлены в 1979 г., когда на политической карте мира появилась Исламская Республика Иран. На смену шаху пришли аятолла и президент, объявив своими главными врагами Израиль и США, политика которых, особенно США, была направлена на прекращение контроля нефтяных потоков в Персидском заливе со стороны Ирана. Еще одной из главных причин введения санкций против Ирана с 2000-х гг. со стороны США стала ядерная программа Исламской Республики.

С тех пор и до настоящего времени санкции против Ирана не только ужесточаются, но вводятся новые. Иран столкнулся с рядом экономических проблем, инфляцией, нефтяным и оружейным эмбарго, запретом на приобретение оборудования и проведение международной банковской деятельности (в 2012 г. Иран был отключен от *SWIFT*) (Русакович, Лебедева, 2015).

Однако на практике экономического коллапса в стране не наступило, и падение режима, на который рассчитывал Запад, тоже не произошло. Экономика Ирана на протяжении всего периода нахождения под санкциями развивалась, а ВВП увеличился в 7,5 раз (рис. 1).

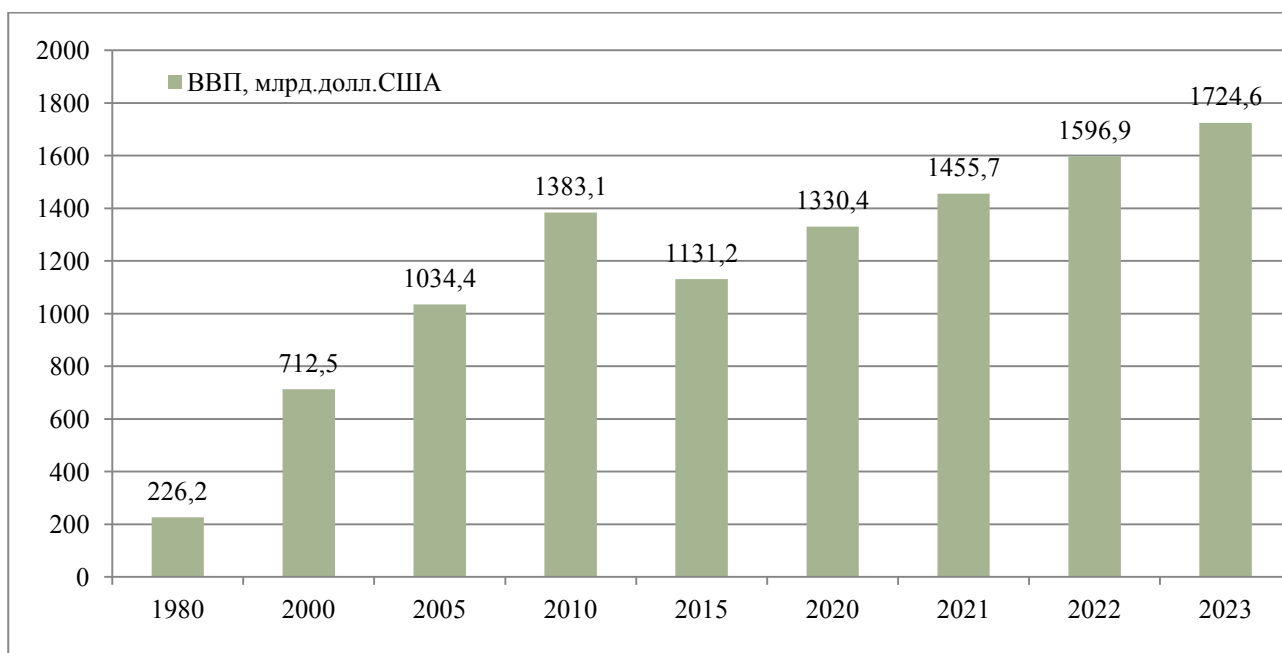

Рис. 1. ВВП Исламской Республики Иран, 1980–2023 гг., млрд долл.

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

За один лишь 2023 г. добыча нефти в Иране увеличилась на 500 тыс. баррелей в сутки, достигнув 3,1 млн баррелей в сутки. В 2023 г. годовой рост в нефтяном секторе экономики страны превысил 15%. Эта ситуация повторяется из года в год: в 2021, 2022, 2023 гг. рост составлял 10, 10 и 15% соответственно. Это значит, что за 3 года Иран существенно нарастил добычу, а, значит, и экспорт нефти.

Более того, ситуация сложилась таким образом, что именно благодаря санкциям экономика Ирана стала куда более диверсифицированной, чем у большинства стран Ближнего Востока, зависящих от нефти.

Сегодня крупнейшим внешнеторговым партнером Ирана стал Китай. Иран активно торгует со своими ближайшими соседями — АОЭ и Ираком. Иран увеличил долю пластика в товарной структуре экспорта страны, а также железо и сталь заняли большую долю экспорта ИРИ. Интересно отметить сильное снижение доли фруктов и орехов в экспорте страны, что может указывать на отход государства от сельскохозяйственной специализации и увеличение фокуса на промышленности, на что также подтверждает увеличение долей органической химии и удобрений в структуре экспорта страны.

I этап антироссийских экономических санкций: причины и последствия в 2014–2017 гг.

Прежде всего, стоит обратить внимание на динамику ВВП РФ в последние 10 лет (рис. 2), которая практически объясняет причины введения антироссийских санкций. Как видно из рис. 2, на 2012–2013 гг. пришелся пик производства ВВП в России в стоимостном выражении. Аналогичными были показатели международного экономического взаимодействия Российской Федерации (внешней торговли).

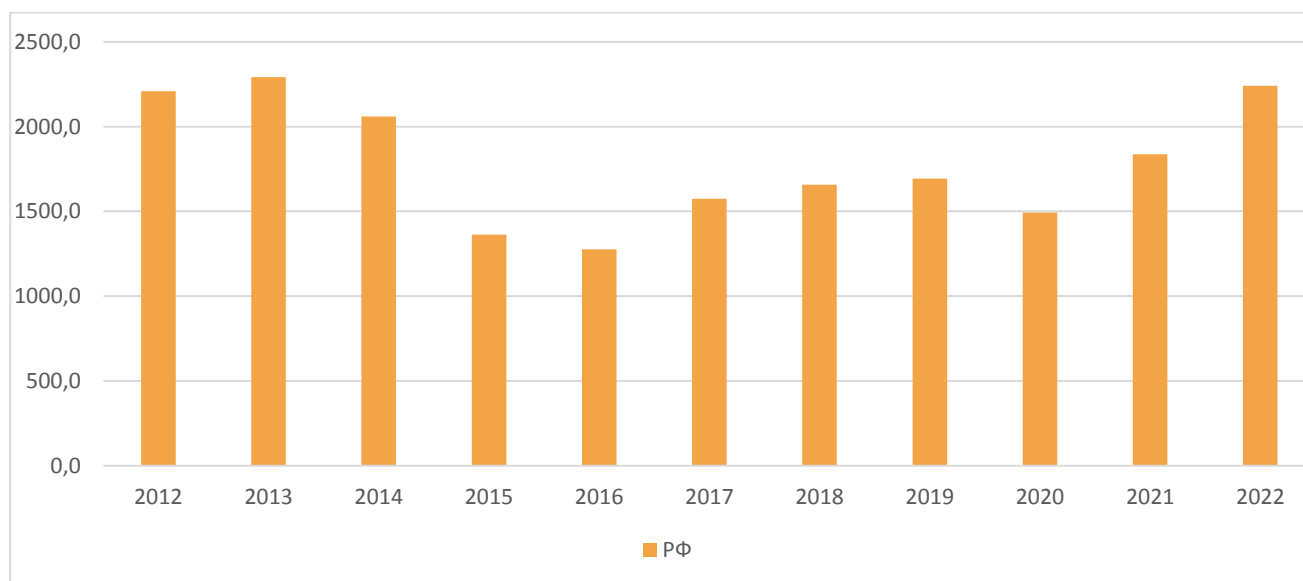

Рис. 2. Динамика ВВП РФ в 2012–2022 гг., млн долларов
Источник: составлено авторами по данным UNCTAD.

Другими словами, экономика и в целом российский хозяйственный потенциал быстро и грозно для империалистического Запада увеличивались и укреплялись, что, конечно, противоречило их идее о России как «бензоколонке с ядерным оружием» и экономическим интересам.

Укрепляясь, экономика России составляла все более заметную конкуренцию для Запада в экономической и других сферах. Это обстоятельство стало единственной причиной введения западных санкций против Российской Федерации. Тем более, что санкции против нашей страны с целью подрыва нашей экономики, а также различных ее секторов,

предпринимались Западом многократно в исторической ретроспективе (Глинская, 2009). У империализма не было уже других возможностей для сдерживания России, кроме введения санкций, и они были введены в 2014 г. со стороны США, ЕС и других западных стран.

Одновременно с этим, в 2014 г. этими же странами был инициирован и обвал цен на нефть на мировом рынке — с 112,36 долл. за 1 баррель нефти марки *Brent* (к которой привязана экспортная цена отечественной *Urals*, вывозившейся в Европу) на 1 июня 2014 г., ровно в 2 раза — до 56 долларов на 31.12.2016.

Вслед за этой фундаментальной экономической диверсией, западные империалисты добились и падения мировой цены на газ, традиционно привязанной к нефтяным ценам. Падение произошло тоже практически в 2 раза — с 382 долл. за 1 тыс. м³ для европейских государств в 2013 г. до 147,2 долл. в марте 2016 г.

Это, в свою очередь, стало причиной резкой и значительной, также фактически двукратной, девальвации отечественной валюты, соотношение которой к доллару которую на рынке за 1 доллар выросло с 33,9 рублей (по состоянию на 1 июня 2014 г.) до 75 рублей (по состоянию на 1 января 2016 г.), с некоторыми разновекторными колебаниями в различные периоды под действием внешних и внутренних процессов. Из вышеизложенного вытекает, что эти откровенно антироссийские действия имели определенный негативный эффект для Российской Федерации.

Таким образом, первый и важнейший удар был направлен против ведущей, согласно пониманию западных «партнеров», российской отрасли (ТЭК). В соответствии с этим, и первые санкции (первые пакеты) также были направлены против энергетического сектора России, а также против государственных корпораций, прежде всего оборонных компаний, против финансовых учреждений и кредитного рынка России в целом. В результате субъекты хозяйствования (предприятия и домохозяйства) стали испытывать финансовые проблемы в связи с затруднениями в плане погашения кредитов и получения новых, особенно иностранных. Фактически были предприняты беспрецедентные попытки крупномасштабной экономической блокады Российской Федерации, подрыва ее экономической безопасности и обороноспособности. В последующие годы это давление было только усилено и максимально расширено.

Тяжелая экономическая ситуация отразилась и на традиционно важной для руководства Российской Федерации отрасли — военно-промышленном комплексе. Несмотря на значительные расходы на ВПК, которые ежегодно закладываются в федеральном бюджете на Вооруженные Силы, предприятия оборонной промышленности находились на грани банкротства и имели долги в несколько десятков миллиардов российских рублей. Не только предприятия ВПК, но и другие промышленные производства при наличии контрактов на миллиарды рублей столкнулись с рядом проблем. Например, у концерна «Тракторные заводы» образовались долги в совокупности на 72,6 млрд руб. (чуть более 1 млрд долл.), у Уралвагонзавода совокупно разным кредиторам (среди них один из крупнейших банков Российской Федерации — Альфа-банк) образовались долги на сумму порядка 25,3 млрд руб. (Нуреев, Бусыгин, 2016).

Однако практически сразу в стране были предприняты противодействующие меры. Так, Центральный банк России начал поднимать ключевую ставку с 7% годовых (март 2014 г.) до 17% (январь 2015 г.) (Якунин, Рогов, 2015).

В то же время негативные последствия санкций трудно отрицать. Во-первых, в 2014–2015 гг. имело место массовое банкротство отечественных предприятий, в том числе и

финансовых структур (примерно на 30% в годовом исчислении), что серьезно ухудшило национальную общеэкономическую ситуацию, особенно в первый год введения санкций. Во-вторых, действительно заметно выросла себестоимость добываемого в России углеводородного сырья из-за износа оборудования и невозможности его обновления, вследствие нереальности получения кредитов за рубежом (Загашвили, 2015). Это стало причиной обвального снижения выручки и прибыли отечественных энергетических предприятий, в том числе добывающих, углубления дифференциации социально-экономического развития регионов нашей страны. В-третьих, ухудшились результаты хозяйственной деятельности в отраслях ВПК, транспорта, сельского хозяйства и других, что и стало причиной резкого снижения производства ВВП в Российской Федерации в 2014–2016 гг. (см. рис. 1). Темпы роста ВВП РФ в рассматриваемом периоде достигают минимального значения в 2015 г, что связано с вводом все новых и новых пакетов западных санкций против нашей страны. (В 2020 г. падение ВВП РФ было вызвано коронавирусной пандемией, в период которой наша страна оказывала содействие западным государствам, таким, как Италия, в борьбе с этим бедствием.) Также в 2015 г. были зафиксированы максимальные значения инфляции в России (15,5% в годовом исчислении) что является прямым следствием первой санкционной волны. Минимум же достигается в 2020 г., в связи с пандемией *COVID-19*, сильно снизившей спрос на многие категории товаров и услуг.

Далее, экспорт РФ (а, следовательно, и валютные доходы) резко падают в 2015 г. как следствие санкций, но ситуация начинает реабилитироваться уже в 2017 г., несмотря на вновь вводимые санкции, снова сокращаясь лишь в 2020 г. в связи с пандемией *COVID-19*. Приток ПИИ в РФ резко падает в 2014 и 2015 гг. в связи с санкционными мерами, но снова возрастает в 2016 г., хотя и не возвращается к показателям 2013 г.

Наконец, из-за того, что «...произошла девальвация российского рубля и синхронный обвал мировых цен на энергоносители, снизились показатели доходности нефтедобывающих и газодобывающих компаний. Соответственно, снизились все таможенные и налоговые поступления, в результате чего федеральный бюджет, сводный и бюджеты субъектов Федерации, понесли многомиллиардные убытки из-за отсутствия запланированных поступлений» (Санкции против Российской Федерации).

Экономические санкции против Российской Федерации в отношении запрета экспорта в нашу страну западных технологий и оборудования для нефтегазовой сферы, на первый взгляд, не нанесли серьезного ущерба нефтегазодобывающей промышленности страны за короткий срок с 2014 г. Западные компании, которые в 2014 г. покинули совместные проекты в России, в 2016 г. постепенно приступили к восстановлению своего присутствия в нашей экономике. Однако главная проблема нефтегазодобывающей отрасли РФ оказалась не в дефиците технологий для развития добычи (наоборот, несмотря на пессимистические прогнозы, в 2014 г. отечественные нефтегазодобывающие предприятия нарастили добычу по отношению к 2013 г.), а в снижении валютной выручки (Кравченко, б/г).

В условиях фактической финансовой блокады, возникшей в результате введения санкций со стороны ЕС, США и других западных стран, уменьшения финансовых резервов нашего государства, низких цен на нефть в среднесрочной перспективе, в бюджетах субъектов Федерации могла повториться ситуация Новгородской области, у которой возник кассовый разрыв и сложилась ситуация технического дефолта. И если в 2015 г. в течение 3-х месяцев областное правительство перекредитовалось, получило кредит от федерального министерства финансов, то в случае массовых кассовых разрывов бюджетов областей и

регионов мог возникнуть системный паралич всей сферы государственных финансов (Кравченко, б/г).

Стоит отметить, что санкции против России последовательно вводились союзниками США и в 2015–2017 гг. Тем не менее, экономика Российской Федерации в данный период выдержала колоссальное западное экономическое давление и взяла курс на глобальное импортозамещение во всех сферах промышленности, трансформируя географическую структуру своей внешнеэкономической деятельности и осуществляя всестороннее импортозамещение.

Современный этап экономических санкций против России: 2022–2023 гг.

Ситуация в отношении санкций к России многократно обострилась после 24.02.2022 г. и начала СВО, когда на сегодня принят уже 13-й пакет, а всего санкционировано 18772 ограничения (для сравнения: против политики Ирана за все время с 1979 г. введено 3616 видов ограничений), увеличившись по отношению 2014 г.

ЕС и США 23 февраля 2023 г. ввели новые санкции против российских компании и отечественного военно-промышленного комплекса (ВПК). Лидерами по количеству ограничительных мер сегодня являются США и Швейцария.

Но за 2 года экономических и политических ограничений Москва не только не обговаривала с коллективным Западом их отмену, но и вообще не предполагалось применять какие-либо инструменты снятия санкций в качестве предмета торга. Россия позиционирует себя как великая держава и добивается своих целей, вопреки всему обрушивающемуся на нее негативу.

В частности, в отношении России «...используется практически весь набор: финансовые, торговые, транспортные и визовые запреты. США, Евросоюз и другие инициаторы санкций стараются пресекать обход введенных ограничений — растет число вторичных санкций, а также случаев уголовного преследования лиц, задействованных в нарушении рестрикций. Тем не менее, количество не переходит в качество. Если для описания ситуации 2022 г. подходило слово «цунами», поскольку санкции после начала СВО вводились массово и стремительно, то в 2023 г. уместно слово «плато». Появление новых запретов и ограничений стало рутиной, к которой рынок уже привык. Оказавшиеся под санкциями компании перестраивают или уже перестроили свою работу. Остальные делают то же самое, понимая, что могут в любой момент оказаться в «черных списках». Санкции вредят экономике, но не в состоянии обрушить ее» (What Are Economic Sanctions).

В 2023 г. предсказуемой тенденцией стало расширение западных блокирующих финансовых санкций, т. е. иницируются попытки «заморозки активов» Российской Федерации в западных юрисдикциях, что подрывает уже не столько российскую экономику, сколько может стать серьезной проблемой для западных стран в перспективе. Сегодня санкции также серьезно снижают возможности применения традиционных международных платежных и расчетных средств (долларов и евро) в сделках между российскими субъектами хозяйствования и их партнерами из третьих стран, в то время, как такое сотрудничество только возрастает (Глинская, Полежаев, 2023).

Так, отмечается рост торговли и других видов экономического сотрудничества между Россией и такими дружественными государствами, как ОАЭ, Беларусь, Турция, Индия, Китай, Киргизия и др. Более того, растет взаимодействие также и с компаниями (хотя и, как

правило, малыми) из Финляндии, Германии, Кипра и других участников «санкционной коалиции». Они поставляют в Россию подсанкционные товары, в том числе — продукцию электронной промышленности. На месте заблокированных фирм возникают новые, поскольку российский рынок остается крупным, а премии за риск — высокими.

Стоит отметить достаточно устойчивый рост ВВП России (см. рис. 1), а также отечественного внешнеторгового оборота. При этом доля доллара и евро в нефтегазовом секторе России сведена к историческому минимуму. Так, в 2023 г. более 90% расчетов России и Китая в нефтегазовой отрасли проводились в национальных валютах — рублях и юанях. По 40% составляли доли рубля и юаня в целом по мировому нефтегазовому экспорту России, еще 20% приходилось на другие (неведущие) валюты, и данная тенденция, по нашему экспертному мнению, будет лишь расти. Многие страны во взаиморасчетах стали переходить на национальные валюты. Это связано с вводимыми Западом ограничениями — запретами на расчеты, санкциями против банков, в связи с использованием доллара и евро.

Bloomberg отмечает, что, несмотря на санкции, доходы России от продажи нефти и газа в феврале 2024 г. выросли на 80% по сравнению с 2023 г. и превысили 10 млрд долларов благодаря росту цен на российскую нефть, несмотря установленный «потолок цен». Налоги на нефть и нефтепродукты, на которые приходится 84% всех поступлений от нефти и газа, выросли более чем вдвое. Москва ограничила влияние «потолка цен» (страны «Большой семерки» установили ограничение на цену на уровне 60 долларов за баррель), используя огромный теневой (для западных стран) флот танкеров и работая с незападными покупателями, посредниками и поставщиками услуг (Russia's Oil and Gas Revenue..., 2024), а также незападными страховыми компаниями. Таким образом, Россия полностью заместила доходы от продаж нефти в ЕС, заработав дополнительно 2,7 млрд долларов (рис. 3).

Рис. 3. Динамика и географическая структура поставок углеводородов из РФ в 2019–2021 и 2023 гг., млрд долларов.

Источник: РИА новости.

Всего же в 2023 г. Россия на поставках нефтепродуктов крупным покупателям заработала 32,2 млрд долларов, полностью заместив выпавшие доходы от поставок

европейским странам, — констатируют эксперты. Крупнейшими покупателями Российской нефти в 2023 г. стали Турция, Китай, Индия и Бразилия, нарастившие объемы покупок в 5,5 раза по сравнению со средним значением в 2019–2021 гг. Общий объем продаж нефти из России в эти страны составил 28,8 млрд долларов (Россия полностью заместила..., 2024). Согласно оценке британской *The Guardian*, «западные санкции — самая непродуманная и контрпродуктивная политика в новейшей международной истории».

В 2023 г. экономический рост России составил +3,6%, что выше среднемирового показателя, промышленность выросла на 5%, строительство — на 8%, сельское хозяйство — на 12% с начала года. Россия стала крупнейшим в мире экспортером пшеницы. В 30 раз вырос экспорт сельскохозяйственной продукции России с 2000 г. Несмотря на западные санкции, доля России в мировом экспорте за последние 2 года лишь увеличилась. Экономика России стала 1-й в Европе и 5-й в мире (по ППС). На 5,4% выросли реальные располагаемые доходы граждан. Международный валютный фонд в 2,3 раза увеличил прогноз роста экономики России в 2024 г. (IMF, 2024). Россия поднялась на 6-е место в мире по уровню золото-валютных резервов. Уровень безработицы в России достиг рекордно низкого уровня за всю историю наблюдений. Отечественное самолетостроение готово превзойти свой исторический рекорд. Рекорд продаж «Рособоронэкспорта» зафиксирован по итогам 2023 г.

Россия становится важнейшим центром нового многополярного мира, в том числе благодаря участию в БРИКС. Доля БРИКС в мировой экономике уже превзошла долю G7. Россия стала лидером по темпам прироста товарооборота с Китаем. В странах Африки российские флаги стали сегодня символом антизападных настроений. Рекордного объема достигли транзитные грузоперевозки по Северному морскому пути в 2023 г. Россия инициировала глобальный процесс дедолларизации. Стремительными темпами идет дедолларизация на рынке банковских депозитов граждан России. Рекордными темпами растет доля расчетов в рублях за импорт в Россию. Более 90% расчетов между Россией и Китаем проводятся в рублях и юанях. Россия и Иран практически полностью перевели расчеты в национальные валюты.

Антироссийскими санкциями Запад спровоцировал глобальный экономический кризис. ФРС США готовится к рецессии. Экономика Британии уже впала в рецессию. Рецессия ожидает экономики большинства стран ЕС. Промышленность Германии уже не сможет вернуться к прежнему процветанию. Экономика Японии вошла в рецессию впервые за 5 лет.

Можно ли считать вводимые санкции эффективными? Все зависит от того, как именно понимать эффективность. Если подразумевать под ней «...влияние на политический курс России, то эффективность нулевая или даже отрицательная. Москва не меняет своей политики в отношениях с Западом, в том числе на украинском направлении. Российская экономика устояла, получив санкционный удар, и это только добавляет властям решимости следовать взятым курсом. Кроме того, Москва начинает все более последовательно отвечать собственными ограничительными мерами. Можно говорить о формировании правовых механизмов отечественных блокирующих финансовых санкций и практики визовых запретов» (What Are Economic Sanctions). Оформился корпус ограничений на сделки с участием лиц из недружественных стран. Появились запреты на вывоз из России критически важных товаров, а также ограничения на вывоз капитала. Вместе с тем, проявляется осторожность в отношении уголовного преследования за исполнение санкций западных режимов. Пока такие нормы не появляются, что выглядит оправданным: сама трактовка

«исполнения» может быть крайне широкой. Российские ответные меры асимметричны, что также закономерно. Несмотря на то, что отличия в экономиках России и западных стран слишком велики, чтобы «зеркальные» меры могли быть целесообразны, тем не менее, Россия пытается отвечать там, где присутствуют возможности и где проявится результат.

Заключение

Таким образом, исторический опыт показывает: «...с помощью санкций сложно принудить крупную державу изменить свое поведение. Вводимые ограничения могут наносить ущерб ее интересам или влиять на ее зарубежных контрагентов, ужесточая политический курс государства и стимулируя механизмы адаптации. Как правило, экономика и политика понимают рациональность по-разному. Для экономики рационально то, что приносит прибыль. Для политики — то, что позволяет решить вопросы безопасности и продвигать национальные интересы. В случае, когда безопасность и политические интересы требуют экономических жертв, государства обычно готовы эти жертвы принести. Особенно если считают, что речь идет о выживании или хотя бы о деле принципа. Бизнесу надо привыкать, что политических рисков становится больше. И дело тут не только в Российской Федерации — противостояние КНР и США медленно, но верно набирает обороты» (Поплавский, 2013). Когда их отношения перейдут в стадию настоящего конфликта, последствия для бизнеса и экономики окажутся куда серьезнее, чем в нынешнем случае.

В целом, экономические санкции представляют собой определенные ограничительные меры, применяемые странами-участниками внешнеторговых отношений с целью оказания политического воздействия.

Новые комплексные решения позволяют реализовать имеющийся потенциал импортозамещения, поддержать отечественных производителей, отстаивать интерес страны и общества» (What Are Economic Sanctions).

Президент Российской Федерации отмечал: «Мировой рекорд XX века по темпам роста, который поставила отечественная экономика с 1929 по 1955 гг. в условиях еще более сильных, чем сейчас, санкций Запада, содержит в себе предметный ответ на вопрос, что нам надо делать сегодня для роста нашей экономики и победы в экономической войне. В условиях еще более сильных, чем сегодня, санкций Запада, экономика без внешнего финансирования увеличилась в 14 раз, стала первой в Европе и второй в мире, а среднегодовые темпы роста составили 13,8% — за вычетом 4-х военных лет. При этом продолжительность жизни увеличилась на 26 лет, численность населения — на 46 млн человек, несмотря на Великую Отечественную войну, которая приходится на середину этого периода бурного роста» (Заседание комиссий..., 2023).

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., принятой в 2017 г., вектором развития российской экономики определено создание условий для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. Следовательно, фактически констатируется подчинение отечественной экономики реализации, прежде всего, политических целей. Кроме этого, экономический суверенитет Российской Федерации и единство ее экономического пространства определены безусловными приоритетами, которые будут защищаться всем спектром мероприятий (в т. ч. военного характера).

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации исходит из такого понимания ключевых международных трансформаций: (I) разрушения однополярного мира и перераспределения влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения, которые сложились за счет тектонических изменений в международном праве, военно-политической и экономической сферах (Суворов, Поплавский, 2012); (II) укрепление тенденции распространения на сферу экономики вызовов и угроз военно-политического характера, а также использования экономических методов для достижения политических целей.

При этом угрозы долгосрочного характера энергетическому комплексу России, связанные с введением санкционных ограничений, усиливаются конкуренцией других стран–производителей на мировых рынках (в том числе США, которые на сегодня стали конкурентом Российской Федерации на рынке природного газа в Европе). Эта ситуация заставляет Россию вносить коррективы в документы стратегического планирования развития энергетической отрасли России. Так, 13 мая 2019 г. Президент Российской Федерации утвердил новую редакцию Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации, в которой вменяется задачи по разработке инструментов противодействия попыткам ограничить деятельность российских компаний на мировых рынках, а также реализации инфраструктурных проектов.

России важно развивать параллельные цепочки, как производственные, так и транспортно-логистические, собственные платежные схемы, собственную портовую систему, транспортную и трубопроводную инфраструктуру. Давайте развивать все, что можем, потому что собственное развитие и есть залог ухода от санкций, выход из долларовой системы оплаты и стабильного и независимого развития в перспективе.

Список литературы:

1. Алмазов Ш. А., Катищин Д. С., Менский А. В. (б/г) Влияние экономических санкций США и Евросоюза на банковскую систему РФ // Электронный журнал «NovaInfo». [Almazov Sh. A., Katishchin D. S., Mensky A.V. (w/y) The impact of economic sanctions of the United States and the European Union on the banking system of the Russian Federation // Electronic journal "NovaInfo". (In Russian).] URL: <http://novainfo.ru/archive/27/vliyanie-ekonomicheskikh-sankciy>
2. Булатова А. И. (2014) Отличительные особенности развития регионов России // Экономика и предпринимательство. № 4. Ч. 1 (45–4). С. 266–268. [Bulatova A. I. (2014) Distinctive features of the development of Russian regions // Economics and Entrepreneurship. No. 4. Part 1 (45–4). Pp. 266–268. (In Russian).]
3. Глинская М. В. (2009) Внешние интересы личности, общества и государства в энергетической политике России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 2. С. 55–62. [Glinskaya M. V. (2009) External interests of the individual, society and the state in the energy policy of Russia // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. No. 2. Pp. 55–62. (In Russian).]
4. Глинская М. В., Полежаев М. А. (2023) Особенности управления внешнеэкономической деятельностью компаний России в условиях экономической турбулентности // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 3. № 1 (133). С. 86–92. [Glinskaya M. V., Polezhaev M. A. (2023) Features of management of foreign economic activity of

Russian companies in conditions of economic turbulence // Economics and Management: problems, solutions. Vol. 3. No. 1 (133). Pp. 86–92. (In Russian.)] DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2023.01.03.010

5. Загашвили В. (2015) Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 67–77. [Zagashvili V. (2015) Western sanctions and the Russian economy // The world economy and international relations. No. 11. Pp. 67–77. (In Russian).]

6. Заседание комиссий Госсовета по направлениям «Экономика и финансы» и «Энергетика» [Meeting of the commissions of the State Council in the areas of "Economics and Finance" and "Energy" (In Russian).] URL:<http://www.kremlin.ru/events/administration/71440>

7. Кравченко Л. (б/г) Ущерб в санкционной войне. [Kravchenko L. (w/y) Damage in the sanctions war. (In Russian).] URL: <http://www.warandpeace.ru>

8. Меланьина М. В. (2019) Экономические санкции в мировой экономике: теоретические аспекты / В сборнике: Мировая экономика в XXI веке : Value and Values. сборник материалов Международной научно-практической конференции. отв. ред. И. А. Айдрус. Москва. С. 100–104. [Melanyina M. V. (2019) Economic sanctions in the global economy: theoretical aspects / In the collection: The world economy in the XXI century : Value and Values. collection of materials of the International scientific and practical conference. ed. by I. A. Aidrus. Moscow. Pp. 100–104. (In Russian).]

9. Нуреев Р. М., Бусыгин Е. Г. (2016) Экономические санкции запада и российские антисанкции: успех или провал? // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Т. 8. № 4. С. 58–79. [Nureyev R. M., Busygin E. G. (2016) Western economic sanctions and Russian anti-sanctions: success or failure? // Journal of institutional Studies. Vol. 8. No. 4. Pp. 58–79. (In Russian).]

10. Поплавский С. П. (2013) Россия и КНР: современные тенденции политики военно-технического сотрудничества // Правовая политика и правовая жизнь. № 3. С. 31–36. [Poplavsky S. P. (2013) Russia and China: current trends in the policy of military-technical cooperation // Legal policy and legal life. No. 3. Pp. 31–36. (In Russian).]

11. Россия полностью заменила выпавшие доходы от поставки нефтепродуктов в ЕС (2024) [Russia has completely replaced the lost revenues from the supply of petroleum products to the EU (2024) (In Russian).] URL:<https://1prime.ru/20240306/nefteprodukty-845987842.html>

12. Русакович В. И., Лебедева Д. В. (2015) Иран: развитие в условиях санкций: опыт для России // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 6 (78). С. 54. [Rusakovich V. I., Lebedeva D. V. (2015) Iran: development under sanctions: experience for Russia // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 6 (78). P. 54. (In Russian).]

13. Санкции против Российской Федерации. [Sanctions against the Russian Federation. (In Russian).] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Санкции_против_Российской_Федерации.

14. Суворов В. Л., Поплавский С. П. (2012) Подготовка специалистов в области национальной безопасности и обороны государства — требование времени // Военная мысль. № 11. С. 64–69. [Suvorov V. L., Poplavsky S. P. (2012) Training of specialists in the field of national security and state defense — the requirement of time // Military thought. No. 11. Pp. 64–69. (In Russian).]

15. Шкваря Л. В., Русакович В. И., Лебедева Д. В. (2014) Россия — Иран: развитие сотрудничества в условиях санкций // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 11 (71). С. 43. [Shkvarya L. V., Rusakovich V. I., Lebedeva D. V. (2014) Russia — Iran: development of cooperation under sanctions // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 11 (71). P. 43. (In Russian).]

16. Шкваря Л. В. (2022) Российско-Иранские торгово-экономические отношения на современном этапе и направления их развития // *Инновационная экономика*. № 4 (33). С. 51–64. [Shkvarya L. V. (2022) Russian–Iranian trade and economic relations at the present stage and directions of their development // *Innovative economy*. No. 4 (33). Pp. 51–64. (In Russian).]
17. Якунина Ю. С., Рогов Н. Е. (2015) Влияние санкций США и Евросоюза на экономику России // *Экономика и социум*. № 1 (14). С. 351–354. [Yakunina Yu. S., Rogov N. E. (2015) The impact of US and EU sanctions on the Russian economy // *Economics and society*. No. 1 (14). Pp. 351–354. (In Russian).]
18. Baldwin D. (1985) *Economic Statecraft*. Princeton : Princeton University Press. URL: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/capsule-review/1986-03-01/economic-statecraft>
19. Barry E. C. (w/y) *International Economic Sanctions: Improving the Haphazard U. S. Legal Regime*. URL: <http://scholarship.law.berkeley.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1924&context=californialawreview>
20. *Russia's Oil and Gas Revenue Jumped in February in Budget Boost*. Bloomberg (2024). URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-03-05/russia-s-oil-and-gas-revenue-jumped-in-february-in-budget-boost?srnd=markets-vp>
21. Carter B. E. (2011) *Economic Sanctions* / Max Planck Encyclopedias of International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law:epil/9780199231690/law-9780199231690-e1521?prd=OPIL>
22. Davidsson E. (2003) *Towards A Definition of Economic Sanctions* / E. Davidsson // *The Economist*. № 18. URL: http://aldeilis.net/wp-content/uploads/sites/3/2010/05/2878_econsanc-definition.pdf
23. *Economic Sanctions as Tools of Foreign Policy* / Report to the Chairman. Committee on Foreign Relations, U. S. Senate. Washington D. C. : DIANE Publishing, 1992 URL: <http://www.gao.gov/assets/160/151591.pdf>
24. Haass R. (1998) *Economic Sanctions and American Diplomacy* // *A Council on Foreign Relations Book*. URL: <http://www.cfr.org/sanctions/economic-sanctions-american-diplomacy/p2765>
25. IMF, 2024. *World economic outlook update. Moderating inflation and steady growth open path to soft landing*. January, 2024.
26. Norrin M. R. (2015) *The Political Economy of Security: A Research and Teaching Agenda*. URL: <http://sites.bu.edu/politiceconomyofsecurity/files/2015/02/Ripsman-The-Political-Economy-of-Security-A-Research-and-Teaching-Agenda.pdf>
27. *What Are Economic Sanctions?* // *Council on foreign relations* URL: <http://www.cfr.org/sanctions/economic-sanctions/p36259>.

The impact of Western sanctions on the dynamics of economic development: Iran's experience for the Russian Federation

Maria V. Glinskaya,

*PhD of Economics, Associate Professor at the Institute of World Economy and Business,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Moscow, Russia*

Maxim A. Polezhaev,

*Postgraduate Student of the Department of Management, Peoples' Friendship University of
Russia (RUDN), Moscow, Russia*

In the last decade, Western countries have become increasingly active in applying sanctions pressure on various countries of the world, including the Russian Federation, whose sanctions against the economy are unprecedented today. Therefore, the study of the nature of sanctions and their impact on the national economies of the sub-sanctioned countries, initiator states, and the global economy is being updated. It is important to explore various sectoral, logistical and other aspects of the sanctions and anti-sanctions struggle. International sanctions have historically been based on the experience of their application in national economies and at the same time have certain features of content, mechanism of action and use. In the article, the authors assess the features of the economic development of the Russian Federation and Iran during a certain period when the economies of these countries were under the regime of international sanctions. The authors conclude that there is a recovery in the positive economic growth rates of these countries (statistical data indicating the growth of Iran's GDP are provided) while certain problems persist. The authors substantiate the point of view that the main goal of Western sanctions — changing the policy of the sub-sanctioned states - has not been achieved in Iran or Russia over the past period. However, the long-term threats to the Russian energy complex associated with the imposition of sanctions restrictions are intensified by the competition of other producing countries on world markets (including the United States, which has now become Russia's competitor in the natural gas market in Europe).

Keywords: *Russian Federation, Iran, economic restrictions, sanctions, deterrence, economic security, multipolarity.*

JEL codes: *F51, F52, F53, F62.*

Потенциал и географическое распределение потоков российского зернового экспорта по регионам мира

Чухарев Андрей Владимирович¹

Представленная статья посвящена исследованию современных проблем российского агропромышленного комплекса и вопросам международной торговли сельскохозяйственной продукцией. Аналитическим ядром работы выступает оценка текущего положения в производящей отечественной сфере зерноводства и идентификация ключевых направлений внешнеторговой активности нашей страны по линии экспортных поставок зерна. В исследовании рассматриваются показатели физического и стоимостного объемов российского экспорта зерновых в привязке к соответствующим производственным индикаторам в их временной динамике. Другим важным аспектом является анализ распределения потоков внешних поставок зерна из Российской Федерации между основными региональными рынками: азиатским (разделенным на 2 субрегиона), американским, африканским, ближневосточным и восточноевропейским. Период исследования — 2013–2022 гг. Как было установлено автором, за десятилетие между 2013 и 2022 гг. Российской Федерации удалось существенно нарастить свой экспортный потенциал и обеспечить надежные и стабильные поставки зерна ряду значимых региональных партнеров. Тем не менее, по мнению автора, внешнеторговые возможности нашей страны на мировом рынке зерна сегодня реализуются не в полном объеме. Автор приходит к выводу, что это должно стать стимулом для дальнейшего совершенствования производства и расширения экспорта зерновой продукции.

Ключевые слова: зерновое хозяйство, зерновые культуры, экспорт зерна, диверсификация рынков сбыта, торговля зерном по регионам мира, импортозамещение, санкции.

JEL коды: F14, F51, Q13, Q17, Q18.

Введение

Наблюдаемая в настоящее время геополитическая турбулентность ощутимо сказывается на хозяйственной жизни России и ее экономических отношениях со странами ближнего и дальнего зарубежья по линиям всех секторов и отраслей. Распад системы привычных хозяйственных связей, возникновение новых экономических вызовов и угроз обуславливают необходимость в повышении уровня самообеспеченности, автономности и устойчивости национальной хозяйственной системы РФ. Важной задачей на пути к достижению данной цели остается наращивание внутреннего сельскохозяйственного потенциала, выступающего несущим столпом в архитектуре обеспечения продовольственной

---

¹ Чухарев Андрей Владимирович — младший научный сотрудник отдела экономики, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия.

безопасности страны (Герасимчук, 2019, с. 165) и способного внести свой вклад в диверсификацию направлений внешней торговли.

Сегодня Россия обладает сильным агропромышленным комплексом (АПК), особое место внутри которого занимает зерновое хозяйство (Зюкин, Беляев, 2023а, с. 118). Его высокая эффективность обуславливается, с одной стороны, влиянием географического и природно-климатического факторов, а с другой — последовательной интенсификацией производственного процесса и планомерным внедрением в него инновационных технологий. Сочетанием данных предпосылок создается потенциал российского зернового экспорта, который наша страна успешно реализует на мировом рынке. В настоящее время, когда Россия, сталкиваясь с негативным влиянием последствий санкционного давления (Милонова, Астапенко, 2023) и нуждается в увеличении числа источников валютной выручки, необходимой для покрытия формирующегося по объективным причинам бюджетного дефицита (Агеева, 2024), данное исследование обретает особую значимость.

Вместе с тем анализ географии распределения исходящих из России потоков зернового экспорта способен указать на открытые для страны возможности по закреплению своего влияния в определенных регионах и странах мира, что также крайне актуально в условиях происходящих масштабных перемен на мировой политической арене.

Таким образом, целью статьи является оценка потенциала российского зернового экспорта на современном этапе и выявление наиболее значимых и перспективных рынков реализации продукции зернового хозяйства в региональном разрезе.

Методика исследования

Временные рамки основной части исследования ограничены 2013 и 2022 гг., что позволяет анализировать выбранные показатели в их временной динамике на протяжении последнего десятилетия, для которого необходимые статистические данные доступны в полном объеме. Более того, данное определение границ исследования подчинено строгой внутренней логике: первая волна масштабных антироссийских санкций пришлась на 2014 г., что позволяет рассматривать базовый период (2013 г.) в качестве положения в отечественной экономике, сложившегося в «досанкционный» период. Данный подход позволяет осуществить оценку влияния международных ограничений на состояние российского зернового экспорта. Отчетный период (2022 г.), в свою очередь, напротив, характеризуется ужесточением и ощутимым масштабированием означенных ограничений и интересен прежде всего с точки зрения наблюдения экспортного рынка в условиях новых вызовов.

В работе используются статистические данные о выращивании зерновых в России и объемах их экспортных поставок, предоставленные Федеральной службой государственной статистики и агентством «Международный торговый центр» (ИТС). При этом внутренняя статистика за 2022 г., не публикуемая Росстатом ввиду необходимости обеспечивать безопасность отечественных производителей перед лицом санкционной угрозы, уточнена по новостным публикациям других органов власти, определяющих сельскохозяйственную политику страны: Минсельхоза России и Россельхознадзора. Важно отметить, что в основной части исследования оценка объемов поставляемой на экспорт зерновой продукции приводится в ее стоимостном, а не физическом выражении. Таким образом, при определении положения России на том или ином региональном рынке подсчитывается доля страны в совокупной структуре закупок зерна, а не в физических объемах импорта.

Исследование географического распределения экспортных потоков российского зерна проводится на базе группировки стран мира по регионам, используемой Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН. Данная классификация включает в себя 6 основных регионов: 1) Азия (Центральная); 2) Азия (Южная и Восточная); 3) Америка (Южная и Центральная) и Карибский бассейн; 4) Африка; 5) Ближний Восток; 6) Восточная Европа. Регион «Азия (Центральная)» (далее — Центральная Азия) охватывает Афганистан и 5 азиатских государств, ранее входивших в состав СССР (FAO, 2013, p. 25). Регион «Азия (Южная и Восточная)» (далее — Южная и Восточная Азия) охватывает азиатские государства, лежащие на восток от Ирана, а также Папуа — Новую Гвинею (FAO, 2011, p. 23). Регион «Америка Южная и Центральная) и Карибский бассейн» (далее — Америка) — все страны обеих Америк и островные государства Карибского моря за исключением Канады, Мексики и США (FAO, 2015, pp. 16-18). Регион «Африка» включает в себя 53 африканские страны (FAO, 2005, p. 13). Регион «Ближний Восток» — государства Передней Азии и Кавказа (FAO, 2008, p. 23). Регион «Восточная Европа» — страны Европы, которые до объявления независимости входили в состав СССР (FAO, 2016, p. 13). Рассмотренная группировка дополняется в данном исследовании добавочным регионом «Прочие страны», который объединяет все государства, оказавшиеся не учтенными названными выше группами.

Общеметодологическую основу представленных изысканий составила теория продовольственной безопасности. Основными методами исследования стали общенаучные — анализ, индукция и сравнение; а также специфические для экономики методы исследования: экономико-статистический и абстрактно-логический.

Рост производительности агропромышленного комплекса, как основа для формирования потенциала российского зернового экспорта

Зерновое растениеводство — одна из динамично развивающихся отраслей российского агропромышленного комплекса. На протяжении многих лет зерновые культуры занимают центральное положение в структуре сельскохозяйственного производства в нашей стране, о чем свидетельствуют стабильно высокие показатели их удельного веса в общем объеме посевных площадей — в среднем 58,9% в течение рассматриваемого десятилетия (Росстат, 2023a). При этом Россия, являясь одним из мировых лидеров в сфере зерноводства, ставит перед собой цель не только самостоятельно обеспечить внутреннее потребление, но и постоянно наращивать свой экспортный потенциал (Правительство Российской Федерации, 2022, с. 25).

На 2013 г. валовой сбор зерновых в России составлял порядка 92,4 млн тонн, а уже к 2016 г. увеличился чуть более чем на 30% и достиг 120,7 млн тонн (рис. 1, левая шкала). В дальнейшем данный показатель опускался ниже уровня 120 млн. тонн в год лишь единожды, в 2018 г., когда из-за снижения посевных площадей, отводимых под выращивание зерновых культур (Зюкин, Беляев, 2023b, с. 38), их совокупный сбор составил 113,3 млн тонн (отставание от означенного целевого показателя составило менее чем 6%). Вместе с тем, период после 2018 г. характеризуется в целом положительной динамикой сборов зерновых, а его главным достижением может считаться рекордный урожай 2022 г., принесший российским аграриям 157,6 млн тонн зерна, что более чем на 1/3 превосходит средний

уровень сбора за предшествующие 9 лет. До этого производственные пики фиксировались в 2017 и 2020 гг.: 135,5 млн тонн и 133,5 млн тонн соответственно.

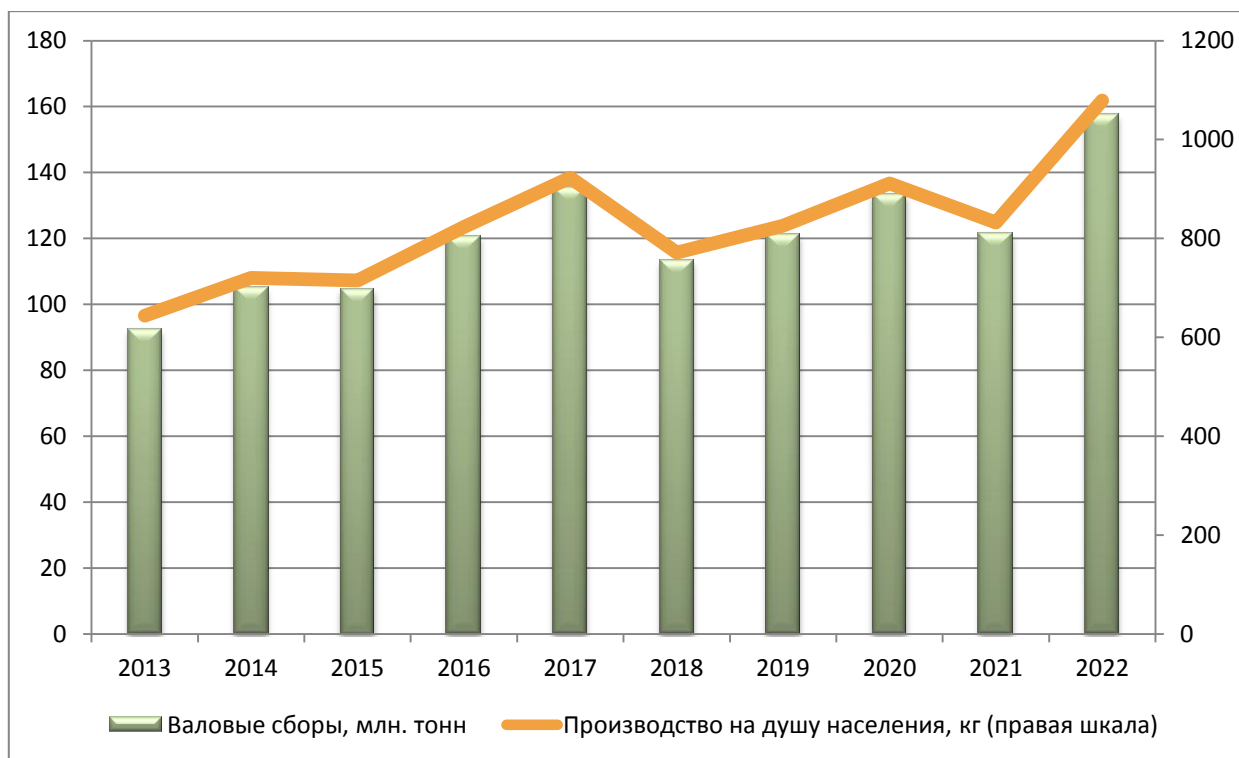

Рис. 1. Производство зерновых в России в 2013–2022 гг., млн тонн

Источник: расчеты автора по данным Росстат, 2023b; Росстат, 2022; Кулистикова, 2023.

В пользу все большей готовности российских зернопроизводителей к расширению своего присутствия на иностранных рынках свидетельствуют также статистические данные, характеризующие выработку зерновых на душу населения в нашей стране (рис. 1, правая шкала). Так, за последние 10 лет она увеличилась более чем на 65%: с 644 кг на человека в 2013 г. до более чем тонны (1079 кг) в 2022 г. За период между 2013 и 2022 гг. российские аграрии производили в среднем по 824 кг зерна на душу населения в год. Динамика, а также максимальные и минимальные значения данного показателя, объяснимо соотносятся с соответствующими годовыми параметрами валовых сборов.

Динамика общих показателей экспорта зерновых из России: 2013–2022 гг.

Наблюдаемая интенсификация производства зерновых в России закономерно обуславливает увеличение экспорта данной товарной группы сельскохозяйственной продукции. Причем это касается как физических, так и стоимостных его объемов.

При определенном смещении начальной границы рассматриваемого в исследовании отрезка временной прямой в направлении прошлого, становится очевидным, что ощутимый импульс российскому зерновому экспорту был дан в 2014 г., когда физические объемы поставок зерна за рубеж, равно как и их валовая стоимость, увеличились более чем в 1,5 раза относительно соответствующих средних показателей за предшествующий пятилетний

период (рис. 2, левая шкала): если в 2009–2013 гг. из России вывозилось в среднем 19,1 млн тонн зерна в год стоимостью около 4,23 млрд долл., то в 2014 г. иностранным покупателям было поставлено 30,1 млн тонн зерна (рост на 57,6%) на сумму в 6,32 млрд долл. (рост на 65,3%).

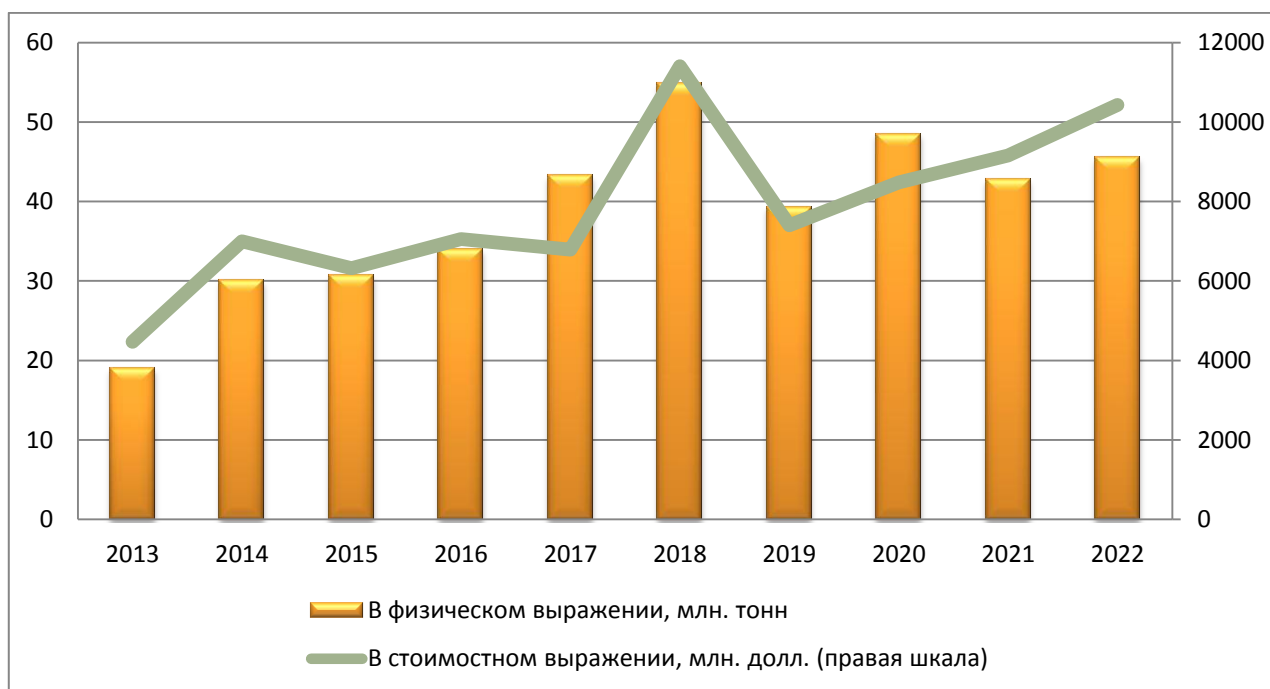

Рис. 2. Объемы российского зернового экспорта в 2013–2023 гг., млн тонн и млн долларов.

Источник: расчеты автора по данным Поле.рф, 2023; Росстат, 2023b; ИТС, 2024а.

Такое положение вещей связано, прежде всего, с изменением внешнеполитической позиции нашей страны. Оно конкретизируется в терминах начала подготовительного этапа экономического противоборства с коллективным Западом (в связи с международной реакцией на воссоединение п-ова Крым с Российской Федерацией), что также повлекло за собой трансформацию отдельных направлений отечественной внутренней политики, в том числе и сельскохозяйственной (Зюкин и др., 2023, с. 107). Целенаправленные меры Правительства Российской Федерации, предпринимаемые в рамках программ импортозамещения в сельском хозяйстве (Оборин, 2020, с. 99–100; Айдрус, Иванов, 2017), позволили нарастить объемы вывоза продукции зернового растениеводства до более чем 30 млн тонн в год в период между 2014 и 2016 гг. и вывести их в диапазон 40–55 млн тонн в год в 2017–2022 гг. При этом доля экспортной продукции в структуре валовых сборов зерна с 2017 г. закрепились выше отметки в 30% (Оборин, 2020). Лишь в 2022 г. этот показатель опустился до 28,9%, что объясняется возникновением общеконъюнктурных трудностей в ведении внешней торговли у России, связанными с установлением недружественными странами экономических барьеров и ограничений по причине эскалации конфликта на Украине.

Показатели стоимостных объемов российского зернового экспорта также демонстрируют устойчивую положительную динамику на протяжении рассматриваемого десятилетия (рис. 2, правая шкала). За данный период он увеличился более чем вдвое: с 4,47

млрд долл. в 2013 г. до 10,43 млрд долл. в 2022 г. В 2014–2017 гг. индекс экспортной выручки от реализации зерна осуществлял свое движение в канале 6–7 млрд долл., а в 2019–2022 гг. — уже 7–11 млрд долл.

В контексте анализа объемов российского зернового экспорта важно указать на aberrацию 2018 г. Эта историческая точка характеризуется резким ростом как физических, так и стоимостных объемов поставок российского зерна за рубеж: всего 54,8 млн тонн на сумму 11,4 млрд долл. (последнее из указанных значений до сих пор является абсолютным рекордом выручки российских экспортеров зерна), или в относительных величинах — рост на 26,6% и 70% год к году соответственно. Что примечательно, экстраординарный рост экспорта зерна происходил в условиях сокращения его производства (рис. 1). В данном случае увеличение международных поставок обуславливается влиянием комплексной группы факторов, в состав которой входят: сокращение мирового урожая зерновых, вызванное засушливым летом в основных районах производства культуры; большой объем накопленных за предшествующий год запасов зерна в России; повышение цен на зерно на глобальном рынке, а также девальвация рубля, сделавшие внешнюю торговлю зерновыми более привлекательной для производителей по сравнению с ее реализацией внутри страны (Шагайда, 2018). Важно заметить, что вследствие подобного экспортного «бума», зерновой баланс России оказался нарушенным, что стало одной из причин последующего резкого сокращения вывоза зерна из страны, наблюдавшегося в 2019 г. в условиях увеличения валовых сборов.

География торговли российским зерном: региональный срез

Важнейшими направлениями российского зернового экспорта в 2013–2022 гг. выступили страны Ближнего Востока и Африки, на которые в среднем за рассматриваемый период пришлось 82% от совокупного объема поставок (рис. 3).

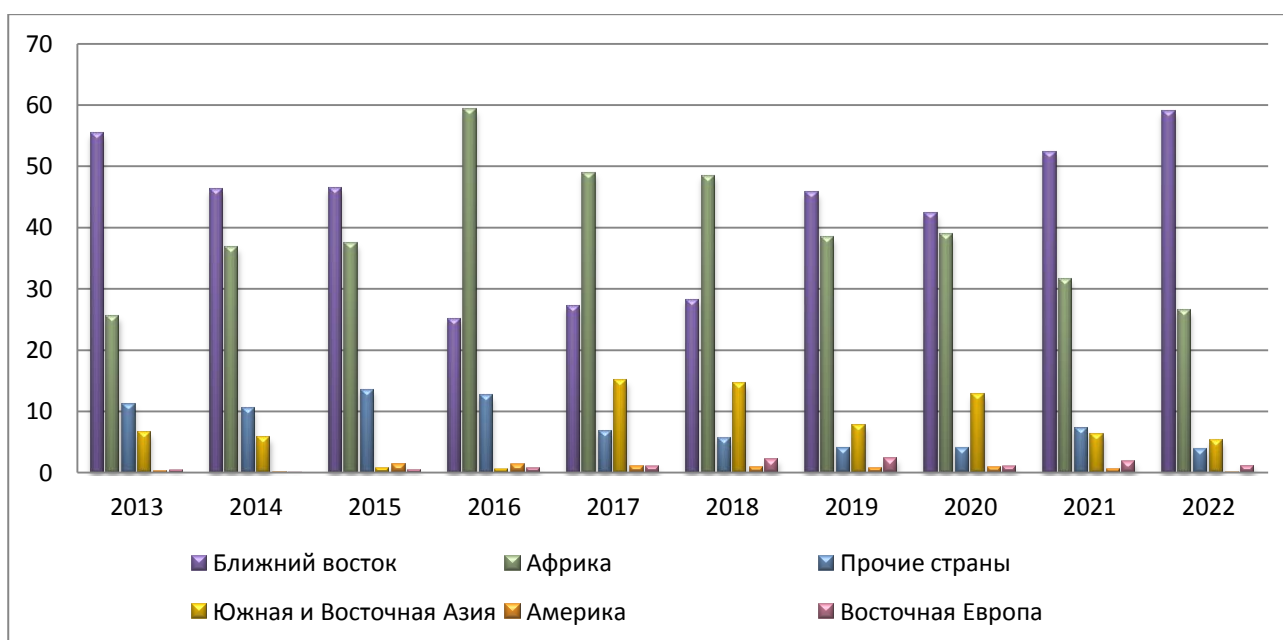

Рис. 3. Доли регионов мира (классификация ФАО) в стоимостном объеме российского зернового экспорта в 2013–2022 гг., %

Источник: расчеты автора по данным ИТС, 2024b, 2024c, 2024d, 2024e, 2024f, 2024g.

Однако, вопреки явному закреплению данных регионов в статусе крупнейших покупателей российской зерновой продукции, динамика изменения их долей в общей структуре отечественного экспорта демонстрирует склонность к высокой волатильности. Так, в 2013, 2021 и 2022 гг. удельный вес государств, относимых к ближневосточному региону, в совокупном объеме внешней торговли российским зерном существенно (порядка 20–30%) превышал долю африканских стран. В 2016–2018 гг. наблюдалась обратная картина: объемы российских поставок в Африку на 20–35% превышали таковые для Ближнего Востока. А в 2014–2015 и 2019–2020 гг. доли регионов оставались сопоставимыми.

Среди оставшихся регионов следует выделить, прежде всего, *Южную и Восточную Азию*, а также группу «Прочие страны». На них в разные годы рассматриваемого десятилетия приходилось в среднем по 7,5% и 7,9% экспорта зерна из России. Южно- и восточноазиатские страны активно закупали российскую зерновую продукцию в 2017–2020 гг.: от 7,7% до 15% совокупного экспорта страны. Доля группы «Прочие страны» превышала 10% в 2013–2016 гг. Регионы Америка и Восточная Европа не играли в рассматриваемом временном промежутке роли значимых экспортных рынков для российского зерна, их удельные веса в совокупных объемах экспорта не превышали 2,3%.

С точки зрения оценки положения, занимаемого Россией на ключевых региональных рынках, импортирующих зерновую продукцию, интересным представляется рассмотрение приходящейся на нашу страну доли от совокупного объема производимых на них закупок (рис. 4).

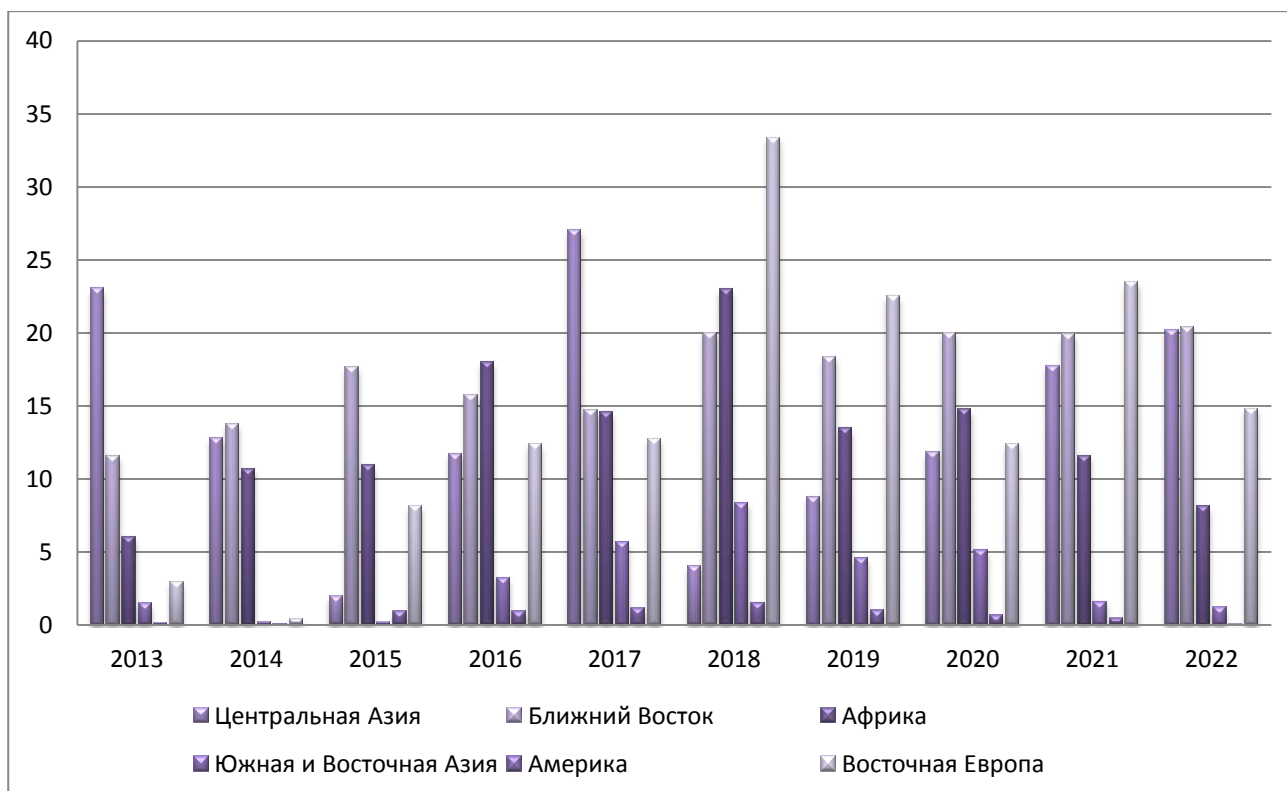

Рис. 4. Доли России в стоимостных объемах зернового импорта по регионам мира (классификация ФАО), 2013–2022 гг., %

Источник: расчеты автора по данным ИТС, 2024h, 2024i, 2024j, 2024k, 2024l, 2024m, 2024n, 2024o, 2024p, 2024q, 2024r, 2024s.

В противовес тому, что российские поставки зерновых на важнейшие региональные рынки характеризуются существенными различиями в объемах и довольно высокой волатильностью, присутствие зерна, произведенного в нашей стране, на данных рынках представляется более сбалансированным и стабильным. Это значит, что российский зерновой экспорт растет и сужается пропорционально изменениям емкостей данных рынков. Так, зерно российского происхождения занимало в среднем более 10% от суммарного объема закупок продукции данного типа на всех рассматриваемых рынках за последнюю декаду. При этом, начиная с 2016 г., на половине из них доля России стабильно составляла более 10% от совокупной емкости. Наиболее широко в рассматриваемый временной период времени наша страна была представлена на рынках стран Африки, Ближнего Востока, Восточной Европы и Центральной Азии (рис. 4).

В силу того, что не представленная в анализируемой статистике группа «Прочие страны» охватывает по большей части государства, которые сами являются крупными производителями и поставщиками зерна (Демчук, 2021), сделанную выше оценку присутствия России на указанных региональных рынках представляется возможным экстраполировать на масштабы глобального рынка. Таким образом, можно утверждать, что на долю российского зерна приходится около 10% мировой потребности в импорте данной продукции. Это сопоставимо с долей страны в структуре мирового производства зерновых, составляющей около 9% (Миронова, 2022, с. 144).

В 2013–2022 гг. Россия удовлетворяла от 6% до 23% зернового спроса *африканских государств* (в среднем за десятилетие 13%), который оценивался в сумму от 1,32 млрд долл. до 5,6 млрд долл. Пики стоимостных объемов российских зерновых поставок в Африку пришлись на 2016, 2017 и 2020 гг.: 4,2 млрд долл. и 18% рынка; 5,6 млрд долл. и 23% рынка; 3,7 млрд долл. и 15% рынка соответственно. Следует отметить, что с 2020 г. объемы российский зерновой торговли с африканскими странами стали сокращаться, что связано с ростом транспортно-логистических издержек, вызванным пандемией *COVID-19* и усугубившимся в связи с эскалацией конфликта на Украине.

На ближневосточном рынке в рассматриваемый период Россия занимала долю от 11,6% (в 2013 г.) до 20,4% (в 2022 г.), а стоимостные объемы ее зерновых поставок исчислялись суммами от 2,5 млрд долл. до 6,1 млрд долл.; в среднем 17,2%. При этом 2013–2017 гг. характеризуются более узким присутствием российской зерновой продукции на рынках ближневосточных стран — тогда ее доля составляла порядка 14,7% и оценивалась в 2,6 млрд долл. Временной отрезок, начинающийся с 2018 г., в свою очередь, отличается как расширением российской долей рынка (до порядка 20%), так и увеличением совокупных объемов стоимости поставленной продукции (до порядка 4,4 млрд долл.). Ближневосточный рынок, доля России на котором изменяется с наименьшей волатильностью, ввиду его предсказуемости и стабильности, может считаться наиболее надежным и значимым для нашей страны. При росте населения и имеющихся объективных ограничениях в собственной сельскохозяйственной сфере (Русакович, 2023), эта стабильность сохранится и в перспективе, что важно для отечественного АПК.

Рынок стран Восточной Европы — наименее емкий среди рассматриваемых и мало чем примечателен для анализа, поскольку направленные к нему российские экспортные потоки охватывают лишь около 1% от объема внешней торговли зерном. Тем не менее, следует отметить, что в 2018 г. на отечественную продукцию пришлось более 33% совокупного импорта зерна восточноевропейских стран, что, как предполагается, может

быть связано с упомянутыми ранее плохой урожайностью и связанным с ней сокращением предложения в данном году по всему миру. До 2018 г. присутствие российского зерна на рынке Восточной Европы оставалось незначительным, а после стало отличаться сильной изменчивостью от периода к периоду.

Аналогичным образом не свойственно ощущаемое постоянство и российским зерновым поставкам в страны *Центральной Азии*. В среднем за 2013–2022 гг. на долю нашей страны приходилось 13,9% от их совокупного импорта зерновой продукции, однако это значение могло изменяться от 2% (как, например, в 2015 г.) до почти 30% (как в 2017 г.). Несмотря на то, что рынок Центральной Азии является для России географически близким, а также характеризуется довольно высоким зерновым спросом, такое нестабильное присутствие на нем отечественной продукции не является неожиданностью. Это объясняется традиционным доминированием в регионе казахстанских агропроизводителей, удовлетворяющих его нужды с меньшими транспортно-логистическими издержками (Буянов, 2023). Таким образом, российский зерновой экспорт в центральноазиатские страны во многом определяется соответствующей внешнеторговой активностью Казахстана в тот или иной временной период.

Оставшиеся 2 региона — Америка, а также Южная и Восточная Азия — не характеризуются обширным присутствием российского зерна. Средняя доля данных регионов в совокупной структуре импорта составляет менее 2%.

Выводы и рекомендации

За последнее десятилетие в России была проведена масштабная работа по наращиванию потенциала зернового экспорта. На протяжении рассматриваемого периода отечественные зернопроизводители увеличивали выработку своей продукции, закономерным следствием чего стало увеличение ее поставок за рубеж. Рост стоимостных объемов вывоза зерна стоит рассматривать в качестве надежного инструмента диверсификации валютной выручки, что особо ценно в условиях текущей геополитической обстановки. Вместе с тем, следует отметить, что экономические аспекты внешнеполитического давления на Россию, усилившегося с началом Специальной военной операции на Украине, ослабляют конъюнктурное положение страны на мировом рынке зерна и не позволяют реализовать ее внешнеторговые возможности в полном объеме. Во избежание критического снижения внутренних цен и перегрузки мощностей хранения (что приведет к спаду привлекательности зерноводства, в сущности, являющегося одним из центральных элементов всего агропромышленного комплекса страны, и, как следствие, нанесут серьезный удар по отечественному сельскому хозяйству), необходимо расширять уже существующие и создавать дополнительные экспортные маршруты для российского зерна.

Российской продукции уже удалось прочно закрепиться на рынках стран Африки и Ближнего Востока, более переменчивые, но также существенные результаты достигнуты в Восточной Европе и в Центральной Азии. Вместе с тем, конъюнктурные условия и емкости африканского и ближневосточного рынков сохраняют перспективы увеличения объемов российских поставок по данным направлениям. Потенциал американского и азиатского рынков для продукции российского зерноводства в настоящее время и вовсе представляется раскрытым в недостаточной степени. Расширение присутствия российского зерна в структуре импорта данных регионов связано с осуществлением инвестиций в транспортно-

логистическую (прежде всего, железнодорожную и портовую) инфраструктуру на востоке страны, а также разработкой новых механизмов взаиморасчетов с иностранными государствами по экспортно-импортным операциям, что обуславливается ограничениями в работе привычных финансовых инструментов, возникшими под влиянием т. н. международных санкций. Существуют все основания полагать, что такие издержки будут оправданы для России ощутимым увеличением экспортных поставок зерна и сопутствующим синергетическим эффектом, заключающимся в повышении транспортной доступности и инвестиционной привлекательности восточных регионов страны, диверсификации логистических цепочек, отходом от привязки к доллару в международных расчетах и т. д.

Важно отметить, что политика импортозамещения в сельском хозяйстве, реализуемая с середины 2010-х гг., демонстрирует свою эффективность и в настоящих условиях становится все более и более актуальной. Ограничения, действующие в отношении импортных поставок продукции, востребованной в сфере сельского хозяйства и смежных отраслях (от сырья и готовых продовольственных товаров до комплектующих и технических решений), не только способствуют обеспечению продовольственной безопасности нашей страны на качественно новом уровне, но и выступают в роли стимулов, побуждающих к занятию пустующих ниш внутреннего рынка и развитию собственных производств, для отечественных предпринимателей.

Список литературы

1. Агеева О. (2024) Дефицит бюджета России вплотную приблизился к лимиту на весь 2024 год. Forbes, 07 марта. [Ageeva O. (2024) Russian federal budget deficit is close to the limit for the entire year 2024. Forbes, March 07. (In Russian).] URL <https://www.forbes.ru/finansy/507726-deficit-budzeta-rossii-vplotnuu-priblizilsa-k-limitu-na-ves-2024-god>.
2. Айдрус И. А. З., Иванов А. Л. (2017) Экономические санкции и импортозамещение в продовольственном секторе России // Инновационная экономика. № 2 (11). С. 12. [Aidrous I. A. Z., Ivanov A. L. (2017) Economic sanctions and import substitution in the food sector of Russia // Innovative Economics. No. 2 (11). P. 12. (In Russian).]
3. Буянов С. (2023) Российская пшеница «захватит» Центральную Азию за пять лет. ЕлДала, 09 декабря. [Buyanov S. (2021) Russian wheat will “take over” Central Asia in five years. EIDala, December 09. (In Russian).] URL <https://eldala.kz/novosti/ehlevatory/17476-rossiyskaya-pshenica-zahvatit-centralnuyu-aziyu-za-pyat-let>.
4. Герасимчук З. В. (2019) Теоретические основы продовольственной безопасности // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. № 4. С. 162–171. [Gerasimchuk Z. V. (2019) Theoretical foundations of food security // Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii. No. 4. Pp. 162–171. (In Russian).]
5. Демчук В. (2021) Топ–10 стран-производителей пшеницы в 2020/21 МГ. Latifundist, 05 мая. [Demchuk V. (2021) Top 10 wheat producing countries in 2020/21 MY. Latifundist, May 05. (In Russian).] URL <https://latifundist.com/rating/top-10-stran-proizvoditelej-pshenitsy-v-202021-mg>.
6. Зюкин Д. А., Беляев С. А. (2023а) Роль зернового хозяйства в сельскохозяйственном производстве и экспорте агропродовольствия // Вестник Курской

государственной сельскохозяйственной академии. № 4. С. 114–119. [Zyukin D. A., Belyaev S. A. (2023a) The role of grain farming in agricultural production and export of agricultural products // Vestnik Kurskoy gosudarstvennoy sel'skokhozyaystvennoy akademii. No. 4. Pp. 114–119. (In Russian).]

7. Зюкин Д. А., Беляев С. А. (2023b) Анализ экспортного потока зерна из России в условиях санкций // Азимут научных исследований: экономика и управление. Т. 12. № 2 (43). С. 37–40. [Zyukin D. A., Belyaev S. A. (2023b) Analysis of grain export flow from Russia under sanctions // Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. Vol. 12. No. 2 (43). Pp. 37–40. (In Russian).]

8. Зюкин Д. А., Святова О. В., Беляев С. А., Репринцева Е. В. (2023) География и перспективы российского экспорта зерновых культур // Международный сельскохозяйственный журнал. Т. 66. № 1 (391). С. 106–110. [Zyukin D. A., Svyatova O. V., Belyaev S. A., Reprintseva E. V. (2023) Geography and prospects of Russian grain exports // Mezhdunarodnyy sel'skokhozyaystvennyy zhurnal. Vol. 66. No. 1 (391). Pp. 106–110. (In Russian).]

9. Кулистикова Т. (2023) Росстат уточнил данные по урожаю в 2022 году. Агроинвестор, 13 марта. [Kulistikova T. (2023) Rosstat clarified harvest data in 2022. Agroinvestor, March 07. (In Russian).] URL <https://www.agroinvestor.ru/analytics/news/39916-rosstat-utochnil-dannye-po-urozhayu-v-2022-godu/>.

10. Милонова М. В., Астапенко А. А. (2023) Влияние санкций на агропромышленный комплекс России // Международная торговля и торговая политика. Т. 9. № 3 (35). С. 127–133. [Milonova M. V., Astapenko A. A. (2023) The impact of sanctions on the agro-industrial complex of Russia // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 127–133. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-127-133

11. Миронова О. А. (2022) Мировой рынок зерна и российский экспорт: состояние, тенденции, сценарии // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). No.4 (80). С. 143–149. [Mironova O. A. (2022) World grain market and Russian exports: state, trends, scenarios // Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKH). No. 4 (80). Pp. 143–149. (In Russian).]

12. Оборин М. С. (2020) Проблемы и перспективы импортозамещения в отрасли сельского хозяйства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. Т. 6 (72). № 2. С. 96–105. [Oborin M. S. (2020) Problems and prospects of “importozameshchenie” policy in agricultural sector // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie. Vol. 6 (72). No. 2. Pp. 96–105. (In Russian).]

13. Поле.рф (2023) РФ экспортировала 45,5 млн тонн зерна в 2022 году — Россельхознадзор. Поле.рф, 05 апреля. [Pole.rf (2023) The Russian Federation exported 45.5 million tons of grain in 2022 — Rosselkhoz nadzor, April 05. (In Russian).] URL <https://xn--elalid.xn--plai/journal/publication/2042>

14. Правительство Российской Федерации (2022) Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г., № 2567-р. [Government of the Russian Federation (2022). Strategy for the development of agro-industrial and fishery complexes of the Russian Federation for the period until 2030. Order of the Government of the Russian Federation of September 8, 2022, No. 2567-r. (In Russian).]

15. Росстат (2022) Производство сельскохозяйственной продукции на душу населения. Федеральная служба государственной статистики, 2023. [Rosstat (2022) Agricultural production per capita. Federal State Statistic Service, 2022. (In Russian).]
16. Росстат (2023а) Посевные площади Российской Федерации в 2023 году (весеннего учета). Федеральная служба государственной статистики, 2023. [Rosstat (2023a) Areas under cultivation (spring accounting). Federal State Statistic Service, 2023. (In Russian).]
17. Росстат (2023b) Ресурсы и использование зерна (без продуктов переработки) по Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики, 2023. [Rosstat (2023b) Resources and use of grain (without processed products) in the Russian Federation. Federal State Statistic Service, 2023. (In Russian).]
18. Русакович В. И. (2023) Сельское хозяйство Султаната Оман: современные особенности и роль современных технических возможностей развития // Сегодня и завтра Российской экономики. № 116. С. 52–62. [Rusakovich V. I. (2023) Agriculture of the Sultanate of Oman: modern features and the role of modern technical development opportunities // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 116. Pp. 52–62. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-116-05
19. Шагайда Н. (2018) Падение урожая зерновых в 2018 году — стоит ли волноваться? Финанс, 21 сентября. URL <https://www.finam.ru/publications/item/padenie-urozhaya-zernovykh-v-2018-godu---stoit-li-volnovatsya-2021-11-04-09-59/>. [Shagayda N. (2018) Fall in grain harvest in 2018 – should we worry? Finam, September 21. (In Russian).]
20. FAO (2005). Irrigation in Africa in figures. FAO water reports, No. 29.
21. FAO (2008). Irrigation in the Middle East in figures. FAO water reports, No. 34.
22. FAO (2011). Irrigation in Southern and Eastern Asia in figures. FAO water reports, No. 37.
23. FAO (2013). Irrigation in Central Asia in figures. FAO water reports, No. 39.
24. FAO (2015). El riego en América del Sur, Centroamérica y Caribe en cifras. Encuesta AQUASTAT — 2015.
25. FAO (2016). Irrigation in Eastern Europe in figures. AQUASTAT Survey — 2016.
26. ITC (2024a). List of importing markets for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
27. ITC (2024b). List of importing markets from Africa (FAO) for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
28. ITC (2024c). List of importing markets from America (Southern and Central) and the Caribbean (FAO) for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
29. ITC (2024d). List of importing markets from Asia (Central) (FAO) for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
30. ITC (2024e). List of importing markets from Asia (Southern and Eastern) (FAO) for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.

31. ITC (2024f). List of importing markets from Eastern Europe (FAO) for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
32. ITC (2024g). List of importing markets from Middle East (FAO) for a product exported by Russian Federation (Mirror). Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
33. ITC (2024h). List of importers for the selected product. Product: 10 Cereals. Africa (FAO) Aggregation. Trade Map — Trade statistics for international business development.
34. ITC (2024i). List of importers for the selected product. Product: 10 Cereals. America (Southern and Central) and the Caribbean (FAO) Aggregation. Trade Map — Trade statistics for international business development.
35. ITC (2024j). List of importers for the selected product. Product: 10 Cereals. Asia (Central) (FAO) Aggregation. Trade Map — Trade statistics for international business development.
36. ITC (2024k). List of importers for the selected product. Product: 10 Cereals. Asia (Southern and Eastern) (FAO) Aggregation. Trade Map — Trade statistics for international business development.
37. ITC (2024l). List of importers for the selected product. Product: 10 Cereals. Eastern Europe (FAO) Aggregation. Trade Map — Trade statistics for international business development.
38. ITC (2024m). List of importers for the selected product. Product: 10 Cereals. Middle East (FAO) Aggregation. Trade Map — Trade statistics for international business development.
39. ITC (2024n). Bilateral trade between Africa (FAO) and Russian Federation. Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
40. ITC (2024o). Bilateral trade between America (Southern and Central) and the Caribbean (FAO) and Russian Federation. Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
41. ITC (2024p). Bilateral trade between Asia (Central) (FAO) and Russian Federation. Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
42. ITC (2024q). Bilateral trade between Asia (Southern and Eastern) (FAO) and Russian Federation. Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
43. ITC (2024r). Bilateral trade between Eastern Europe (FAO) and Russian Federation. Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.
44. ITC (2024s). Bilateral trade between Middle East (FAO) and Russian Federation. Product: 10 Cereals. Trade Map — Trade statistics for international business development.

Capacity and geographical directions of Russian grain export flows (regions overview)

Andrey V. Chukharev,

Junior researcher of the Department of Economics, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia

The presented article is devoted to the study of modern problems of the Russian agro-industrial complex and issues of international trade in agricultural products. The analytical core of

---

the work is an assessment of the current situation in the domestic grain production sector and the identification of key areas of foreign trade activity of our country through grain exports. The study examines the indicators of the physical and value volumes of Russian grain exports in relation to the corresponding production indicators in their time dynamics. Another important aspect is the analysis of the distribution of flows of external grain supplies from the Russian Federation between the main regional markets: Asian (divided into 2 subregions), American, African, Middle Eastern and Eastern European. The study period is 2013–2022. As it was established by the author, in the decade between 2013 and 2022. The Russian Federation has managed to significantly increase its export potential and ensure reliable and stable grain supplies to a number of significant regional partners. Nevertheless, according to the author, the foreign trade opportunities of our country in the world grain market are not fully realized today. The author concludes that this should be an incentive for further improvement of production and expansion of exports of grain products.

Keywords: *grain farming, grain crops, grain export, market diversification, grain trade by regions of the world, import substitution, sanctions.*

JEL codes: *F14, F51, Q13, Q17, Q18.*

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ / DEVELOPMENT OF COUNTRIES
AND TERRITORIES**

**Цифровая экономика в Российской Федерации и направления ее развития
в современных условиях**

Шкваря Людмила Васильевна¹

Актуальность темы научной статьи определяется высокой степенью важности развития цифровой экономики в Российской Федерации для обеспечения ее стабильности, структурной сбалансированности, национального суверенитета и формирования новых передовых форматов и сфер экономического и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Развитие цифровизации экономики Российской Федерации осуществляется на основе не только внутривосточных тенденций, но и мирового опыта и международного сотрудничества в цифровой сфере. Этот процесс охватывает как внутривосточные, так и внешнеэкономические направления. Цель статьи — дать комплексный анализ результатов цифровизации экономики в Российской Федерации, оценить действенность факторов, ее стимулирующих, и выявить сохраняющиеся в этом процессе ограничения. В статье проанализированы основные направления развития цифровизации в экономической и социальной сфере Российской Федерации, которые эволюционируют благодаря наличию объективных факторов, относительных преимуществ и политической воли. На основе анализа статистических данных, автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие факторов, противодействующих развитию цифровизации в Российской Федерации (внутренних, например, дифференциацию цифрового развития регионов, и внешних, таких как западные санкции), этот процесс активизируется в среднесрочной перспективе. Установлено, что развитие цифровой экономики в России активизировалось в последние 5 лет, что наибольшее распространение получила цифровизация в России в сфере услуг, а импортозамещение остается основным триггером развития цифровой экосистемы России. По мнению автора, он сохранит важнейшее значение для Российской Федерации в средне- и долгосрочной перспективе в условиях роста глобальной нестабильности и западного давления на экономику Российской Федерации. России важно преодолевать сохраняющиеся ограничения на основе собственных разработок и международного взаимодействия с дружественными странами и на этой основе укреплять технологический и цифровой суверенитет.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровая экономика, цифровая трансформация, телекоммуникации, Российская Федерация, экономическое развитие, мировой экономический порядок.*

JEL коды: *F02, F63, L63, L96, O14, O52.*

---

¹ Шкваря Людмила Васильевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Международных экономических отношений, профессор кафедры мировой экономики, Высшая школа экономики и бизнеса, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Введение

Цифровая экономика на нынешнем этапе развития глобального хозяйства выступает одной из важнейших тенденций и процессов, охватывая все сферы и направления деятельности и взаимодействия (Цифровое государство..., 2022).

Общепринятое определение цифровой экономики сегодня отсутствует в научной литературе. Однако в нашей статье под цифровой экономикой мы понимаем хозяйственную деятельность (сегмент национальной экономики), которая основана на цифровых и компьютерных технологиях, предполагает их производство, а также производство как цифровых, так и традиционных товаров и услуг с помощью и на основе этих технологий. Цифровая трансформация, на наш взгляд, может быть определена как процесс перестройки деятельности субъектов хозяйствования во всех сферах и отраслях экономики и социальной сферы, целью которой выступает рост эффективности и производительности, объемов и качества, прозрачности и контроля и в целом конкурентоспособности национальной экономики.

Большинство стран мира, как развитых, так и развивающихся, стали осуществлять целенаправленные шаги по имплементации цифровой экономики и встраиваться в IV промышленную революцию (Афро-Азиатские страны..., 2019). Поэтому цифровые процессы в мире, в различных регионах и странах активно обсуждаются в научной литературе.

Особенно оживленно изучаются цифровые трансформации и их влияние на внутренние и внешние процессы в наиболее развитых в этой сфере странах, таких как Китай, Республика Корея (Латышов, 2023), Япония (Авдокушин, 2010). Эти процессы оказывают заметное влияние на цифровизацию в развивающихся странах и регионах благодаря активизации внешнеторговых связей (Зеркот, 2023). Причем обычно подразумевается, что влияние это в отношении и государства, и бизнеса, и домохозяйств может быть как положительным (ускорение и упрощение бизнес-деятельности, повышение ее эффективности), так и отрицательным. Последнее связано с необходимостью усиления цифровой безопасности (кибербезопасности), а также устранением диспропорций в цифровом развитии отдельных территорий и регионов Российской Федерации (Акбердина и др., 2023).

Большой интерес вызывает исследование процесса влияния цифровизации на мировую экономику и международные экономические отношения, особенно в разрезе крупнейших внешнеторговых держав (Минат, 2023), опыт которых после соответствующей адаптации можно использовать в России.

Если говорить о цифровизации бизнеса, то российские исследователи уделяют этому вопросу большое внимание и отмечают, что, с одной стороны, тренды в этой сфере в отечественной экономике в целом соответствуют мировым, а с другой — что «сокращается доля предприятий с низким уровнем цифровизации, к началу 2022 г. до 11% по сравнению с 20% в 2020 г. Параллельно увеличивается сегмент компаний с высоким уровнем цифровизации по всем профилям, кроме среднего бизнеса» (Манахова, Белоглазов, 2023), и эта тенденция оценивается как очень положительная в условиях роста внешнего давления и ограничений.

В данной статье предпринята попытка дать комплексный анализ результатов цифровизации экономики в Российской Федерации, оценить действенность факторов, ее стимулирующих, и выявить ограничения в этом процессе.

Результаты исследования

Одним из наиболее значимых процессов в экономическом развитии Российской Федерации в 1-й четверти XXI века, по мнению авторов, и с этим можно согласиться, стала цифровизация как глобальная тенденция, получившая распространение на территории и в экономике Российской Федерации, и как одно из направлений развития страны (Кузнецова, Кузнецов, 2018). По прогнозам специалистов, ожидаемый экономический эффект от деятельности отечественной цифровой экономики обеспечит прирост ВВП страны к 2025 г. до 9 трлн руб., что увеличит ВВП в объеме от 20% до 34%. Для справки: в 2021 г. объем цифровой экономики оценивался в 24,7% от глобального ВВП, или 21 155 млрд долл. (Леднева, 2021).

Развитие цифровой экономики в РФ происходит под влиянием государственной поддержки, а также широкой частной инициативы и усилий научного сообщества. Выделим основные факторы, стимулирующие цифровизацию в России (табл. 1).

Таблица 1.

Факторы, содействующие развитию цифровизации в Российской Федерации

№ п/п	Направление	Содержание
1.	Поддержка государства	Государственная политика в области цифровизации, включая разработку стратегий и законодательства, способствует активному внедрению цифровых технологий в различные сферы деятельности
2.	Технологический прогресс	Постоянное развитие информационных технологий и появление новых цифровых решений способствует широкому внедрению цифровизации в различные отрасли экономики
3.	Цифровая грамотность населения	Рост доступности интернета и электронных устройств способствует повышению цифровой грамотности населения и увеличению числа пользователей цифровых технологий
4.	Цифровая трансформация бизнеса	Цифровизация предприятий и организаций позволяет им повысить эффективность своей деятельности, улучшить качество услуг и снизить издержки
5.	Конкуренция	В условиях глобализации российские компании вынуждены внедрять цифровые технологии, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке
6.	Интерес со стороны инвесторов	Растущий интерес к российской цифровой экономике со стороны инвесторов (государства, бизнеса, домохозяйств) способствует развитию цифровизации в стране
7.	Потребительский спрос	Растущий спрос со стороны потребителей на цифровые услуги (в том числе государственные) и продукты стимулирует компании к их созданию и предложению на рынке

Источник: разработано автором.

Если говорить о государственной поддержке цифровизации, то стоит отметить прежде всего принятие в 2017 г. государственной Программы развития цифровой экономики в Российской Федерации в рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 09 мая 2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (Цифровая экономика...). Эта программа является одним из приоритетных национальных проектов современной России и служит жизненно важным направлением развития страны. Программа ЦЭ РФ представляет собой достаточно комплексный документ, который определяет цели развития ЦЭ в нашей стране и затрагивает целый ряд вопросов и проблем, таких как нормативное регулирование цифровой среды в Российской Федерации, подготовку кадров для ЦЭ и отрасли ИТ, информационную инфраструктуру, цифровую и в целом информационную безопасность, ИИ и целый ряд других взаимосвязанных аспектов, составляющих 3 уровня системы управления реализацией этой программы (рис. 1).

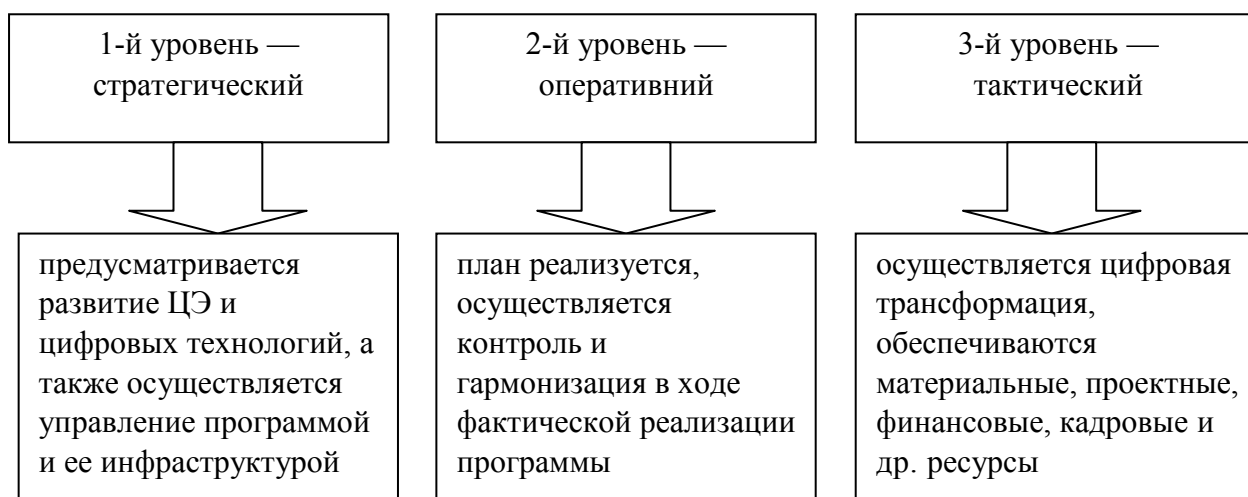

Рис. 1. Уровни развития цифровой экономики в Российской Федерации и их наполнение.

Источник: разработано автором.

По каждому уровню осуществляется соответствующее наполнение согласно с дорожной картой программы, рассчитанной до конца 2024 г. и, таким образом, развивающей и уточняющей ее основные положения и направления, в том числе и в законодательной сфере, в зависимости от изменяющихся условий. Так, в 2023 г. были утверждены приоритетные направления проектов технологического суверенитета Российской Федерации, среди которых важное место занимает цифровая и ИТ–сфера.

Государство уделяет большое внимание развитию технологического прогресса в Российской Федерации, в том числе в среднесрочной перспективе. Еще 2007 г. была инициирована «Стратегия развития nanoиндустрии» как направление научно-технологического развития, а в 2023 г. в России правительством была утверждена Концепция технологического развития страны до 2030 года. К концу десятилетия в стране должны быть созданы кадровая, научная, технологическая база важнейших (критических и сквозных)

технологий, а также благоприятные условия для интенсификации инновационной активности частного предпринимательства и производства высокотехнологичной продукции с целью снижения зависимости от внешних рынков как по технологиям, так и по продуктам. Российской Федерации важно защитить национальное технологическое пространство и обеспечить технологический суверенитет, в том числе — на основе традиционного сотрудничества в этой сфере со странами ЕАЭС (Шкваря, 2009). В результате произошел рост российского ИТ-рынка (рис. 2), хотя в 2022 г. его объем несколько сократился относительно предыдущего года.

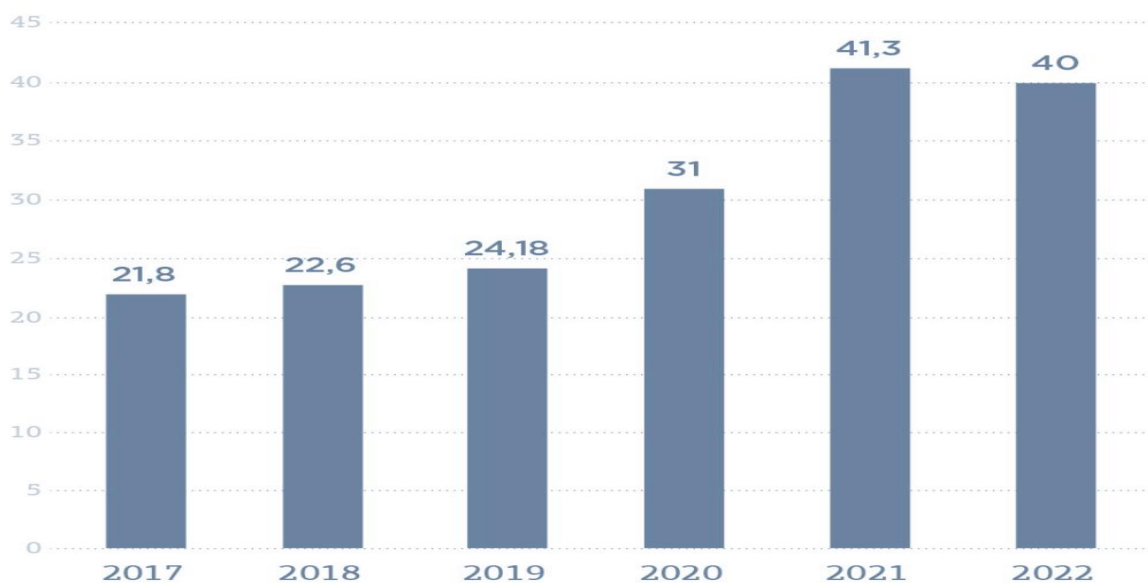

Рис. 2. Динамика российского ИТ-рынка в стоимостном выражении в 2017–2022 гг., млрд долларов.

Источник: ИТ рынок России (2024).

Растет уровень цифровой грамотности населения Российской Федерации за последние 5 лет (рис. 3), хотя его нельзя назвать скачкообразным.

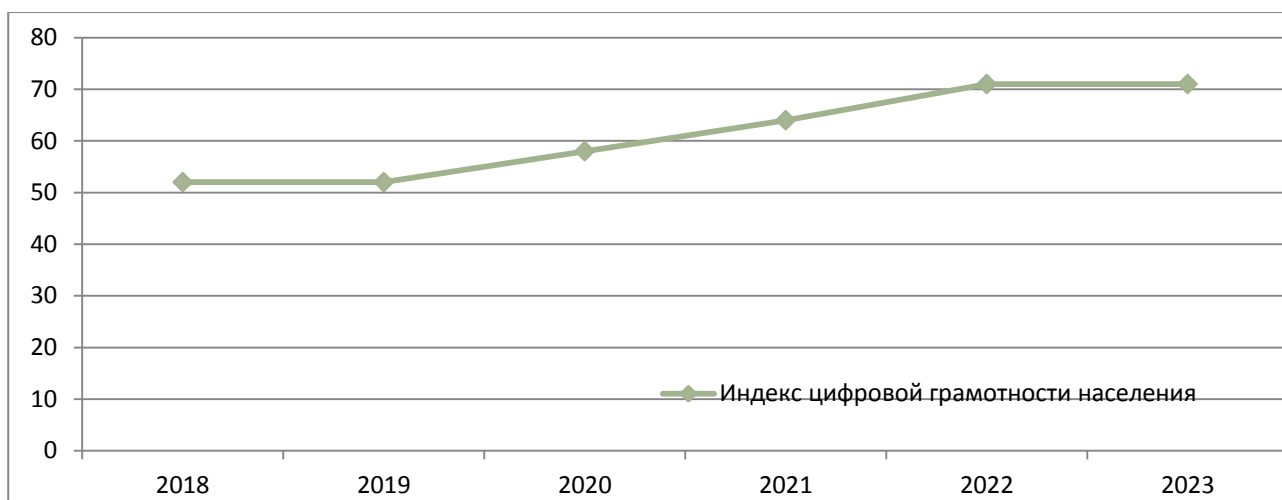

Рис. 3. Индекс цифровой грамотности населения в 2018–2023 гг., п.п.

Источник: Индекс (2024).

Как видно из рис. 3, из возможных 100% (абсолютная цифровая грамотность), цифровая компетентность российских граждан достигает 71%, что характеризует соотечественников как достаточно продвинутых в цифровой сфере. Но этот показатель дифференцируется по полу, возрасту и географии. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ставит задачу повысить уровень цифровой грамотности граждан России до 75% в 2024 г. с 58% в 2018 г. (Министерство).

Устанавливаются целевые показатели инновационного и цифрового развития и обеспечение их достижения на основе взаимодействия государства, бизнеса, науки и граждан. Например, установлено, что к концу 2024 г. не менее 70% государственных услуг должны предоставляться потребителям (гражданам и бизнесу) в цифровом виде.

Если говорить о цифровизации бизнеса в России — малого, среднего и крупного — как важнейшей тенденции и драйвера цифровой трансформации в стране, то эксперты отмечают уверенный рост на основе государственной поддержки — как финансовой, так и кадровой и инфраструктурной, т. е. «создания цифровых платформ в помощь бизнесу» (Манахова, Белоглазов, 2023). При этом происходит цифровая трансформация экономической деятельности российских предприятий не только на уровне производимой продукции, но и организации процесса бизнес-деятельности на всех стадиях и во всех направлениях, включая менеджмент, маркетинг, финансовые аспекты, конкурентоспособность и управление рисками, внешнеэкономическую деятельность и др. (Предприятие..., 2021). Статистические данные подтверждают, что наиболее развиты технологии цифровизации в России в сфере услуг (торговля, в том числе электронная, гостиничное хозяйство, финансовая сфера, а также отрасль ИКТ и социальная сфера, включая медицину и образование). Так, в 2023 г. в России оборот электронной коммерции достиг 6,2 трлн руб., что на 28% больше уровня 2022 г. Учитывая прогноз объема всей розничной торговли в 46 трлн руб., на долю онлайн-покупок пришлось 13,8% вместо 11,6% в 2022 г. (РБК, 2024), см. рис. 4.

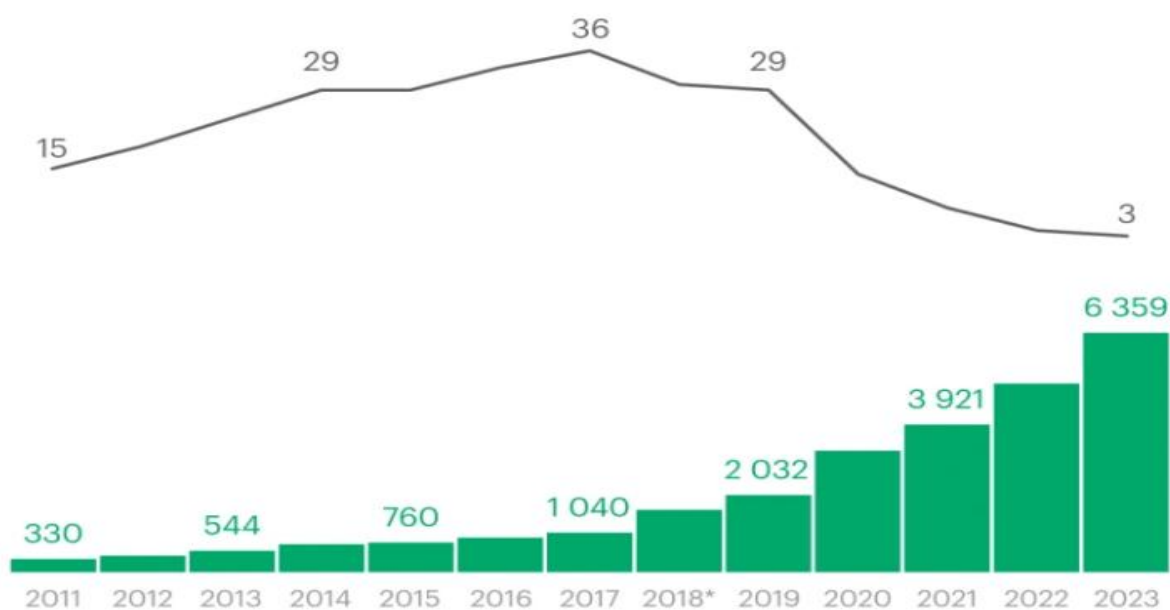

Рис. 4. Динамика рынка интернет-торговли в России в 2011–2023 гг., млрд руб.
Источник: РБК (2024).

Однако, на наш взгляд, более активное взаимодействие представителей отечественного бизнеса в цифровом поле могло бы обеспечить более значимый синергический эффект как для российской экономики в целом, так и для ее цифрового сегмента.

В России растут инвестиции в цифровизацию со стороны государства, бизнеса и домохозяйств в стоимостном выражении (рис. 5).

* Без учета затрат на цифровой контент.

Рис. 5. Затраты на развитие цифровой экономики в Российской Федерации в 2017–2022 гг., млрд руб.

Источник: Цифровая экономика, 2024.

Однако, согласно данным ВШЭ, в 2021–2022 гг. такой рост не отмечался в относительном выражении (в % от ВВП): затраты домохозяйств и валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики имели тенденцию к снижению. Исключением стало лишь финансирование цифровизации со стороны бизнеса, оставшееся на прежнем уровне (Цифровая экономика: 2024).

В России на протяжении ряда лет растет объем получаемых через электронные порталы бизнесом и населением государственных и муниципальных услуг, включая участие предприятий в электронных государственных закупках, а также различные ИКТ–услуги, в том числе телекоммуникации, маркетплейсы, облачные сервисы, «умный дом», «умный город» и др. В 2022 г. 86,6% граждан России, которые обращались за государственными и/или муниципальными услугами, получили их в электронном формате, и преобладающая их часть оценила качество этих услуг положительно. Согласно Глобальному индексу сетевого взаимодействия, в 2023 потребительская готовность в России превысила 90%, что является одним из наиболее высоких в мире показателей, причем за последние 3 года страна добилась значительного прогресса в этой сфере (GSMA, 2023).

Таким образом, в России продолжается развитие цифровой экономики, и по рейтингу ГИИ–2023 Российская Федерация заняла 51–е место в мире среди 132 стран (WIPO, 2023). При этом в данном процессе можно выделить 4 основных направления: цифровизация

секторов экономики, индустрия информационных технологий, цифровые данные, цифровое управление.

Основные направления цифровизации в экономике России, как видно из табл. 2, охватывают широкий аспект направлений в хозяйственной и социальной сфере и развиваются достаточно активно.

Таблица 2.

Основные направления цифровизации экономики России

№ п/п	Направление	Содержание
1.	Цифровые технологии в производстве	внедрение цифровых технологий в промышленное производство с целью оптимизации процессов, увеличения производительности и снижения затрат
2.	Электронная коммерция	развитие онлайн-торговли и электронных платежей, создание удобных и безопасных платежных систем
3.	Цифровое образование	внедрение цифровых технологий в образовательные процессы, создание онлайн-платформ для дистанционного обучения и повышения квалификации
4.	Цифровая медицина	внедрение цифровых технологий в здравоохранение, создание электронных медицинских карт, развитие телемедицины и медицинских приложений
5.	Умные города	внедрение цифровых решений для управления городской инфраструктурой, развитие «умных» технологий для повышения комфорта жителей и предоставления государственных услуг
6.	Цифровая безопасность	разработка и внедрение современных технологий для защиты информации, борьбы с киберугрозами и киберпреступностью
7.	Цифровая государственная идентификация и цифровые государственные и муниципальные услуги	внедрение технологий биометрической идентификации, создание цифровых паспортов и документов, цифровые государственные и муниципальные услуги
8.	Цифровая экономика	развитие интернет-индустрии, создание и развитие цифровых платформ, поддержка стартапов и ИТ-компаний

Источник: разработано автором.

Помимо внутристранового уровня, важное место в развитии цифровизации Российской Федерации занимает международное сотрудничество и возможности применения передового и успешного опыта зарубежных стран, а также передача собственного опыта менее развитым в цифровом отношении государствам.

Заключение

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что цифровая экономика в Российской Федерации переживает фазу активного роста и развития, что в полной мере соответствует глобальным тенденциям и процессам, а также стратегическим национальным задачам. В частности, сфера телекоммуникаций в России остается ведущим цифровым сегментом.

Цифровизация в России получила развитие в целом ряде направлений — как экономических, так и социальных. Растут капиталовложения в развитие цифровизации в Российской Федерации со стороны государства, бизнеса и домохозяйств. Автор выделяет ряд факторов, выступающих катализаторами развития цифровизации в России:

1. Поддержка государства. Государственные органы и власти активно поддерживают и проводят цифровизацию в различных сферах жизни, разрабатывая и внедряя специальные программы и стратегии.

2. Техническая инфраструктура. Развитие технической инфраструктуры, включая доступ к широкополосному интернету и высокотехнологичное оборудование, способствует эффективной цифровизации.

3. Внедрение новых технологий. Продвинутое технологии, такие как искусственный интеллект, интернет вещей, блокчейн и др., активно внедряются в различные отрасли, содействуя цифровизации.

4. Образование и квалификация специалистов. Развитие образования и повышение квалификации специалистов в области цифровых технологий помогают осуществлять успешную цифровизацию.

5. Цифровая культура. Уровень цифровой грамотности населения и готовность к использованию цифровых технологий также важны для успешной цифровизации в России.

Однако сохраняются проблемы в сфере цифровой экономики Российской Федерации, которые тормозят этот процесс — внутренние, (например, дифференциация цифрового развития регионов), и внешних, таких как западные санкции.

Российской Федерации важно преодолевать сохраняющиеся ограничения на основе собственных разработок и международного взаимодействия с дружественными странами и на этой основе укреплять технологический и цифровой суверенитет. Можно говорить о том, что цифровизация в России активизируется в среднесрочной перспективе.

Список литературы

1. Авдокушин Е. Ф. (2010) Национальная инновационная система Японии // Вопросы новой экономики. № 4 (16). С. 39–53. [Avdokushin E. F. (2010) The National Innovation System of Japan // Issues of the new economy. No. 4 (16). Pp. 39–53. (In Russian).]

2. Акбердина В. В., Наумов И. В., Красных С. С. (2023) Цифровое пространство регионов Российской Федерации: оценка факторов развития и взаимного влияния на социально-экономический рост // Journal of Applied Economic Research. Т. 22. № 2. С. 294–322. [Akberdina V. V., Naumov I. V., Krasnykh S. S. (2023) The digital space of the regions of the Russian Federation: assessment of development factors and mutual influence on socio-economic

- growth // Journal of Applied Economic Research. Vol. 22. No. 2. Pp. 294–322. (In Russian.)] DOI: 10.15826/vestnik.2023.22.2.013
3. Афро-Азиатские страны и новые технологии / Цветкова Н. Н., Белова Л. Г., Акимов А. В., Дерюгина И. В., Борисов М. Г., Тимонина И. Л., Мосолова О. В., Иванова С. В., Латышов А. В., Мельянцев В. А., Елисеева А. А., Ващенко Е. С., Растяникова Е. В., Муранова А. П., Обухова А. Н., Костюнина Г. М. Москва, 2019. 276 с. [Afro-Asian country Apostille and New Apostille technologies / Tsvetkova N. N., Belova L. G., Akimov A. V., Deryugina I. V., Borisov M. G., Timonina I. L., Mosolova O. V., Ivanova S. V., Lattimore A. V., Melyantsev V. A., Eliseeva A. A. It's Vashenkova. S. It's Rastyanikova. V., Muranova A. P., Obukhova A. N., Costume G. M. Moscow, 2019. 276 p. (In Russian).]
4. Зеркот А. А. (2023) Процесс цифровизации в странах Западной Азии // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 3 (35). С. 66–77. [Zerkot A. A. (2023) The process of digitalization in the countries of Western Asia // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 66–77. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-66-77
5. Индекс цифровой грамотности–2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций (2024) [Digital Literacy Index–2023: there are slightly more people with advanced digital competencies in Russia (2024) (In Russian).] URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyroslo-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/?ysclid=luz85fixup162433997>
6. Кузнецова С. Н., Кузнецов В. П. (2018) Вклад цифровой экономики в общую экономику России // Научное обозрение: теория и практика. № 6. С. 177–184. [Kuznetsova S. N., Kuznetsov V. P. (2018) Contribution of the digital economy to the general economy of Russia // Scientific review: theory and practice. No. 6. Pp. 177–184. (In Russian).]
7. Латышов А. В. (2023) Влияние современного этапа развития информационно-коммуникационных технологий на трансформацию внешней торговли Республик Корея // Сегодня и завтра российской экономики. № 115. С. 47–61. [Latyshov A.V. (2023) The impact of the current stage of development of information and communication technologies on the transformation of foreign trade of the Republic of Korea // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 115. Pp. 47–61. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-115-03
8. Леднева О. В. (2021) Статистическое изучение уровня цифровизации экономики России: проблемы и перспективы // Вопросы инновационной экономики. Том 11. № 2. С. 455–470. [Ledneva O. V. (2021) Statistical study of the level of digitalization of the Russian economy: problems and prospects // Issues of innovative economics. Volume 11. No. 2. Pp. 455–470. (In Russian).] DOI: 10.18334/vinec.11.2.111963
9. Манахова И. В., Белоглазов А. Д. (2023) Цифровая трансформация малого и среднего бизнеса в России: вызовы, перспективы и роль государственной поддержки // Российский экономический журнал. № 5. С. 112–124. [Manakhova I. V., Beloglazov A.D. (2023) Digital transformation of small and medium-sized businesses in Russia: challenges, prospects and the role of government support // Russian Economic Journal. No. 5. Pp. 112–124. (In Russian).] Doi: 10.52210/0130-9757_2023_5_112.
10. Минат В. Н. (2023) Моделирование взаимосвязи структурны сдвигов промышленности и влияние экспорта высокотехнологичной продукции на внутренние рынки США и КНР // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 4 (36). С. 20–40. [Minat V. N. (2023) Modeling the relationship between structural shifts in industry and the impact of exports of high-tech products on the domestic markets of the USA and China // International

trade and trade policy. Vol. 9. No. 4 (36). Pp. 20–40. (In Russian.)] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-20-40

11. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Цифровая грамотность. [Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Digital literacy. (In Russian).] URL:<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/540/>

12. Предприятие в условиях цифровой трансформации: экономика и управление / Силин Я. П., Головина А. Н., Андреева Е. Л., Алексина А. С., Аржанухин С. В., Афанасьев Г. В., Ваулин А. С., Гаврилов Д. Е., Глухих П. Л., Девярых А. С., Денежкина К. Л., Дубровский В. Ж., Ежова М. Г., Ершова И. В., Зинатуллина Э. Р., Зова В. А., Иванова О. Г., Калабина Е. Г., Кислов Р. С., Красных С. С. и др. Верхняя Пышма, 2021. [Enterprise in the context of digital transformation: economics and management / Silin Ya. P., Golovina A. N., Andreeva E. L., Aleksina A. S., Arzhanukhin S. V., Afanasyev G. V., Vaulin A. S., Gavrilov D. E., Glukhikh P. L., Ninth A. S., Denezhkina K. L., Dubrovsky V. Zh., Yezhova M. G., Ershova I. V., Zinatullina E. R., Zova V. A., Ivanova O. G., Kalabina E. G., Kislov R. S., Krasnykh S. S., etc. Verkhnyaya Pyshma, 2021. (In Russian).]

13. РБК (2024) Как поменялся рынок интернет-торговли в 2023 году. Инфографика. [RBC (2024) How the e-commerce market changed in 2023. Infographics. (In Russian).] URL:https://www.rbc.ru/technology_and_media/12/02/2024/65c64b479a794726261d49f7?ysclid=luz5vvjx8l319087534

14. Цифровая экономика Российской Федерации. [The digital economy of the Russian Federation. (In Russian).] URL:<https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>

15. Цифровая экономика: 2024 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 124 с. [Digital economy: 2024 : a brief statistical collection / V. L. Abashkin, G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg et al.; National research. Higher School of Economics, Moscow : ISIEZ HSE, 2024. 124 p. (In Russian).]

16. Цифровое государство и цифровая экономика / Меланьина М. В., Рузина Е. И., Пономаренко Е. В., Рассказов Д. А., Налбандян А. А., Шкваря Л. В., Тыркба Х. В., Оганесян А. А., Вереникина А. Ю. Москва, 2022. [The digital state and the digital economy / Melanyina M. V., Ruzina E. I., Ponomarenko E. V., Rasskazov D. A., Nalbandian A. A., Shkvarya L. V., Tyrkba H. V., Oganesyanyan A. A., Verenikina A. Yu. Moscow, 2022. (In Russian).]

17. Шкваря Л. В. (2009) Инновационное сотрудничество России со странами ЕврАзЭС // Инновации. № 11 (133). С. 20–24. [Shkvarya L. V. (2009) Innovative cooperation of Russia with the EurAsEC countries // Innovations. No. 11 (133). Pp. 20–24. (In Russian).]

18. IT рынок России к концу 2023 года: разработки крупнейших игроков, продолжающийся тренд на импортозамещение и дефицит кадров (2024). [The Russian IT market by the end of 2023: developments by the largest players, the ongoing trend towards import substitution and a shortage of personnel (2024). (In Russian).] URL:<https://delprof.ru/press-center/open-analytics/it-rynok-rossii-k-kontsu-2023-goda-razrabotki-krupneyshikh-igrokov-prodolzhayushchiysya-trend-na-imp/?ysclid=luz7k71lqa389053206>

19. Global Innovation Index 2023 Innovation in the face of uncertainty 16th Edition URL:<https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023-en-main-report-global-innovation-index-2023-16th-edition.pdf>

---

20. GSMA   Mobile   Connectivity   Index   2023   URL:
<https://www.mobileconnectivityindex.com/index.html>

The digital economy in the Russian Federation and the directions of its development in modern conditions

Lyudmila V. Shkvarya,

*Doctor of Economics, Professor, Head of the Laboratory of International Economic Relations,
Professor of the Department of World Economics, Higher School of Economics and Business,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.*

The of the digital economy in the Russian Federation to ensure its stability, structural balance, national sovereignty and the formation of new advanced formats and spheres of economic, scientific and relevance of the topic of the scientific article is determined by the high degree of importance of the development technical cooperation with foreign countries. The development of digitalization of the economy of the Russian Federation is based not only on domestic trends, but also on world experience and international cooperation in the digital sphere. This process covers both domestic and foreign economic areas. The purpose of the article is to provide a comprehensive analysis of the results of the digitalization of the economy in the Russian Federation, to assess the effectiveness of the factors stimulating it, and to identify the limitations remaining in this process. The article analyzes the main directions of digitalization development in the economic and social sphere of the Russian Federation, which are developing due to the presence of objective factors, relative advantages and political will. Based on the analysis of statistical data, the author concludes that, despite the presence of factors that counteract the development of digitalization in the Russian Federation (internal, for example, differentiation of digital development of regions, and external, such as Western sanctions), this process will intensify in the medium term. It has been established that import substitution remains the main trigger for the development of Russia's digital ecosystem. According to the author, it will remain of crucial importance for the Russian Federation in the medium and long term in the context of growing global instability and Western pressure on the economy of the Russian Federation. It is important for Russia to overcome the remaining limitations based on its own developments and international cooperation with friendly countries and on this basis strengthen technological and digital sovereignty.

Keywords: *digitalization, digital economy, digital transformation, telecommunications, Russian Federation, economic development, world economic order.*

JEL codes: *F02, F63, L63, L96, O14, O52.*

Эволюция мирового рынка солнечных батарей и опыт Российской Федерации

*Будаков Алексей Сергеевич*¹

Развитие солнечной энергетики представляет собой сегодня одно из важнейших направлений «зеленой», или возобновляемой, энергетики. Развитие возобновляемых источников энергии (ВИЭ) выступает сегодня одним из основных направлений прогресса в энергетическом сегменте, а источники энергии остаются важнейшим фактором роста национальной и мировой экономики. В группе возобновляемых источников энергии заметно растет как доля солнечной энергии, так и инвестиции в этот сегмент возобновляемых источников энергии. Одной из причин остается привлекательная цена солнечных батарей. Однако нестабильность генерации энергии и высокий уровень выбросов CO₂ вызывает вопросы относительно возможности широкого и стабильного использования солнечных батарей. Несмотря на наличие негативных характеристики солнечных батарей, автор приходит к выводу о том, что многие страны стремятся к развитию солнечной энергетики, в том числе и Россия. Автор обосновывает точку зрения о том, что в Российской Федерации имеет место рост производства солнечной электроэнергии, хотя наша страна и не является пока крупным участником мирового рынка, а в отечественном энергобалансе доля возобновляемых источников энергии не превышает 1%. Сегодня Россия несколько отстает от мировых процессов в сфере возобновляемых источников энергии, в том числе в сфере солнечной энергетики, хотя растет как производство, так и экспорт фоточувствительных и фотоэлектрических полупроводниковых устройств.

Ключевые слова: *Российская Федерация, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), энергетический переход, солнечная энергетика, солнечные батареи, рынок солнечных батарей.*

JEL коды: *F10, F64, O44, O52, P28.*

Введение

Мировой рынок солнечных батарей занимает важное место в системе «зеленой» энергетики, идеи необходимости внедрения которой получают все более широкое распространение как в практике различных государств, так и в научных исследованиях ряда последних лет (см.: Подоба, Крышнева, 2018; Максимцев и др., 2022).

Ряд авторов высказывает точку зрения, что важность перехода к «зеленой» энергетике предопределяется исчерпанием ресурсов традиционных ископаемых источников энергии, и это направление повышает энергетическую безопасность и снижает риски для экономики (Эфендиев, Кожевников, 2015). Другие обращают внимание на возможности в рамках

---

¹ Будаков Алексей Сергеевич — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия.

использования возобновляемых источников энергии обеспечить устойчивое развитие национальных и мировой экономики (Мудрецов и др., 2023; Vurmistrov et al., 2022), в том числе в социальной сфере — за счет роста занятости (Буравцева и др., 2022). Однако тут можно отметить и возможное сокращение занятости на предприятиях традиционной энергетики. Отмечается, что «зеленая» энергетика как высокотехнологичная сфера может сократить отраслевые и неэкономические барьеры внедрения энергоэффективной политики на отечественных предприятиях (Будаков, 2022; Управленческая экономика, 2016) и, соответственно, конкурентоспособности, как Российской Федерации в целом, так и отечественных субъектов хозяйствования, что актуализируется в условиях роста санкционного давления (Суховерхов, 2022; Шкваря, Асмятуллин, 2023). Вообще развитие ВИЭ очень тесно связано с технологическими аспектами как в смысле возможностей производства энергии, так и ее использования (Глинская, 2019). Важным, хотя и дискуссионным, аспектом для анализа процессов в сфере ВИЭ остается рост климатических и/или экологических проблем, для решения которых предлагается шире использовать ВИЭ (Шкваря, Владимиров, 2019).

Исследуются и особенности развития ВИЭ в Российской Федерации (Рамазанов, Рамазанова, 2023; Эфендиев, Кожевников, 2015; Руданец, 2023). Многие эксперты считают, что ВИЭ в России развивается недостаточно активно, и стране стоит обратить более пристальное внимание на этот сегмент отечественной энергетики (Либонтова и др., 2019), хотя сегодня эта тематика все еще нуждается в комплексном анализе.

Результаты исследования

Развитие ВИЭ в России осуществляется в рамках глобальных тенденций, которые на протяжении ряда лет демонстрируют устойчивый рост ВИЭ по направлениям (рис. 1).

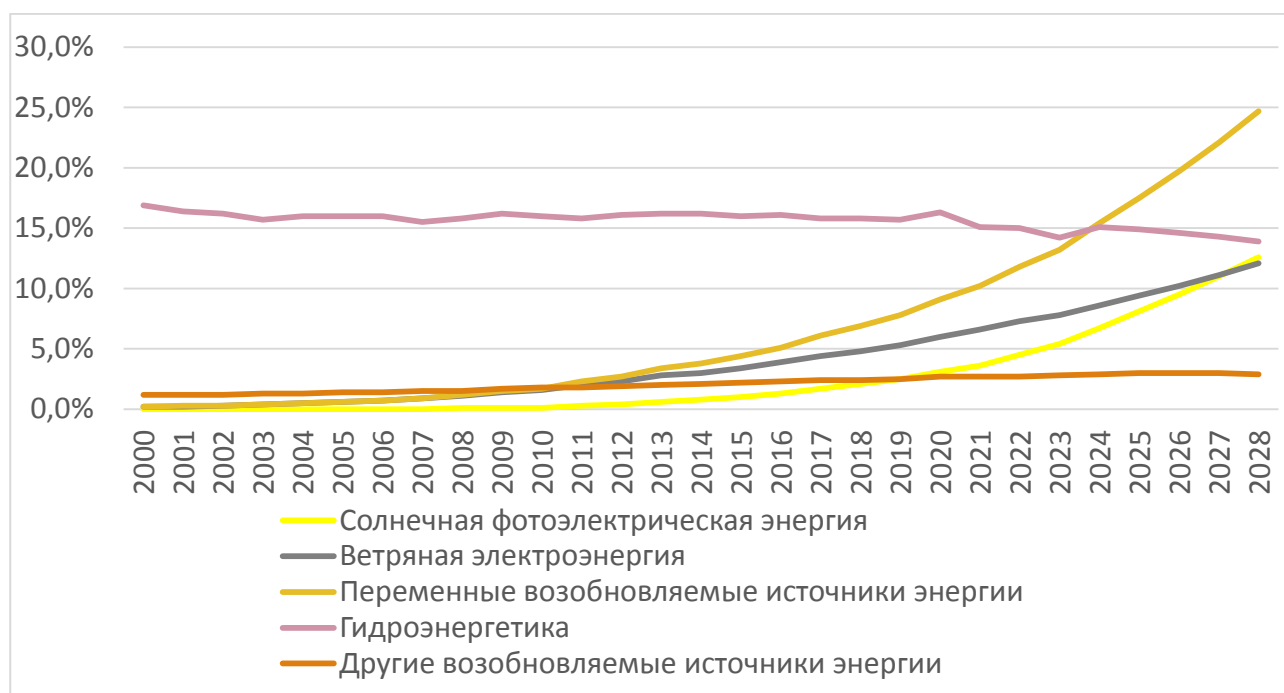

Рис. 1. Доля производства электроэнергии по технологиям ВИЭ, 2000–2028 гг., %
Источник: IEA Renewables 2023.

Как видно из рис. 1, лишь с конца 2000-х гг. начался заметный рост объемов производства солнечной фотоэлектрической энергии, и в 2023 г. ее доля в общем объеме ВИЭ увеличилась до 5,4% (с 0,1% в 2008 г.). Более того, можно говорить даже о стремительном росте мощностей солнечной энергетики при снижении гидроэнергетики, раньше бывшей основным видом ВИЭ в мире (рис. 1).

Это связано с изменением технологий, ростом инвестиций, а также политики соответствующих стран в области ВИЭ вообще, и солнечной энергетики, в частности. Более того, сегодня сохраняется устойчивый рост инвестиций именно в технологии солнечной энергетики при их снижении в некоторые другие технологии (рис. 2), несмотря на то, что солнечная энергетика характеризуется высокотехнологичным производством, которое требует больших производственных мощностей.

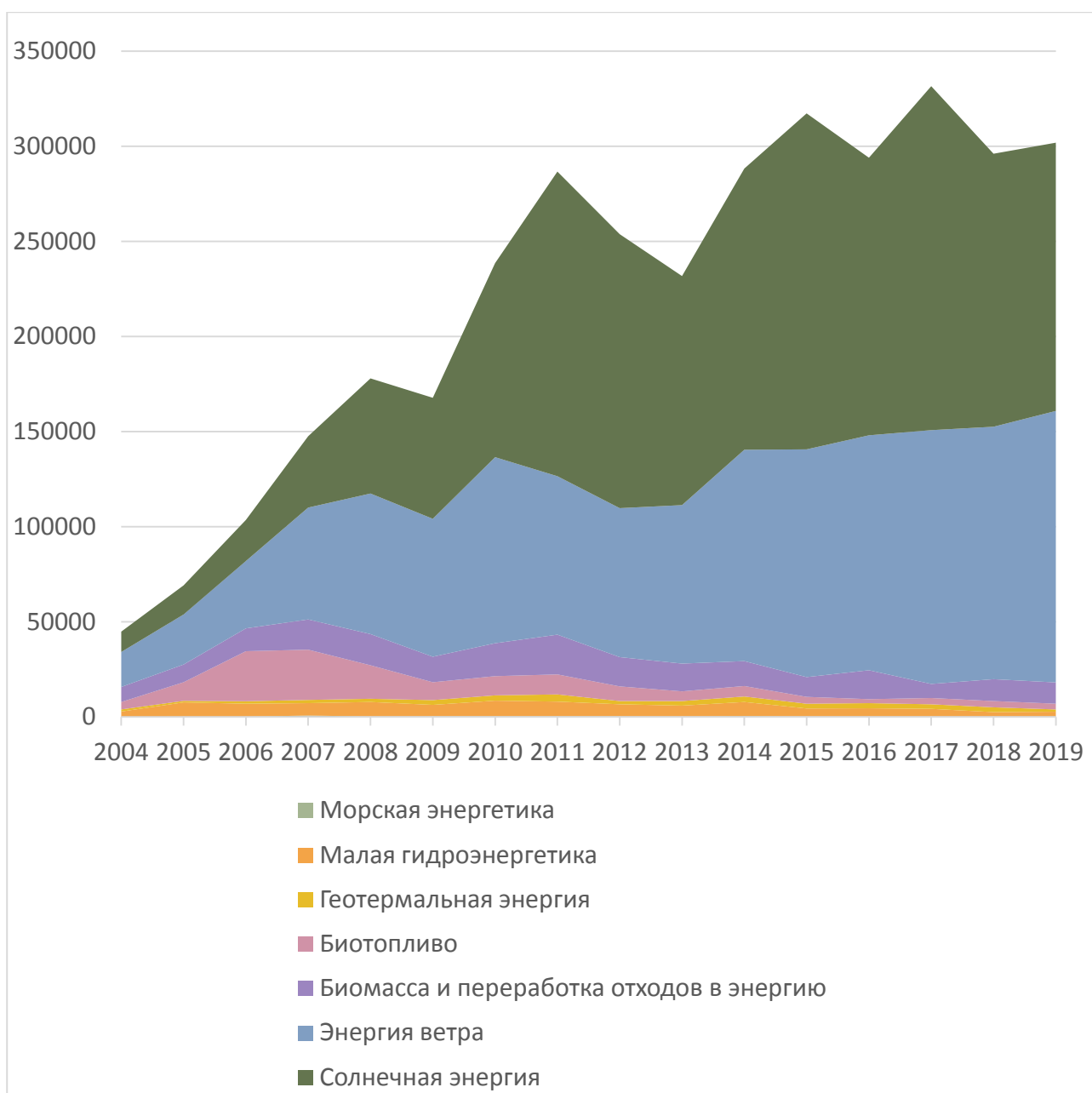

Рис. 2. Инвестиции в технологии ВИЭ по направлениям в 2004–2019 гг., тыс. долл.
Источник: Our World in Data

Так, Китай с 2011 г. инвестировал свыше 50 млрд долларов в новые производственные мощности для создания фотоэлектрических систем, что в 10 раз больше, чем весь Евросоюз за тот же год. В результате этих инвестиций в стране было создано свыше 300 тыс. производственных рабочих мест в сфере создания солнечных фотоэлектрических систем (IEA Solar PV Global Supply Chains).

Соответственно, солнечная энергетика признается перспективной с точки зрения инвесторов, что говорит и о ее экономической эффективности благодаря снижению стоимости производства солнечной энергии вследствие быстрого технологического развития.

На рис. 3 видно, что солнечные панели (батареи) в 2023 г. остаются на позиции наиболее недорогих технологий ВИЭ, со средней ценой в 0,21 млн долл. (это в 3 раза ниже, чем в 2015 г.). При этом они оказывают лишь незначительное негативное влияние на экологию. Так, эксперты МГЭИК¹ приходят к выводу, что солнечные панели (батареи) осуществляют выбросы CO₂ на протяжении своего жизненного цикла, примерно эквивалентные 40 г на 1 кВт/час генерируемой ими энергии.

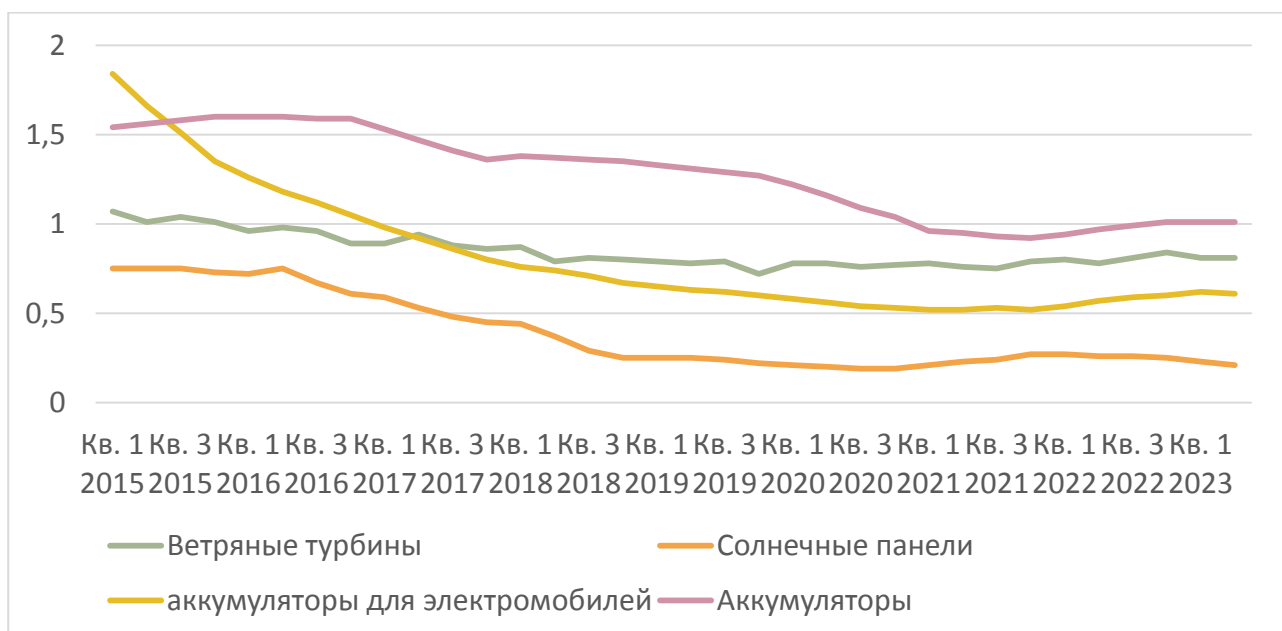

Рис. 3. Динамика средней цены производителя на отдельные технологии, 2015–2022 г., включая 2-й квартал 2023 г., млн долл. / МВт

Источник: IEA.

Это суммарные выбросы, которые включают и те, что возникают в процессе добычи сырья, утилизации старых панелей, собственно эксплуатации солнечных батарей, затем вывода их из эксплуатации, демонтажа и др. Установлено, что на добычу сырья для производства солнечных батарей и непосредственно производственный процесс приходится порядка 70% этих выбросов, в то время как на транспортировку материалов, их монтаж и ввод в эксплуатацию, собственно эксплуатацию, техническое обслуживание и вывод из эксплуатации и последующий демонтаж солнечных электростанций приходится оставшиеся

¹ Межправительственная группа экспертов по изменению климата

30%. Но эти объемы сегодня представляются управляемыми и считаются незначительными по сравнению с объемами выбросов CO₂ вследствие использования невозобновляемых источников энергии (Sistene Solar).

В то же время повышенное внимание в мире обращает на себя именно солнечная энергетика из-за большого числа разногласий, связанных с нестабильностью объемов и трудностями производства, хранения и передачи производимой энергии, значительными выбросами CO₂ из-за некоторых компонентов, необходимых для производства солнечных панелей. Наряду с этим, многие страны уже активно устанавливают солнечные электростанции для осуществления дальнейшего энергетического перехода. Ряд государств значительно увеличил потребление солнечной энергии (рис. 4), но в то же время не все страны по объективным причинам в состоянии самостоятельно производить солнечные батареи, системы и модули.

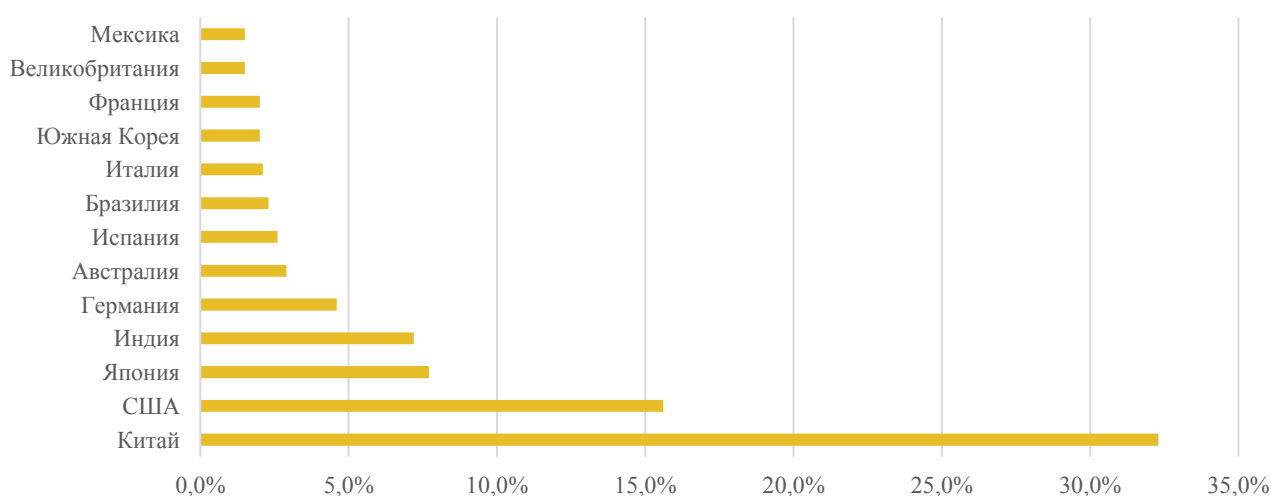

Рис. 4. Страны-лидеры по объемам потребления солнечной энергии в 2022 г.

Источник: Statista Leading countries by solar energy consumption worldwide in 2022.

Данная тенденция затрагивает и Российскую Федерацию, которая, опираясь на собственные технологии и ресурсные возможности, в последнее десятилетие все более активно выходит не только на мировой рынок солнечных панелей, который устойчиво растет благодаря как мировому спросу, так и предложению. Наибольший совокупный спрос на солнечные панели предъявляет в последние годы Европейский союз, чья энергетическая зависимость резко выросла в последние годы вследствие антироссийских санкций. В Российской Федерации был принят ряд основополагающих документов в сфере развития энергетики вообще (Распоряжение № 1523-р, 2020) и ВИЭ — в частности (Постановление № 449, 2013; Распоряжение № 3052-р, 2021).

Началом развития солнечной энергетики в России принято считать 2014 г. В это время была запущена программа государственного стимулирования ДПМ ВИЭ 1.0, первая построенная СЭС по которой называлась «Кош-Агачская СЭС» с установленной мощностью 5 МВт (Суслов и др., 2023).

Среди ВИЭ в России солнечная энергия остается не самой развитой пока, несмотря на рост объемов ее производства, заметно усилившегося в последние несколько лет (рис. 5).

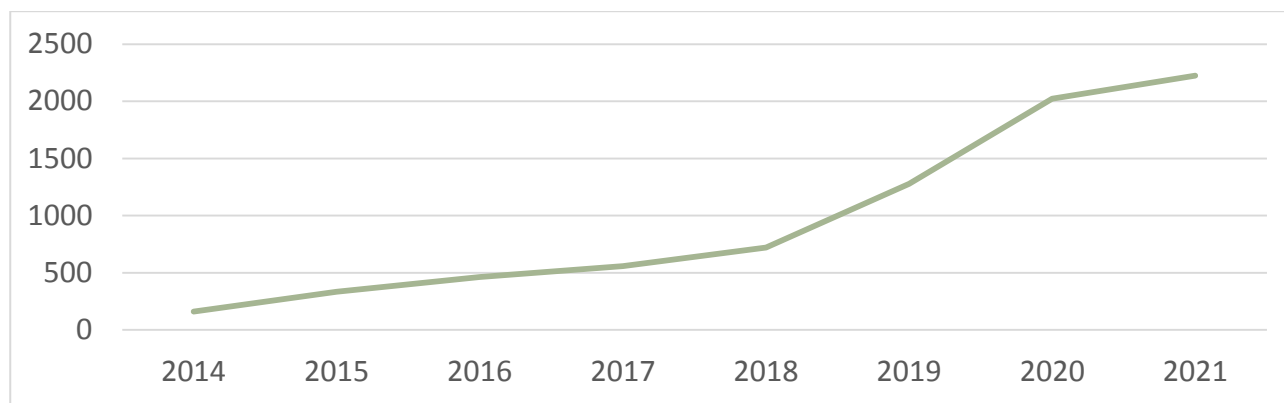

Рис. 5. Производство электроэнергии из солнечных фотоэлектрических систем в Российской Федерации, 2014–2021 гг., ГВт

Источник: IEA

Рассматривая отечественный рынок солнечной электроэнергии (рис. 5), можно констатировать стремительный рост производства ее объемов в 2014–2021 гг. Эта тенденция была обусловлена как повышением заинтересованности в «зеленой» повестке отечественного бизнеса, так и значительной государственной поддержкой «энергетическому переходу», наряду с заметными инвестициями и технологическим развитием отрасли. Значительное увеличение производства электроэнергии из солнечных систем резко выросло в 2014 г. в связи с присоединением Крыма, обладающим солнечными электростанциями (СЭС) общей мощностью 227,4 МВт. Наибольшие темпы роста данного показателя имели место в 2018–2020 гг. в период активного строительства солнечных электростанций на территории Российской Федерации, в том числе в Республике Башкортостан, Республике Калмыкии, Оренбургской области и т.д. (Скачкова, Букша, 2021).

Российская Федерация пока значительно отстает от Европы в сфере возобновляемой энергии. Сейчас доля ВИЭ в энергетическом балансе Российской Федерации не превышает 1%, а установленная мощность солнечных и ветряных электростанций составляет 1354,88 и 172,43 МВт — 0,55 % и 0,07 % от общей мощности (Спиридонов, 2021). При этом, согласно существующим подходам, Россия не ставит своей задачей развитие солнечной энергетики.

Тем не менее, рынок солнечной энергии, в том числе в части производства мощностей для солнечной энергетики, в России растет. В стране накоплен определенный собственный опыт в сфере разработки и производства высокотехнологичных систем для трансформации энергии солнечной в электрическую. Растет экспорт фоточувствительных полупроводниковых устройств из Российской Федерации (рис. 6).

Как видно из рис. 6, импорт России фоточувствительных полупроводниковых устройств за период 2014–2022 гг. сохранял тренд к повышению. Особенно высокий темп роста имел место в 2018 г., когда импорт увеличился на 50% по сравнению с 2017 г. Далее в период активного развития солнечной энергетики в России и роста количества установок солнечных систем в течение следующих нескольких лет импорт продукции данной товарной номенклатуры увеличивался. Однако стоит отметить, что часть импорта фоточувствительных полупроводников устройств включал в себя ввоз не только готовых солнечных панелей, но и отдельных компонентов, которые использовались российскими компаниями для производства готовой продукции.

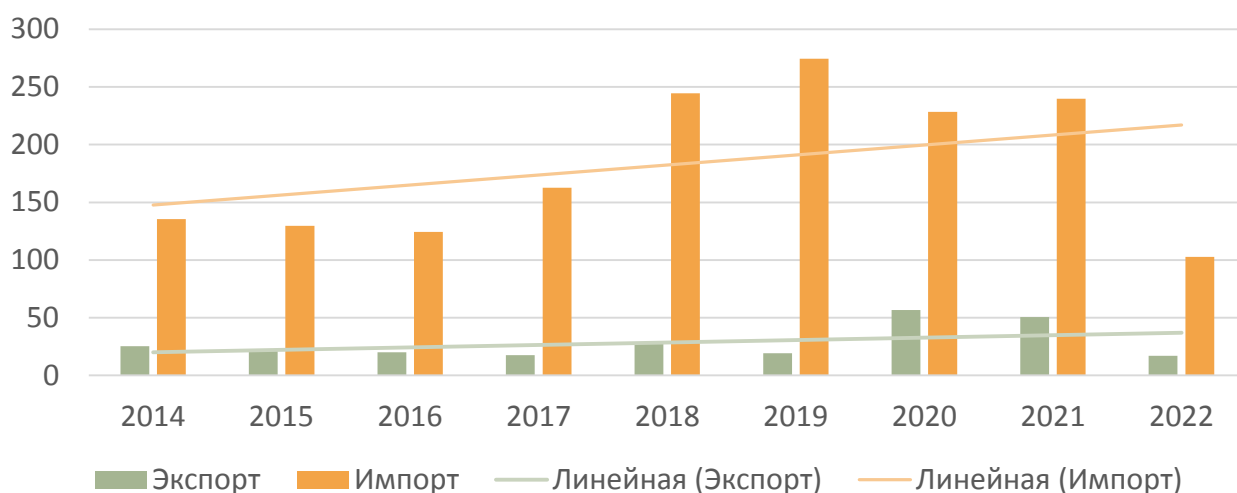

Рис. 6. Стоимость экспорта и импорта фоточувствительных полупроводниковых устройств 2014–2022 гг., млн долл.

Источник: ОЕС World.

Российский экспорт элементов солнечных панелей и их самих также активно развивался последние несколько лет, и в 2020 г. показатель достиг рекордного значения — почти 57 млн долл. Трансформируется география экспорта из России фоточувствительных и фотоэлектрических полупроводниковых устройств, в том числе и под влиянием западных санкций (рис. 7).

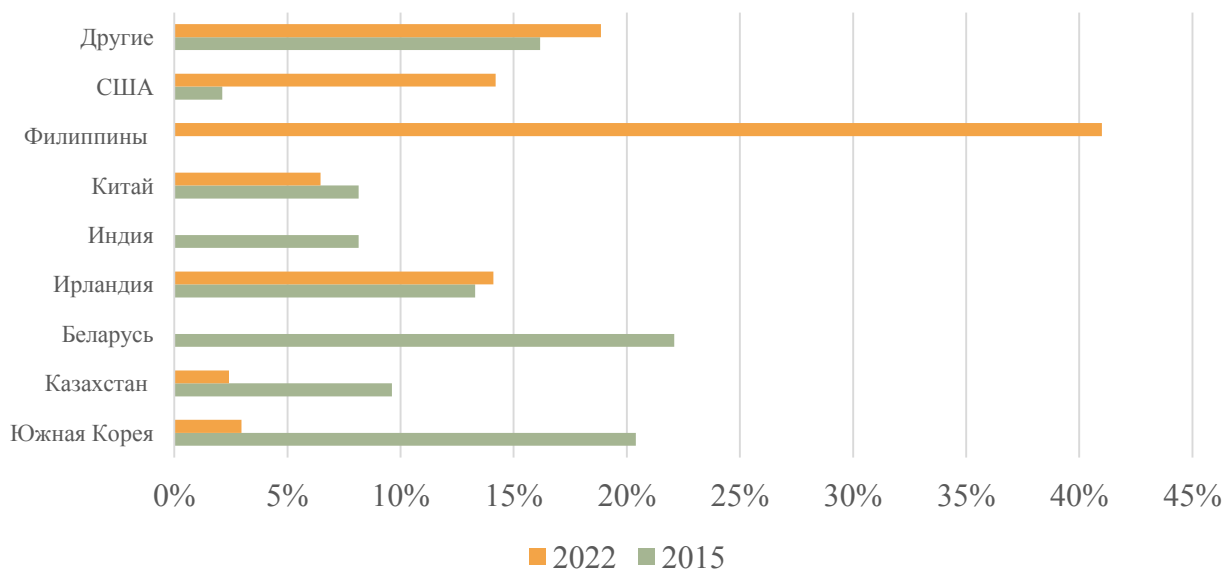

Рис. 7. Географическая структура экспорта России фоточувствительных и фотоэлектрических полупроводниковых устройств в 2015 и в 2022 гг., %

Источник: ОЕС World.

Возможно, при прошлых условиях, торговля российскими солнечными панелями имела возможность стремительно развиваться, но по итогу в 2022 г. стоимость экспорта

данной категорией товара заметно снизилась. Из-за геополитической ситуации в мире многие западные рынки оказались закрыты для России. Особенно сильно это почувствовалось в отраслях с технологическим уклоном, которые являются наиболее развиты в европейских и азиатских странах (Тяглов, 2017).

Как видно из рис. 7, в 2015 г. главными импортерами российских полупроводниковых устройств были Белоруссия, Южная Корея, Китай и Ирландия. В 2015–2022 гг. российская продукция данной товарной номенклатуры существенно, т. е. в 7 раз, выросла в США. Российские экспортеры, по имеющимся данным, в 2022 г. активно поставляли отечественные солнечные панели на Филиппины (этот экспорт составил более 40% от всего объема экспорта в стоимостном выражении), а также в Ирландию.

Географическая структура импорта также значительно изменилась за последнее несколько лет (рис. 8).

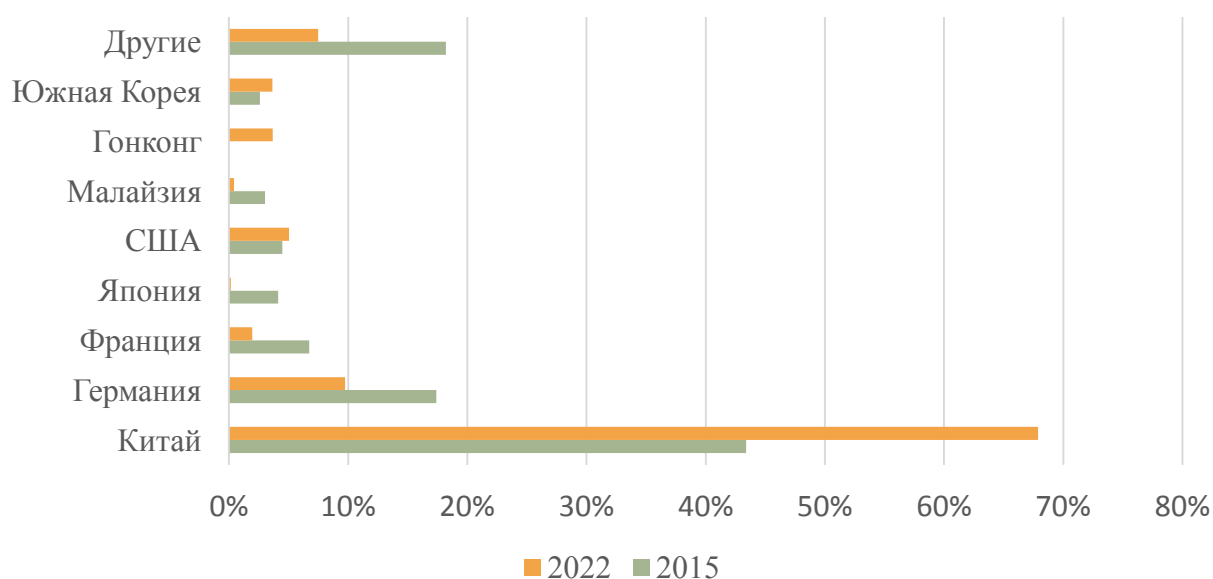

Рис. 8. Географическая структура импорта России фоточувствительных и фотоэлектрических полупроводниковых устройств 2015 и 2022 гг., %

Источник: ОЕС World.

Импортная структура является достаточно диверсифицированной, имея в лидерах страны как Азии, так и Европы. Китайские полупроводниковые устройства стремительно захватывают рынки многих стран, Россия не стала исключением. За период 2015–2022 гг. доля импорта китайских полупроводниковых устройств увеличилась на 25%, достигнув 68%. А российский импорт товаров, регионом производства которых является Еврозона, значительно снизился в 2022 г., в большей степени это произошло из-за геополитической ситуации.

В целом, солнечная энергетика продолжает демонстрировать рост и развиваться как в мире, так и в России. Это связано с тем, что она является чистым и экологически безопасным источником энергии, который может стать одним из ключевых элементов перехода к более устойчивой энергетике.

Заключение

Исследование показывает, что в мире усиливается тенденция к росту ВИЭ, в том числе в сегменте солнечной энергетики, также развивается и соответствующий мировой рынок. Многие страны мира активно внедряют ВИЭ, в том числе Однако сегодня Россия несколько отстает от мировых процессов в сфере ВИЭ, в том числе в сфере солнечной энергетики, хотя растет как производство, так и экспорт фоточувствительных и фотоэлектрических полупроводниковых устройств.

Развитие солнечной энергетики в России, по мнению автора, можно осуществить путем следующих мероприятий:

1. Стимулирование использования солнечных батарей в жилом (в том числе частном) секторе путем предоставления налоговых льгот или субсидий на их установку.

2. Проведение информационно-просветительских кампаний о преимуществах солнечной энергии и возможностях ее использования.

3. Поддержка и развитие отечественного производства оборудования для получения солнечной энергии.

4. Развитие инфраструктуры для производства, хранения и передачи солнечной энергии.

5. Внедрение обязательной установки солнечных панелей на новых строящихся зданиях и сооружениях.

6. Осуществление инвестиций в исследования и разработку новых технологий для солнечной энергетики.

7. Проведение реформ в энергетической отрасли для создания благоприятных условий для развития солнечной энергетики.

8. Партнерство с международными организациями и странами для обмена опытом и передачи технологий в области солнечной энергетики.

Список литературы

1. Будаков А. С. (2022) Общеотраслевые и неэкономические барьеры внедрения энергоэффективной политики на предприятиях // Экономические системы. Т. 15. № 1. С. 156–167. [Buldakov A. S. (2022) Industry-wide and non-economic barriers to the implementation of energy efficiency policies in enterprises // Economic systems. Vol. 15. No. 1. Pp. 156–167. (In Russian).] DOI: 10.29030/2309-2076-2022-15-1-156-167

2. Буравцева И. И., Иксанова В. В., Ковалева К. Е., Пономарев С. В. (2022) Экология и производство: возможен ли компромисс? / Сборник статей V Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Пенза. С. 113–117. [Buravtseva I. I., Iksanova V. V., Kovaleva K. E., Ponomarev S. V. (2022) Ecology and production: is a compromise possible? / Collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Penza. Pp. 113–117. (In Russian).]

3. Галушко М. В., Дедеева С. А. (2021) Основные проблемы и перспективы развития рынка ВИЭ в России / В сборнике: Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации. Материалы Международной научно-практической конференции. Оренбург. С. 422–428. [Galushko M. V., Dedeeva S. A.

(2021) The main problems and prospects for the development of the renewable energy market in Russia / In the collection: Development and interaction of the real and financial sectors of the economy in the context of digital transformation. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Orenburg. Pp. 422–428. (In Russian.)]

4. Глинская М. В. (2019) Развитие новых энергетических технологий в рамках международного сотрудничества России с перспективными странами-партнерами / В сборнике: Инвестиции и цифровые инновации. Сборник материалов Международного форума. Отв. редактор И.А. Айдрус. С. 14–31. [Glinskaya M. V. (2019) Development of new energy technologies in the framework of international cooperation between Russia and promising partner countries / In the collection: Investments and digital innovations. Collection of materials of the International Forum. Editor-in-chief I.A. Aidrous. Pp. 14–31. (In Russian).]

5. Либонтова Т. С., Акулова А. Ш., Галушко М. В. (2019) Экономическая эффективность использования альтернативной энергетики // Символ науки: международный научный журнал. № 1. С. 52–55. [Libontova T. S., Akulova A. Sh., Galushko M. V. (2019) Economic efficiency of alternative energy use // Symbol of science: international scientific journal. No. 1. Pp. 52–55. (In Russian).]

6. Максимцев И. А., Костин К. Б., Городилов К. А., Онуфриева О. А. (2022) Развитие энергетического сектора Российской Федерации на основе инновационных принципов зеленой экономики // Вопросы инновационной экономики. Т. 12. № 2. С. 1165–1184. [Maksimtsev I. A., Kostin K. B., Gorodilov K. A., Onufrieva O. A. (2022) Development of the energy sector of the Russian Federation based on innovative principles of green economy // Issues of innovative economics. Vol. 12. No. 2. Pp. 1165–1184. (In Russian).] DOI: 10.18334/vinec.12.2.114809

7. Мудрецов А. Ф., Павлов А. Н., Прудникова А. А. (2023) Проблемы и перспективы развития зеленой энергетики в условиях перехода к устойчивому развитию // Проблемы рыночной экономики. № 4. С. 85–97. [Mudretsov A. F., Pavlov A. N., Prudnikova A. A. (2023) Problems and prospects of green energy development in conditions of transition to sustainable development // Problems of market economy. No. 4. Pp. 85–97. (In Russian).]

8. Подоба З. С., Крышнева Д. А. (2018) «Зеленая» энергетика в странах БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 2. С. 17–27. [Podoba Z. S., Kryshneva D. A. (2018) «Green» energy in the BRICS countries // World economy and International relations. Vol. 62. No. 2. Pp. 17–27. (In Russian).] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-17-27

9. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2013 года № 449 "О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности" (в редакции постановления Правительства РФ от 28 февраля 2017 года № 240). [Decree of the Government of the Russian Federation dated May 28, 2013 No. 449 "On the mechanism for stimulating the use of renewable energy sources in the wholesale market of electric energy and capacity" (as amended by Decree of the Government of the Russian Federation dated February 28, 2017 No. 240). (In Russian).]

10. Рамазанов З. Т., Рамазанова Г. Г. (2023) Тенденции развития «зеленой» энергетики в России / В сборнике: Перспективы инновационного развития в агротехнических и энергетических системах. Материалы Международной научно-практической конференции. Балашиха. С. 305–310. [Ramazanov Z. T., Ramazanova G. G. (2023) Trends in the development of "green" energy in Russia / In the collection: Prospects for innovative development in

agrotechnical and energy systems. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Balashikha. Pp. 305–310. (In Russian).]

11. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». М., 2020. [Decree of the Government of the Russian Federation dated 06/09/2020 No. 1523-r "On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035". Moscow, 2020. (In Russian).]

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года № 3052-р «Об утверждении социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года». М. [Decree of the Government of the Russian Federation No. 3052-r dated October 29, 2021 "On Approval of the Socio-economic Development of the Russian Federation with low greenhouse Gas Emissions until 2050". (In Russian).]

13. Руданец В. С. (2023) Современные тенденции ВИЭ в мире и в России Российский внешнеэкономический вестник. № 8. С. 99–109. [Rudanets V. S. (2023) Modern renewable energy trends in the world and in Russia Russian Foreign Economic Bulletin. No. 8. Pp. 99–109. (In Russian).] DOI: 10.24412/2072-8042-2023-8-99-109

14. Скачкова Е. Н., Букша В. Ю. (2021) Перспективы развития энергетики в России к 2035 году / В сборнике: Энергетика и автоматизация в современном обществе. Материалы IV Международной научно-практической конференции обучающихся и преподавателей. В 2-х частях. Под общей ред. Т. Ю. Коротковой. Санкт-Петербург. С. 130–134. [Skachkova E. N., Buksha V. Yu. (2021) Prospects for energy development in Russia by 2035 / In the collection: Energy and automation in modern society. Materials of the IV International Scientific and practical Conference of students and teachers. In 2 parts. Under the general editorship of T. Y. Korotkova. St. Petersburg. Pp. 130–134. (In Russian).]

15. Спиридонов Д. В. (2021) Достоинства и недостатки «зеленой» энергетики на современном этапе / В сборнике: Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики. Материалы XV Международной научно-практической конференции. Под редакцией В. Н. Власенко. Москва. С. 435–440. [Spiridonov, D. V. (2021) advantages and disadvantages of "green" energy at the present stage / in the collection: legal acts and legal contracts: problems of theory and practice. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference. Edited by V. N. Vlasenko. Moscow. Pp. 435–440. (In Russian).]

16. Суслов К., Дорошин А., Кабанов В., Переверзев Д. (2023) Анализ развития солнечной энергетики в России // Энергетическая политика. [Suslov K., Doroshin A., Kabanov V., Pereverzev D. (2023) Analysis of the development of solar energy in Russia // Energy policy. (In Russian).] URL: <https://energypolicy.ru/analiz-razvitiya-solnechnoj-energetiki-v-rossii/energoperehod/2023/19/31/?ysclid=lv7r0o8qdz119152428>

17. Суховерхов К. К. (2022) Перспективы «зеленого» перехода в условиях санкционного давления стран Запада / Доклад / Сер. Доклады РСМД Том 82/2022. Москва. [Sukhoverkhov K. K. (2022) Prospects for a "green" transition in the context of sanctions pressure from Western countries / Report / Ser. INF Reports Volume 82/2022. Moscow. (In Russian).]

18. Тяглов С. Г., Киселева Н. Н., Тимченко В. А. (2017) Современные аспекты развития «зеленой экономики» в Российской Федерации. Ростов-на-Дону. [Tyaglov S. G., Kiseleva N. N., Timchenko V. A. (2017) Modern aspects of the development of the "green economy" in the Russian Federation. Rostov-on-Don. (In Russian).]

19. Управленческая экономика / Пономаренко Е. В., Исаев В. А., Дигилина О. Б., Ларина С. Е., Вутянов В. В., Вереникина А. Ю., Кузьмин Д. В. Учебник и практикум / Сер. 61 Бакалавр и магистр. Академический курс. (1-е изд.) Москва, 2016. [Managerial economics / Ponomarenko E. V., Isaev V. A., Digilina O. B., Larina S. E., Vutyaynov V. V., Verenikina A. Yu., Kuzmin D. V. Textbook and practicum / Ser. 61 Bachelor and Master. Academic course. (1st ed.) Moscow, 2016. (In Russian).]
20. Эфендиев А. М., Кожевников А. А. (2015) Нетрадиционные и возобновляемые источники энергии : учебное пособие / ФГБОУ ВПО «Саратовский ГАУ». Саратов : Издательство «Саратовский источник». 230 с. [Efendiev A.M., Kozhevnikov A. A. (2015) Non-traditional and renewable Energy sources : a textbook / Saratov State Agrarian University. Saratov : Publishing house "Saratov source". 230 p. (In Russian).]
21. Шкваря Л. В., Асмятуллин Р. Р. (2023) Проблемы взаимосвязи климатической повестки и экономического роста в ЕАЭС // Сегодня и завтра Российской экономики. № 113–114. С. 13–23. [Shkvarya L. V., Asmyatullin R. R. (2023) Problems of interrelation of the climate agenda and economic growth in the EAEU // Today and tomorrow of the Russian economy. No. 113–114. Pp. 13–23. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-113-114-02
22. Шкваря Л. В., Владимиров С. Н. (2019) Экологические проблемы в странах ССАГПЗ и возможности их решения в рамках интеграционного взаимодействия // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 5 (15). № 1. С. 179–194. [Shkvarya L. V., Vladimirov S. N. (2019) Environmental problems in the GCC countries and the possibilities of their solution within the framework of integration cooperation // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Vol. 5 (15). No. 1. Pp. 179–194. (In Russian).]
23. Burmistrov I. N., Kiselev N. V., Boychenko E. A., Kolesnikov E. A., Gorshkov N. V., Mamulat S. L. (2022) Green energy sources based on thermo-electrochemical cells for electricity generating from transport, engineering buildings and environment waste heat. Sustainable Civil Infrastructures. Pp. 602–607. DOI: 10.1007/978-3-030-79801-7_43
24. Sistene Solar URL: <https://sistinesolar.com/solar-panel-carbon-footprint/>
25. IEA Renewables 2023. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/share-of-renewable-electricity-generation-by-technology-2000-2028>
26. IEA. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/average-producer-price-for-selected-technologies-q1-2015-to-q2-2023>
27. IEA Solar PV Global Supply Chains. URL: <https://www.iea.org/reports/solar-pv-global-supply-chains>
28. OEC World. URL: <https://oec.world/en/profile/hs/photosensitivephotovoltaicled-semiconductor-devices?latestTrendsFlowSelector=flow1&countryComparisonFlowSelector=Imports&yearSelector1=2011>
29. Our World in Data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/investment-in-renewable-energy-by-technology>
30. Statista Leading countries by solar energy consumption worldwide in 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/815187/countries-with-the-highest-share-of-solar-consumption/>

The global solar cell market evolution and case of the Russian Federation

Alexey S. Budakov,

PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

The development of solar energy is today one of the most important areas of "green" or renewable energy. The development of renewable energy sources (RES) is currently one of the main directions of progress in the energy segment, and energy sources remain the most important factor in the growth of the national and global economy. In the renewable energy group, both the share of solar energy and investments in this segment of renewable energy sources are growing markedly. One of the reasons remains the attractive price of solar panels. However, the instability of energy generation and the high level of CO₂ emissions raises questions about the possibility of widespread and stable use of solar panels. Despite the presence of negative characteristics of solar panels, the author concludes that many countries are striving for the development of solar energy, including Russia. There is an increase in solar electricity production in the Russian Federation, although our country is not yet a major participant in the global market, and the share of renewable energy sources in the domestic energy balance does not exceed 1%. However, today Russia is somewhat lagging behind the global processes in the field of renewable energy sources, including in the field of solar energy, although both the production and export of photosensitive and photovoltaic semiconductor devices are growing.

Keywords: *Russian Federation, renewable energy sources (RES), energy transition, solar energy, solar panels, solar cell market.*

JEL codes: *F10, F64, O44, O52, P28.*

Россия в системе мировой автоиндустрии в XXI веке и задачи совершенствования отечественной отрасли для обеспечения национальной экономической безопасности

Белов Вадим Александрович¹

Для Российской Федерации в последние годы актуализируется задача развития отечественной автомобильной промышленности с точки зрения обеспечения национального технологического суверенитета и безопасности. Объектом исследования в научной статье стала мировая автомобильная промышленность, предметом — отечественная автомобильная промышленность и систематизация задач по ее развитию в перспективе с точки зрения экономической безопасности России в условиях «исхода» из отечественной экономики и отечественного рынка ряда ведущих западных производителей. В статье показано, что российская автомобильная промышленность является сегментом глобального автопрома, испытывает влияние общих факторов, таких как технологические, экономические, демографические, ресурсные и др. Велика роль транснациональных компаний в автомобильном производстве. Можно ожидать появления и новых явлений, процессов, тенденций и факторов, которые будут оказывать сдерживающее или стимулирующее влияние на мировой автопром, например, беспилотного транспорта. В то же время на развитие отечественной автомобильной промышленности серьезное как на высокотехнологическую и стратегически важную индустрию высокое давление оказывают антироссийские санкции, принятые западными странами в 2014 г. при значительной зависимости отечественной отрасли от внешних игроков и рынков, а также государственная поддержка отрасли (производителей и потребителей) — тарифная, финансовая, исследовательская, институциональная и др. Автору представляется необходимым развивать все имеющиеся виды государственной поддержки отрасли в перспективе и шире использовать мировой опыт и практику не только развитых, но и развивающихся стран Азии (Китай), Африки и Латинской Америки. Исследование проведено с применением компаративного метода, статистического анализа (на основе статистических данных Международной организации производителей автомобилей), прогнозных оценок.

Ключевые слова: Российская Федерация, автомобильная промышленность, национальная безопасность, мировое производство автомобилей, факторы развития автоиндустрии, санкции, импортозамещение.

JEL коды: F02, F52, F63, L62, O52.

---

¹ Белов Вадим Александрович — кандидат экономических наук, директор ООО «ТЕГРУСС Комплект», Москва, Россия.

Введение

В условиях роста глобальной нестабильности, продолжающейся четвертой промышленной революции, необходимости для России обеспечить национальный технологический суверенитет и при наличии других жизненно важных стратегических задач, стоящих сегодня перед Российской Федерацией, для страны важно развитие национальной автомобильной промышленности и автомобильного рынка, которые, будучи сегментом мировой системы, обеспечивали бы нашему государству как возможность поступательного отечественного технологического развития, так и удовлетворяли бы существующий и перспективный спрос в данном сегменте.

Важность автомобильной промышленности для национальной экономики давно уже является аксиомой, не нуждающейся в доказательствах, хотя об этом пишут многие авторы (Нурыкин, 2023), как и о роли ТНК в развитии производства автомобилей (Закревская, 2022). Отмечается, в частности, что развитие промышленности по-прежнему играет важную роль в социально-экономическом развитии и геополитическом положении стран. И почти столетний мировой опыт подтверждает, что те государства, которые могут развивать автопром, делают это, независимо от прибыльности или убыточности деятельности отрасли, и, соответственно, роль государственного регулирования в автомобильной промышленности остается чрезвычайно высокой (Русакович, 2015; Русакович, 2016; Шкляева, Русакович, 2021).

Кроме того, влияние различных факторов на мировую автомобильную промышленность активно трансформирует отрасль, что также требует мониторинга и активного воздействия на отраслевые процессы для поддержания ее конкурентоспособности (Сушкевич, 2018).

Таким образом, задача создания и поддержки автомобильной отрасли стоит сегодня перед многими странами, как и перед Россией. Проблемой остаются пути решения этой задачи в средне- и долгосрочном периоде, особенно если экономика страны, как сегодня в России, сталкивается с беспрецедентным внешним давлением, имеющим целью ослабить и даже, по возможности, уничтожить высокотехнологичные отрасли отечественной экономики, чтобы обеспечить этим внешним игрокам доступ к российскому рынку, к российским ресурсам, российским возможностям.

Важное место в современных экономических исследованиях уделяется анализу мер по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, в том числе и в стратегических отраслях, к которым, безусловно, относится автопром (Глинская, Абросимова, 2019).

Рассмотрим в данной статье, какие меры могла бы предпринять Российская Федерация на государственном уровне для решения основных задач развития национального автопрома как минимум в тот период, который обозначен в Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 г., принятая в 2018 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2018 г. N 831-р) и его защиты на национальном и международном уровнях.

Результаты исследования

Автомобильная промышленность эволюционирует уже около 150 лет (табл. 1). Как видно из табл. 1, за это время отрасль, пройдя ряд этапов и укрепившись в мировой индустриальной структуре, утвердила свою эффективность и важность для страны-производителя с точки зрения катализатора социально-экономического, научно-технического и конкурентно-корпоративного развития. В последние годы возросла роль автопрома в сфере экологии и цифровизации. В целом эксперты отмечают, что эволюция автомобильной промышленности мира как высокотехнологичной индустрии во многом связана с формированием новых технологических укладов и тенденциями повышения наукоемкости отрасли (Акимкина, Герасимова, 2020).

Таблица 1.

Этапы развития мировой автомобильной промышленности

Годы	Этап	Страны-лидеры	Особенности
1880-1890-е гг.	Зарождение автомобильной отрасли	Франция, Германия	Производство в мастерских, не получившее массового характера, с ограниченным потребительским спросом
1990-1940 гг.	Формирование современной автомобильной промышленности	США, Германия, Франция	Массовое конвейерное дивизионно-организованное и вертикально интегрированное производство, стандартизация и взаимозаменяемость (фордизм)
1950-1980-е гг.	Активное развитие автомобильной промышленности в развитых странах	США, Германия, Франция + Япония	Система гибкой организации производства, новые технологии и постоянная работа над качеством (тойотизм) + активный экспорт
1990-х гг.	Активное развитие автопрома в некоторых странах с развивающимися рынками	10 стран (сокращение роли США на мировом рынке)	Сборка автомобилей из комплектующих, поставляемых компаниями США и Японии, создание собственных брендов, рост интернационализации отрасли
2000-е гг.	«Зеленая» революция в автомобильной промышленности	5-7 стран	Повышение топливной эффективности автомобилей, более широкое применение возобновляемых источников энергии, снижение вредных выбросов в атмосферу, а также достижение полной переработки утилизируемых автомобилей

Источник: Черников (2015а).

На автомобильную промышленность как производящую отрасль на протяжении всего этого времени (с момента ее возникновения) оказывает влияние ряд факторов, как сдерживающих, так и стимулирующих ее развитие, причем на отдельных этапах роль различных факторов может изменяться.

Так, автомобильная промышленность, будучи одной из наиболее глобализированных в мире отраслей, вследствие этого испытывает все те макроэкономические влияния, которые складываются на мировом, региональных и страновых автомобильных рынках. Поэтому такие тенденции, как мировые экономические и/или финансовые кризисы, растущая инфляция, политическая напряженность, военные конфликты, даже глобальная эпидемия, негативно влияют на спрос на автомобили и, следовательно, на их производство, т. е. на «состояние здоровья» отрасли. С другой стороны, рост спроса, технические нововведения выступают и катализатором производства автомобилей в мире и в отдельных регионах.

Демографический фактор имеет важное значение для развития отрасли — чем больше население, тем выше спрос на автомобили, как в городских условиях, так и в сельской местности. Также на спрос на автомобили влияет и структура населения по полу и возрасту. Но, поскольку в мире имеет место устойчивый демографический рост, то этот фактор, при прочих равных условиях, выступает чистым катализатором автомобильного производства.

Технологические факторы играют двоякую роль. С одной стороны, инновации в автопроме, предполагающие использование новых материалов, решений, технологий стимулируют рост качества, комфорта, улучшение дизайна, безопасности транспортного средства, новые возможности его использования и зачастую — рост эффективности автомобильного производства и в целом выступают двигателем технического прогресса и даже нередко формируют направления его развития. Более того, как уже отмечалось, автомобильная промышленность во многом сама выступает формирующим новые технологические уклады началом, по мнению авторов (Акимкина, Герасимова, 2020), и с этим можно согласиться. Тем самым автомобильная промышленность обеспечивает и технологический прогресс в целом (Черников, 2015b).

С другой стороны, все это требует зачастую весьма значительных инвестиций в производство, затрат на НИОКР (и наличия соответствующих структур), которые не всегда окупаются в полной мере, расходов на внедрение новых технологий в производство и других издержек, в том числе, например, на охрану окружающей среды, что, в свою очередь, снижает рентабельность отрасли при прочих равных условиях. К тому же все эти инвестиции удорожают конечный продукт, что также не сразу положительно влияет на объемы продаж.

Кроме того, рост производства автомобилей требует и роста ресурсных затрат на металлы (в том числе полупроводниковые), топливо, кадры и их компетентностное развитие, наконец, на строительство новых производственных и иных помещений и их оснащение и т. д. Таким образом, растет расходование невозобновляемых ресурсов в глобальных масштабах, что не может оцениваться, как исключительно положительный аспект.

Однако, будучи отраслью с высоким мультипликационным эффектом, автомобильная промышленность стимулирует хозяйственную деятельность в смежных сферах, активизирует работу поставщиков и подрядчиков, т. е. обеспечивает экономическое развитие, рост занятости населения по различным специальностям (как высококвалифицированных, так и других).

Помимо этого, на развитие автомобильной промышленности большое влияние оказывают такие факторы, как наличие и уровень развития в стране, например,

общественного транспорта, политика государства (его поддержка отрасли — тарифная, финансовая, исследовательская, институциональная и др. — или ее отсутствие), новые веяния, как, например, экологизация транспортных средств, другие социокультурные моменты, как вкусы, предпочтения и др., а также такие феномены, как лизинг, каршеринг и т. д. Можно ожидать появления и новых явлений, процессов, тенденций и факторов, которые будут оказывать сдерживающее или стимулирующее влияние на мировой автопром, например, развитие беспилотного транспорта (Шевченко, 2017).

Таким образом, все эти факторы влияют на состояние и тенденции развития автомобильной промышленности в мире и в отдельных странах, в том числе в Российской Федерации, одновременно в разновекторном плане, что сказывается на объемах автомобильного производства (рис. 1).

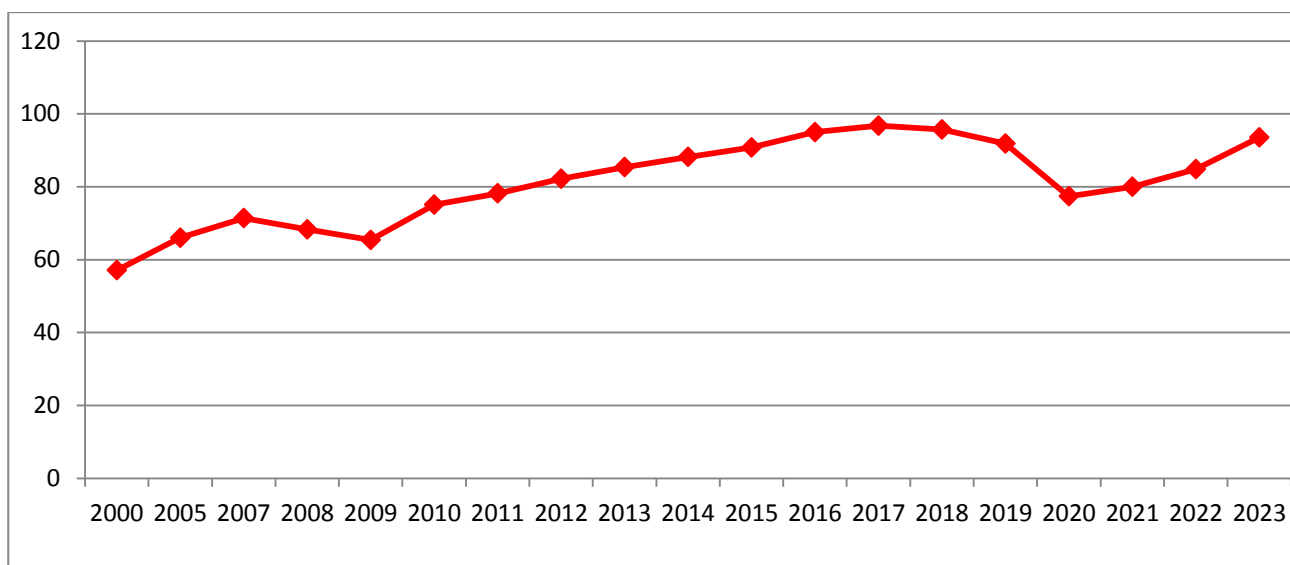

Рис. 1. Производство автомобилей всех видов в мире в 2000–2023 гг., млн единиц
Источник: составлено автором по данным OICA

Тем не менее, как видно из рис. 1, в процессе производства транспортных средств в мире четко просматривается тенденция на постепенное увеличение объемов производства, хотя и фиксируются периоды спадов в этом производстве под влиянием различных факторов. Прежде всего, это мировой финансово-экономический кризис 2008 г., негативное влияние которого было достаточно ярко выражено в мировой автомобильной промышленности, а также и в автоиндустрии отдельных стран, в том числе Китая и Индии. Исследователи отмечают, что «Современная автомобильная промышленность, основанная на сложных и взаимозависимых глобальных цепочках поставок, демонстрирует высокую чувствительность к воздействию кризисных явлений в экономике» (Журова, Краковская, 2021).

В России негативное влияние на производственные тенденции оказало введение антироссийских санкций в 2014 г., приведшее к сокращению производства, а также глобальная пандемия, заметно сократившая производство автомобилей в России, но содействовавшая развитию автомобильного производства в некоторых других странах СНГ, прежде всего в Узбекистане и Казахстане (рис. 2 и табл. 2).

Таблица 2.

Производство автомобилей всех видов в Российской Федерации и некоторых других странах СНГ в 2019–2023 гг., млн единиц

	2019	2020	2021	2022	2023	Изменение 2023/2019	Изменение 2023/2020	Изменение 2023/2021	Изменение 2023/2022
Россия	1 720 487	1 435 551	1 567 007	609 082	729 864	-58%	-49%	-53%	20%
Азербайджан	2 523	2 058	2 318	2 473	4 537	80%	121%	96%	84%
Беларусь	30 494	31 273	29 891	н/д	н/д	-	-	-	-
Казахстан	49 400	74 831	92 417	112 720	146 989	198%	96%	59%	30%
Украина	6 254	4 202	7 342	1 490	1 993	-68%	-53%	-73%	34%
Узбекистан	277 967	284 885	242 104	341 167	425 876	53%	50%	76%	25%

Источник: составлено автором по данным ОИСА

Как видно из рис. 2 и табл. 2, имело место резкое падение производства автомобилей в Российской Федерации в 2020 г. под влиянием ковидной пандемии с частичным восстановлением объемов производства в 2021 г. Однако западные антироссийские санкции, ужесточившиеся с 2022 г., значительно подорвали производство в Российской Федерации, когда с российского рынка массово стали уходить производители автомобилей, запчастей и комплектующих, что связано с высокой степенью зависимости отечественной автомобильной отрасли от внешних поставщиков и производителей.

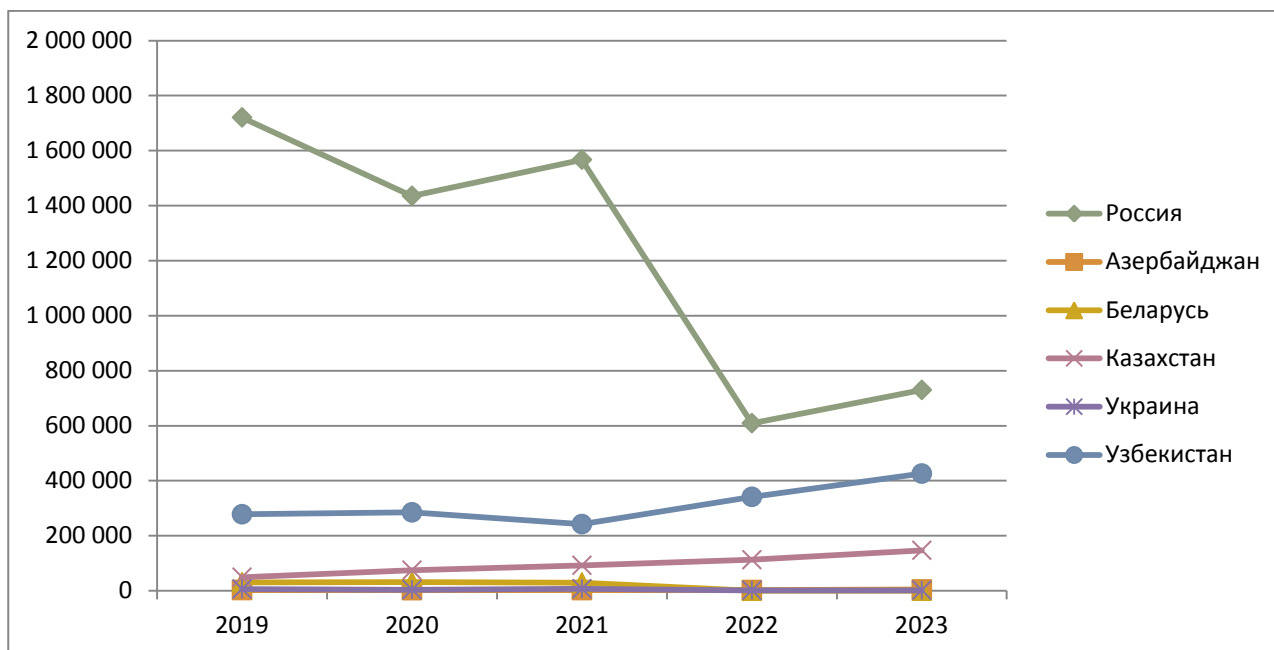

Рис. 2. Производство автомобилей всех видов в Российской Федерации и некоторых других странах СНГ в 2019–2023 гг., млн единиц

Источник: составлено автором по данным табл. 2.

Эти антироссийские санкции потребовали противодействия со стороны государства и бизнеса для обеспечения национальной безопасности. Для этой цели в 2018 г. была принята Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 г. (Стратегия, 2018). С 2022 г., и в отрасли стало при поддержке государства развиваться импортозамещение (табл. 3) в рамках проекта «Импортозамещение. Поддержка и дальнейшее развитие отраслей промышленности в период санкционного давления на страну». Его развитие идет неоднозначно, однако первые результаты уже сформировались, в том числе положительные.

При этом, по нашим экспертным оценкам, хотя процесс импортозамещения в автомобильной промышленности РФ идет методом «проб и ошибок», некоторые имеющиеся результаты подтверждают, что отрасли существуют определенные успехи, а производимая продукция может оказаться более конкурентоспособной по цене и практически не характеризуется ухудшением качества. Кроме того, развитие отечественной автомобильной промышленности может стать катализатором технического прогресса в стране в целом, что в полной мере соответствует подходам других авторов (Максютина и др., 2022; Максютина, Головкин, 2017), а также планам развития страны. Развитие автопрома в России тем более важно, что сегодня в мировой экономике в целом, и в отрасли, в частности, сформировалось

достаточно много негативных тенденций и деструктивных процессов, о чем пишут эксперты (Максютина, Головкин, 2020; Международный транспорт..., 2022).

Таблица 3.

Некоторые импортозамещающие позиции в автомобильной промышленности России

№ п/п	Продукт/технология	Доля импорта, %		Доля импортной продукции до 2024 г., %
		2014	2020	
1.	Автоматические коробки переключения передач	100	20–30	5
2.	Шины повышенной грузоподъемности	100	20	15
3.	Легкие дизельные двигатели	93	50	36
4.	Топливные насосы высокого давления	100	36	24
5.	Гильзы цилиндров, поршни	100	70	63
6.	Топливные форсунки электронно управляемые	100	20	12

Источник: Айрапетова и др. (2016), дополнено автором по: План импортозамещения в автомобильной промышленности (2021).

Можно сформулировать следующие задачи по развитию автомобильной промышленности России в контексте обеспечения национальной безопасности в перспективе.

1. Создание программы государственной поддержки автомобильной отрасли для стимулирования производства отечественных автомобилей и комплектующих.

2. Развитие инфраструктуры для производства автомобилей, включая строительство новых заводов, модернизацию существующих и обучение кадров, в том числе с использованием цифровых возможностей.

3. Проведение мероприятий по увеличению спроса на отечественные автомобили, в том числе за счет программы государственных закупок.

4. Содействие в разработке и внедрении новых технологий в автомобильную отрасль, включая электрические и водородные автомобили.

5. Повышение качества и конкурентоспособности российских автомобилей на мировом рынке.

6. Обеспечение безопасности производства и использования автомобилей, в том числе за счет соблюдения стандартов качества и экологических требований.

Список литературы

1. Айрапетова А. Г., Корелин В. В., Ластовка И. В. (2016) Развитие отечественного производства товаров и услуг в условиях импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. № 6 (102). С. 52–56. [Airapetova A. G., Karelin V. V., Lastovka I. V. (2016) Development of domestic production of goods and services in the context of import substitution // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. No. 6 (102). Pp. 52–56. (In Russian).]

2. Акимкина Д. А., Герасимова Л. И. (2020) Смена технологических укладов в автомобильной промышленности как фактор повышения наукоемкости отрасли / В книге: Стратегическое планирование и развитие предприятий. Материалы XXI Всероссийского

симпозиума. Центральный экономико-математический институт Российской академии наук. Москва. С. 436–439. [Akimkina D. A., Gerasimova L. I. (2020) Changing technological patterns in the automotive industry as a factor in increasing the knowledge intensity of the industry / In the book: Strategic planning and enterprise development. Materials of the II All-Russian Symposium. Central Economic and Mathematical Institute, Russian Academy of Sciences. Moscow. Pp. 436–439. (In Russian).]

3. Глинская М. В., Абросимова В. В. (2019) Анализ деятельности стран альянса БРИКС по обеспечению экономической безопасности в глобальном пространстве на современном этапе / В сборнике: Мировая экономика в XXI веке : Value and Values. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. отв. ред. И. А. Айдрус. С. 73–85. [Glinskaya M. V., Abrosimova V. V. (2019) Analysis of the activities of the BRICS countries to ensure economic security in the global space at the present stage / in the collection: The world economy in the XXI century : Value and values. Collection of materials of the International Scientific and practical conference. ed. by I. A. Aidrous. Pp. 73–85. (In Russian).]

4. Журова Л. И. Краковская И. Н. (2021) Влияние глобальных экономических кризисов на развитие автомобильной промышленности России // Регионология. Т. 29. № 3. С. 541–561. [Zhurova L. I. Krakovskaya I. N. (2021) The impact of global economic crises on the development of the Russian automotive industry // Regionology. Vol. 29. No. 3. Pp. 541–561. (In Russian).] DOI 10.15507/2413-1407.116.029.202103.541-561

5. Закревская Я. А. (2022) Мировая и российская автомобильная промышленность в новых условиях // Образование и право. № 10. С. 154–162. [Zakrevskaya Ya. A. (2022) The world and Russian automotive industry in new conditions // Education and law. No. 10. Pp. 154–162. (In Russian).] DOI: 10.24412/2076-1503-2022-10-154-162

6. Максютин Е. В., Головкин А. В., Назмиев И. Ф. (2022) Инновационный вектор развития автомобильной промышленности в контексте неоиндустриализации российской экономики // Экономика и предпринимательство. № 4 (141). С. 26–29. [Maksyutina E. V., Golovkin A.V., Nazmiev I. F. (2022) Innovative vector of development of the automotive industry in the context of neo-industrialization of the Russian economy // Journal of Economy and entrepreneurship. Vol. 16. No. 4. Pp.26–29. (In Russian).]

7. Максютин Е. В., Головкин А. В. (2017) Автомобильная промышленность: проблемы и их решение в контексте четвертой промышленной революции // Экономист. № 9. С. 32–40. [Maksyutina E. V., Golovkin A.V. (2017) Automotive industry: problems and their solution in the context of the fourth Industrial revolution // Economist. No. 9. Pp. 32–40. (In Russian).]

8. Максютин Е., Головкин А. (2020) Автомобильная промышленность России: проблемы развития в «осыпающемся» мире // Региональный экономический журнал. № 1 (28). С. 71–83. [Maksyutina E., Golovkin A. (2020) The automotive industry of Russia: problems of development in the «crumbling» world // Regional Economic Journal. No. 1 (28). Pp. 71–83. (In Russian).]

9. Международный транспорт, международная транспортная политика и транспортная дипломатия / Билялова Л. Р., Борисов А. Н., Бяшарова А. Р., Герман Е. И., Голубчик А. М., Демин В. А., Долбик-Воробей Т. А., Ефименко Д. Б., Жанказиев С. В., Илюхина С. С., Карелина Е. А., Кожанков А. Ю., Мальцева М. В., Мамедова И. А., Пак Е. В., Панфилов И. Д., Подхалюзина В. А., Полякова Т. Ю., Савченко-Бельский В. Ю., Савченко-Бельский К. А. и др. Учебник для магистратуры / Москва, 2022. 471 с. [International transport,

international transport policy and transport diplomacy / Bilyalova L. R., Borisov A. N., Byasharova A. R., German E. I., Golubchik A. M., Demin V. A., Dolbik-Vorobey T. A., Efimenko D. B., Zhankaziev S. V., Ilyukhina S. S., Karelina E. A., Kozhenkov A. Yu., Maltseva M. V., Mammadova I. A., Pak E. V., Panfilov I. D., Podkhalyuzina V. A., Polyakova T. Yu., Savchenko-Belsky V. Yu., Savchenko-Belsky K. A., etc. Textbook for the Master's degree / Moscow, 2022. 471 p. (In Russian).]

10. Нурыкин В. Д. (2023) Участие Африки в мировом автомобилестроении. Состояние и перспективы развития автомобилестроения и автомобильного рынка континента // Инновации и инвестиции. № 8. С. 73–77. [Nurykin V. D. (2023) Africa's participation in the global automotive industry. The state and prospects of development of the automotive industry and the automotive market of the continent // Innovation and investment. No. 8. Pp. 73–77. (In Russian).]

11. План импортозамещения в автомобильной промышленности. Утвержден приказом Минпромторга России от 6 июля 2021 г. N 2468. [Import substitution plan in the automotive industry. Approved by Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation No. 2468 dated July 6, 2021. (In Russian).] URL: <https://bod.frprf.ru/public/documents/plan-importozameshheniya-v-avtomobilnoj-promyshlennosti>.

12. Русакович В. И. (2015) Государственное регулирование в автомобильной промышленности ЮАР и рост конкурентоспособности // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. № 5. С. 16–24. [Rusakovich V. I. (2015) State regulation in the automotive industry of South Africa and the growth of competitiveness // Scientific Review. Series 1: Economics and Law. No. 5. Pp. 16–24. (In Russian).]

13. Русакович В. И. (2016) Автомобильный сегмент в странах Персидского залива и необходимость государственного регулирования // Экономика и предпринимательство. № 3–2 (68). С. 489–493. [Rusakovich V. I. (2016) The automotive segment in the Persian Gulf countries and the need for government regulation // Economics and entrepreneurship. No. 3-2 (68). Pp. 489–493. (In Russian).]

14. Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года от 28 апреля 2018 года. [The Strategy for the development of the automotive industry of the Russian Federation for the period up to 2025 dated April 28, 2018. (In Russian).] URL: <https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-28042018-n-831-r/strategiia-razvitiia-avtomobilnoi-promyshlennosti-rossiiskoi/?ysclid=lvjannxmv650032642>

15. Сушкевич П. П. (2018) Трансформация мировой автомобильной промышленности // Наука и техника. Т. 17. № 5. С. 432–439. [Sushkevich P. P. (2018) Transformation of the global automotive industry // Science and technology. Vol. 17. No. 5. Pp. 432–439. (In Russian).] DOI:10.21122/2227-1031-2018-17-5-432-439

16. Черников А. В. (2015a) Государственное регулирование автомобильной промышленности: опыт стран мира и возможности его применения в России. Автореферат ... к.э.н., Москва, РУДН. [Chernikov A. V. (2015) State regulation of the automotive industry: the experience of the countries of the world and the possibilities of its application in Russia. Abstract ... Candidate of Economics, Moscow, RUDN. (In Russian).]

17. Черников А. В. (2015b) Высокотехнологичные отрасли промышленности как объект государственного регулирования и как катализатор экономического роста // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 6 (78). С. 56. [Chernikov A. V. (2015b) High-tech industries as an object of state regulation and as a catalyst for

economic growth // Management of economic systems: electronic scientific journal. No. 6 (78). P. 56. (In Russian).]

18. Шевченко Р. П. (2017). Беспилотный транспорт как фактор трансформационной структуры мировой автомобильной промышленности / В сборнике: Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей победителей VII Международной научно-практической конференции. С. 293–299. [Shevchenko R. P. (2017). Unmanned transport as a factor in the transformational structure of the global automotive industry / In the collection: Modern Economy: current issues, achievements and innovations. collection of articles by the winners of the VII International Scientific and Practical Conference. Pp. 293–299. (In Russian).]

19. Шкляева М. И., Русакович В. И. (2021) Автомобильный рынок Малайзии // Инновационная экономика. № 1 (26). С. 85–94. [Shklyayeva M. I., Rusakovich V. I. (2021) Automobile market of Malaysia // Innovative economics. No. 1 (26). Pp. 85–94. (In Russian).]

20. Organisation Internationale des Constructeurs d'Automobiles (OICA). URL: <https://www.oica.net/production-statistics/>

Russia in the global automotive industry in the 21st century and the tasks of improving the domestic industry to ensure national economic security

Vadim A Belov,

PhD in Economic Sciences, Director of TEGRUSS Kit LLC, Moscow, Russia.

In recent years, the task of developing the domestic automotive industry in terms of ensuring national technological sovereignty and security has been actualized for the Russian Federation. The object of research in the scientific article is the global automotive industry, the subject is the domestic automotive industry and the systematization of tasks for its development in the long term from the point of view of Russia's economic security in the context of the "exodus" from the domestic economy and the domestic market of a number of leading Western manufacturers. The article shows that the Russian automotive industry is a segment of the global automotive industry, influenced by common factors such as technological, economic, demographic, resource, etc. The role of multinational companies in automotive production is great. We can expect the emergence of new phenomena, processes, trends and factors that will have a restraining or stimulating effect on the global automotive industry, for example, unmanned vehicles. At the same time, the development of the domestic automotive industry, as a high-tech and strategically important industry, is under high pressure from anti-Russian sanctions adopted by Western countries in 2014, with the high dependence of the domestic industry on external players and markets, as well as state support for the industry (manufacturers and consumers) — tariff, financial, research, institutional, etc. The author considers it necessary to develop all available types of state support for the industry in the future and make wider use of the world experience and practice not only of developed but also developing countries in Asia (China), Africa and Latin America. The study was conducted using a comparative method, statistical analysis (based on statistical data from the International Organization of Automobile Manufacturers), and forecast estimates.

Keywords: *Russian Federation, automotive industry, national security, global automobile production, factors of development of the automotive industry, sanctions, import substitution.*

JEL codes: *F02, F52, F63, L62, O52.*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ / GLOBAL TRENDS

Глобальная нестабильность мировой экономики: сущность, причины, факторы, составляющие, перспективы

Поплавский Сергей Петрович¹

Логика проводимого исследования базируется на углубленных теоретических представлениях о глобальной нестабильности мировой хозяйственной системы периода XXI в. как универсальной тенденции, существенно усиливающейся из десятилетия в десятилетие. Эта тенденция охватывает рынки, отрасли, регионы, международные отношения, социальную сферу, даже культуру, науку, образование и т. д. В целом, перспективы ситуации глобальной нестабильности остаются неопределенными, и странам на национальном и межнациональном уровнях важно принимать меры для поиска и/или разработки механизмов и инструментов, нацеленных на укрепление международного сотрудничества, урегулирование конфликтов и снижение негативных последствий для мировой и национальной безопасности и стабильности. В статье исследуются особенности глобальной нестабильности, ее содержание, влияние современных геополитических процессов на изменение мирового развития. Автор предлагает собственную классификацию современных трактовок сущности глобальной нестабильности, обосновывает точку зрения, что понимание направлений развития глобальной нестабильности также дает возможность спрогнозировать возможные варианты развития ситуации в мировой экономике, как минимум, в среднесрочной перспективе. Автор обосновывает точку зрения, что глобальная нестабильность возникла не сама по себе, она формируется, подпитывается и зачастую целенаправляется конкретными субъектами, развиваясь не объективно, а на основе определенных механизмов, рычагов и стимулов, как экономического, так и неэкономического характера. Глобальная нестабильность охватывает не только производство, распределение, обмен и потребление, но и систему отношений, базирующихся сегодня на подчинении, выступает элементом «наказания за неподчинение» в системе международных экономических отношений. Это понимание позволяет странам принять адекватные меры для обеспечения национальной безопасности в различных сферах, особенно стратегических. Ввиду постоянного изменения ситуации в сфере глобальной нестабильности, изучение этой сферы остается жизненно важным аспектом в науке и практике.

***Ключевые слова:** глобальная нестабильность, мировая экономика, национальная безопасность, экономическая политика, государственное регулирование экономики, международное сотрудничество, международные конфликты.*

***JEL коды:** F42, F51, F52, F53, F55.*

---

¹ Поплавский Сергей Петрович — кандидат политических наук, Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, кафедра гос управления, Москва, Россия.

Введение

Глобальная нестабильность и ее влияние на экономические процессы на различных уровнях — страновом, региональном, глобальном, а также на микроуровне, остается объектом научного исследования на протяжении как минимум XXI в. (Социально-экономические проблемы..., 2020), в то время, как традиционные исследования XX в. ограничиваются, главным образом, влиянием процесса экономической нестабильности на страновой и микроуровень (Вереникин и др., 2021). Этой глобальной ситуации посвящено множество трудов, хотя единое определение глобальной нестабильности сегодня отсутствует. Либеральная экономическая наука исходит из того, что есть определенный набор мер, содействующих стабилизации экономической ситуации, которые разрабатывает и имплементирует целая система международных организаций, как ВТО, и все страны просто обязаны поддерживать эту систему (Захарова, Русакович, 2016).

Но проблема, и отнюдь не только сегодняшняя, заключается в том, что экономический рост и стабилизация одних стран происходит за счет дестабилизации других (иногда — ряда других) с помощью широкого спектра мер применяемых первыми против вторых, в том числе и с помощью международных организаций, различного рода американских «правил» и т. д. В этой связи некоторые исследователи полагают, что «...это — совершенно новое направление в междисциплинарных исследованиях, которое, возможно, потребует совершенно иной методологической базы и собственного инструментария, необходимого для построения различного рода прогностических моделей в области экономической нестабильности» (Харламов, 2018. С. 7).

Анализ имеющихся научных исследований и подходов позволяет говорить о том, что эксперты, особенно западные, зачастую рассматривают глобальную нестабильность только как экономический кризис (Ядгаров, 2013), хоть и глобальный по масштабам, как нарушение рыночного равновесия на глобальном уровне. Но, на наш взгляд, глобальная нестабильность — это процесс, который существенно шире, чем даже самый глобальный финансово-экономический кризис, а также и значительно глубже. И хотя «роль экономических составляющих хозяйственной системы продолжает оставаться приоритетной, несмотря на множественные трансформации, которые порой оказывают существенное влияние на безопасность всей системы и, возможно, на ее выживаемость» (Харламов, 2021), глобальная нестабильность характеризуется как процесс, угрожающий национальной и международной безопасности, обостряющий экономические и политические отношения между странами (Суворов, Поплавский, 2012).

Результаты исследования

Сегодня существует ряд трактовок глобальной нестабильности (табл. 1), и все они отличаются по своим подходам и точкам зрения. Однако понимание сущности, факторов, а также элементов глобальной нестабильности, на наш взгляд, может дать возможность определить те меры, применение которых может обеспечить, как минимум, стране, возможность противодействовать разрушительным последствиям глобальной нестабильности и смягчить, а, возможно, в отдельных аспектах и устранить, эти последствия. Изучение и осознание направлений развития глобальной нестабильности также дает

возможность спрогнозировать возможные варианты развития ситуации в мировой экономике, как минимум, в среднесрочной перспективе.

Таблица 1.

Подходы к трактовке сущности глобальной нестабильности

Подходы	Определение
Системный подход (позволяет выявить взаимосвязи между различными источниками нестабильности и разработать комплексные стратегии для их решения)	Глобальная нестабильность рассматривается как результат взаимодействия различных факторов, таких как экономические, политические, социальные, экологические и технологические. Нестабильность возникает, когда эти факторы выходят из равновесия и начинают взаимодействовать друг с другом негативным образом.
Институциональный подход (требует реформирования существующих структур и институтов, а также создания новых механизмов для обеспечения более справедливого и устойчивого миропорядка)	Глобальная нестабильность рассматривается как результат неравномерного распределения ресурсов, власти и возможностей между странами и регионами. Нестабильность возникает, когда существующие структуры и институты не в состоянии справиться с возникающими новыми вызовами и изменениями.
Субъектный подход (требует понимания мотивации и поведения различных акторов, а также разработки стратегий для управления конфликтами и предотвращения насилия)	Глобальная нестабильность рассматривается как результат действий отдельных лиц, групп и государств (субъектов хозяйствования), которые преследуют свои собственные интересы и цели. Нестабильность возникает, когда эти цели и действия, направленные на их достижения, без учета интересов других субъектов, приводят к конфликтам, санкциям, другим формам давления.
Нормативный подход (требует укрепления международного права и институтов, а также разработки новых норм и правил, которые будут соответствовать меняющимся условиям глобальной политики)	Глобальная нестабильность рассматривается как результат нарушения международных норм и правил, которые регулируют отношения между государствами. Нестабильность возникает, когда государства нарушают эти нормы и правила, что приводит к конфликтам и войнам.
Комплексный подход (требует использования всех вышеперечисленных подходов для разработки всеобъемлющих стратегий по обеспечению глобальной стабильности)	Глобальная нестабильность рассматривается как результат взаимодействия всех вышеперечисленных факторов. Нестабильность возникает, когда эти факторы усиливают друг друга и приводят к порочному кругу конфликтов разного уровня и нестабильности.

Источник: разработано автором.

В целом глобальная нестабильность в экономическом поле может быть определена как нарушение баланса, упорядоченности и функционирования существующей системы

мировой экономики из-за каких-либо факторов — международных (глобальных, региональных) и страновых. Глобальная экономическая нестабильность — это состояние мировой экономики, характеризующееся неопределенностью, неустойчивостью, несбалансированностью, ростом рисков и изменениями на глобальных отраслевых рынках и в географических регионах. Это процесс, который продолжает эволюционировать, хотя его развитие, глубина, уровень дифференцированы по странам (регионам), отраслям, сегментам мирового рынка (Поплавский, 2013).

Глобальная нестабильность проявляется через многочисленные кризисы — глобальные или региональные, отраслевые и рыночные (из-за любых причин — как экономических, так и неэкономических, в том числе политических, военных, даже технологических, эпидемиологических и др.). Она нарушает возможности для участия стран и иных субъектов международных экономических отношений, в общей системе торговли, миграции капитала, научно-технического сотрудничества, логистических связях; генерирует трудности и проблемы для стабильного социально-экономического развития, а также технологического, демографического и др. Глобальная нестабильность нарушает деятельность международных экономических организаций и снижает их эффективность, таким образом, что они скорее становятся препятствием, чем катализатором в той сфере, в которой они функционируют.

Глобальная нестабильность, как правило, формируется не сама по себе. Ее формирование, трансформация, развитие, охват предполагает разработку и проведение конкретными ведущими субъектами хозяйствования (странами Центра, как обладающими крупным потенциалом и возможностями в экономической, технической, валютной, транспортно-логистической, финансовой и других сферах, а также международными организациями, как ВТО, МВФ, ВОЗ и др.) определенной долгосрочной, осознанной, целенаправленной политики, предполагающей в качестве результата ее реализации обеспечение интересов (экономических) ограниченного круга субъектов мирового хозяйства и зачастую в ущерб другим, часто — многим (остальным), а также механизмы реализации этой политики. Другими словами, нестабильность преимущественно создается странами Центра сознательно, хотя периодически, вероятно, этот процесс выходит из-под контроля формирующих ее в тех или иных сферах субъектов.

Причинами создания нестабильности является обострение конкуренции на мировых рынках и снижение возможности конкурентоспособности для «развитых» стран. Появляются новые возможности развития у стран с развивающимися рынками, они реализуют свои национальные интересы, что несовместимо с интересами западных государств. Усиливается невозможность для западных государств сохранять дальнейший и полный контроль над мировыми процессами и ресурсами, т. е. над деятельностью других (остальных) субъектов хозяйствования с помощью методов прямого и/или опосредованного воздействия.

Заслуживает внимания точка зрения отдельных исследователей (Комолов, 2017), причем не только отечественных (Foley, 1986), о том, что большое значение в формировании глобальной нестабильности сохраняет открытая еще К. Марксом (1961) закон-тенденция нормы прибыли к понижению.

Некоторые эксперты отмечают, и с этим можно согласиться, что «С распадом социалистической системы оказалось разрушено послевоенное равновесие сил, уничтожена сложившаяся система сдержек и противовесов в мировой политике, какую представляла собой биполярная модель мира» (Данилов, 2021).

Поэтому с целью сдерживания экономического, политического, демографического, технологического, финансового роста в странах «Глобального Юга» западными государствами, или «Глобальным Севером», реализуется политика формирования глобальной нестабильности. Прежде всего она касается наиболее быстро растущих экономик, таких, как БРИКС (Русакович, 2014). При этом «В сложившихся условиях прагматизм уступает место политическим амбициям и давлению со стороны более сильных мировых экономик» (Киварина, 2013).

Нестабильность формируется с помощью различных инструментов, как показывает мировой опыт, особенно последнего десятилетия. Например, вводятся санкции и ограничения в торговле, валютно-финансовой и инвестиционной сфере для многих стран мира. Наиболее крупный пакет санкций — свыше 18,5 тысяч — введен в отношении Российской Федерации. Санкциям подверглись также экономики Ирана, Северной Кореи, Ирака, Ливии, Сирии, Кубы, Мьянмы и десятков других государств. США и ЕС запрещают этим государствам продавать на мировом рынке те или иные товары и услуги и приобретать необходимую им продукцию. Активизировалась с 2018 г. «торговая война» между Китаем и США, причем последние таким путем стремятся сдерживать экономический рост КНР.

«Для мирового экономического сообщества очевидно, что возрождаются процессы протекционизма в мировой торговле, уменьшаются трансграничные потоки капитала, сокращаются иностранные инвестиции в развивающиеся экономики», отмечают исследователи (Смагин, Смагина, 2017).

Проводится более или менее сознательное разрушение мировой финансовой системы через отключение отдельных субъектов и/или их групп от возможности оплатить товары и услуги зарубежным партнерам или получить валютную выручку из-за рубежа, а также формируются различного рода спекулятивные механизмы. Создаются проблемы в логистических цепочках поставок, в финансовых потоках и их эффективности. Накладываются различные ограничения на деятельность международных организаций, например, ВТО. Разрабатываются новые требования, например, экологического характера («экологический налог»), причем финансовые трудности, сопряженные с этими требованиями, наиболее болезненны для наименее развитых стран. Создаются «мировые стандарты» в различных отраслях, например, в фармацевтической промышленности, металлургии, строительстве, многих высокотехнологичных сферах деятельности, которым «должны соответствовать» товары и услуги для международной торговли и проектного сотрудничества. Зачастую эти стандарты сознательно завышены таким образом, что соответствовать им может лишь продукция установивших их западных стран.

Так действует Европейская фармакопея (*European Pharmacopoeia*), Международная гармонизация требований к регистрации лекарственных средств (*ICH*) и другие международные стандарты и рекомендации, которые устанавливают единые требования к качеству, безопасности и эффективности лекарственных средств. Эти требования, которые сплошь и рядом существенно превышают реально необходимые условия для обеспечения высокого уровня защиты здоровья пациентов, зачастую не под силу выполнять большинству стран с развивающимися рынками. Соответственно, создается невозможность для этих стран выйти на мировые рынки.

На протяжении последнего десятилетия формируются «цифровые» разрывы и делаются попытки цифрового контроля, нежелательных, а зачастую и опасных вбросов,

нарушающих деятельность предприятий и других структур, что также, по нашему мнению, выступает одним из инструментов создания нестабильности в мировом масштабе.

Сюда можно отнести и продолжающиеся попытки стран Запада контролировать науку и образование, культуру и жизненный уклад, формировать новые нормы в социальных и семейных традициях и демографических тенденциях и др. в странах «Глобального Юга», в том числе и в Российской Федерации, с помощью различных и многочисленных инструментов, включая финансовые (гранты различных фондов), институциональные (Болонская система), кадровые (обучение, а также переподготовка, в западных вузах и т. д.) (Николаева, 2023).

Далее, нестабильность распространяется на все страны и регионы мира и в большей или меньшей степени негативно влияет на экономику всех государств, так как затрагивает и различные, практически все, мировые рынки, особенно наиболее чувствительные, такие как добывающая промышленность, продовольственный сектор, производство наиболее необходимых товаров и услуг. К тому же в условиях глобализации переплетение интересов, хозяйственной деятельности, рост взаимосвязи и взаимозависимости субъектов хозяйствования в мире столь высоки, что проблемы, создаваемые одному из них «рикошетом бьют» и по многим другим, зачастую и тем, кто создает эту нестабильность. Например, введенные против Российской Федерации экономические санкции очень негативно отразились и на странах Европейского союза, темп роста ВВП которых в 2023 г. оказался значительно ниже, чем в России.

«Поступая таким образом, современный капитализм прибегает к мерам, подрывающим основы экономического развития в долгосрочной перспективе. Имущественное неравенство тормозит рост платежеспособного спроса; монополизация частного капитала стимулирует оппортунистическое поведение рыночных гигантов; финансиализация воспроизводит предпосылки для новых финансовых кризисов, с каждым разом все более глубоких и разрушительных; эксплуатация дешевой рабочей силы стран периферии мирового капитализма усугубляет дисбалансы общественного развития, а также тормозит научно-технический прогресс и усугубляет проблемы экологии; перенакопление капитала подталкивает государства к непроизводительным тратам и разрушительным войнам» (Комолов, 2017).

Таким образом, можно резюмировать, что глобальная нестабильность в экономической сфере весьма многогранна и затрагивает различные стороны социально-экономической структуры, т. е. это комплексный процесс. Различные факторы нестабильности зачастую «подпитывают» друг друга, накладываются друг на друга, что обеспечивает синергический эффект и усиливает дестабилизацию.

Результатом глобальной нестабильности уже сегодня является, прежде всего, высокая волатильность социально-экономического развития, а также рост протекционизма со стороны отдельных государств и мер, предпринимаемых ими для обеспечения и усиления своей национальной экономической, энергетической, финансовой, технологической и др. безопасности и государственного суверенитета. В современных условиях, как отмечают исследователи, роль оценки рисков возрастает, как и своевременное определение рисков, а также факторов нестабильности для тех или иных стран, сфер их интересов и деятельности (Широкова, 2020; Петров, 2011).

Т. е., по сути, во многих странах мира происходит постепенная трансформация государственных механизмов, рост государственного регулирования, пока лишь в некоторых

сферах, охватывающих тарифно-таможенное регулирование, национализация некоторых ключевых отраслей и более существенный государственный контроль над отдельными направлениями социально-экономического развития. В частности, странами разрабатываются стратегии долгосрочного социально-экономического и отраслевого развития, включающие государственные инструменты для стабилизации этого развития, а также новые законодательные акты в этой сфере. Происходящая в России частичная национализация — важный показатель перемен. Сюда можем отнести и развитие процесса оплаты товаров и услуг во внешней торговле с помощью национальных валют.

Эта система достаточно инерционна, именно поэтому даже сейчас остановить ее развитие или быстро демонтировать в будущем будет достаточно сложно. Следовательно, вернуться к прежнему уровню либерализации в мировой экономике, торговле, финансовой сфере будет достаточно сложно, это может занять много времени и, возможно, не будет уже иметь прежнего эффекта. Процессы активной торговой экспансии западных стран на зарубежные рынки, провозглашенные классиками, похоже, остаются в прошлом (Угрюмова и др., 2023).

Во-вторых, происходит также интенсификация процессов регионализации, формируются и расширяются экономические организации, например, БРИКС, возникают новые договоренности сотрудничества, в том числе в валютно-финансовой сфере. Создаются альтернативные региональные платежные системы, транспортные коридоры между странами-партнерами, так называемые «анклавы глобальности». Укрепляется роль «региональных держав», в том числе и в промышленной сфере (Фролова и др., 2023), несмотря на тенденцию к росту «сервисизации» в мировой экономике. Это также инерционный процесс, который знаменует уже не национальную, а международную, но еще региональную, фундаментальную трансформацию экономической системы, которая растет количественно и качественно, в том числе и в финансовой сфере, и из которой зачастую исключаются западные акторы. Не исключено, что роль региональных банков, фондов, международных экономико-технологических (а не только торговых) зон развития технологий, будет возрастать. Также формируются новые принципы взаимодействия в рамках международных экономических отношений на двустороннем, а иногда и многостороннем уровне, например, в ШОС (Li, Wang, 2021).

Наконец, углубление региональной экономической интеграции, активизировавшееся в последние десятилетия, стимулирует создание новых возможностей на уровне расширения не только рынка, но и производства, в том числе в сфере высоких технологий, создания собственных стандартов в различных сферах, усиливая эти интеграционные объединения как «очаги сопротивления» глобальной нестабильности. Например, уже сегодня патентное право ССАГПЗ базируется не на западных принципах, а на исламских, общих для всех государств объединения.

Поэтому, по мере усиления этих тенденций и процессов, уже в среднесрочной перспективе можно ожидать кардинальную перестройку мировой экономической конфигурации, и эта конфигурация будет основана на новых принципах, подходах, системе взаимоотношений, которые, в свою очередь, будут в большей степени соответствовать новым запросам человечества. В этой связи можно согласиться с точкой зрения, что «... мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а, наоборот, за счет того, что

будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан» (Данилов, 2016).

Заключение

Глобальная экономическая нестабильность может иметь серьезные последствия для мировой экономики, приводя к потере рабочих мест, снижению уровня жизни и общему экономическому ухудшению. Она может проявляться в виде финансовых кризисов, колебаний валютных курсов, нестабильности цен на сырье, торговых войн, экономических спадов и т. д. Исследование показывает, что можно выделить следующие направления смягчения рисков глобальной нестабильности:

1. Рост государственного регулирования экономики наряду с активизацией МСБ. Активизация экспортной деятельности малого и среднего бизнеса становится все более заметной мировой практикой (Мальшева, 2021).

2. Диверсификация инвестиций: инвесторы могут разнообразить свой портфель инвестиций, включив в него различные активы, такие как акции, облигации, недвижимость и др., чтобы уменьшить риск потери капитала.

3. Использование защитных инструментов: инвесторы могут использовать защитные инструменты, такие как опционы и фьючерсы, для защиты своих инвестиций от возможных снижений цен активов.

4. Повышение финансовой грамотности: образованные и информированные инвесторы могут лучше понимать риски, с которыми они сталкиваются, и принимать более осознанные инвестиционные решения.

5. Соблюдение регулирования: принятие и соблюдение законов и нормативных актов, связанных с финансовыми инвестициями, помогает уменьшить риски финансовых потерь и обеспечивает стабильность финансовых рынков.

6. Развитие международного сотрудничества: взаимодействие между государствами и международными организациями способствует управлению глобальными рисками и обеспечивает меры по предотвращению кризисов и нестабильности.

7. По сути, глобальная нестабильность формируют два взаимонаправленные процесса — с одной стороны, это попытки, прежде всего со стороны США, «раскачивать» экономическую ситуацию в отдельных странах, дестабилизировать международную торговлю, инвестиционные, финансовые и информационные потоки, различные формы хозяйственного взаимодействия между странами и их субъектами хозяйствования с применением различных инструментов, включая эпидемиологические, для сдерживания их развития и поддержания собственной гегемонии и порядка, основанного «на правилах». С другой — идет процесс формирования независимыми государствами элементов новой глобальной системы хозяйствования, основанной на международном праве и принципах взаимовыгодности и эффективности межстранового сотрудничества, уважения суверенитета друг друга и учета экономических интересов.

Сложно предсказать будущее развития ситуации глобальной нестабильности, так как она может быть вызвана различными факторами, такими как экономические кризисы, политические конфликты, природные катастрофы и т. д.

Однако можно определить несколько возможных перспектив:

1. Углубление конфликтов: Перспектива усиления и расширения конфликтов между различными странами и группировками в условиях глобальной нестабильности, что может привести к усилению военных действий и угрозе мировой безопасности.

2. Экономические последствия: Нестабильность в мировой политике и экономике может привести к снижению инвестиций, росту безработицы, инфляции и другим экономическим последствиям.

3. Растущее недовольство населения: Население многих стран может испытывать растущее недовольство из-за ухудшения экономической ситуации, недоверия к политическим лидерам и обеспокоенности за свою безопасность.

4. Рост международного терроризма: Глобальная нестабильность создает условия для роста экстремистских групп и террористических организаций, что может угрожать безопасности и стабильности многих стран.

В целом, перспективы ситуации глобальной нестабильности остаются неопределенными, и важно принимать меры для укрепления международного сотрудничества, урегулирования конфликтов и снижения негативных последствий для мировой безопасности и стабильности.

Список литературы

1. Вереникин А. О., Маханькова Н. А., Вереникина А. Ю. (2021) Измерение устойчивости развития крупных российских компаний // Российский журнал менеджмента. Т. 19. № 3. С. 237–287. [Verenikin A. O., Makhankova N. A., Verenikina A. Yu. (2021) Measuring the sustainability of the development of large Russian companies // Russian Journal of Management. Vol. 19. No. 3. Pp. 237–287. (In Russian).] DOI: 10.21638/spbu18.2021.301

2. Данилов А. Н. (2016) Национальное государство и истоки глобальной нестабильности // Философские науки. № 8. С. 16–22. [Danilov A. N. (2016) The national state and the origins of global instability // Philosophical Sciences. No. 8. Pp. 16–22. (In Russian).]

3. Данилов А. Н. (2021) Глобальная нестабильность сегодня рождает новый мир грез / В сборнике: Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. Сборник научных трудов. Иркутск. С. 22–26. [Danilov A. N. (2021) Global instability today gives birth to a new world of dreams / In the collection: Global and regional impacts in the system of modern societies. Collection of scientific papers. Irkutsk. Pp. 22–26. (In Russian).]

4. Захарова Е. В., Русакович В. И. (2016) Вступление России в ВТО: ограничения и возможности на современном этапе. Москва. [Zakharova E. V., Rusakovich V. I. (2016) Russia's accession to the WTO: limitations and opportunities at the present stage. Moscow. (In Russian).]

5. Киварина М. В. (2013) Глобальная нестабильность и макротренды современной российской экономики // Экономика и управление: научно-практический журнал. № 6 (116). С. 16–20. [Kivarina M. V. (2013) Global instability and macro trends of the modern Russian economy // Economics and Management: a scientific and practical journal. No. 6 (116). Pp. 16–20. (In Russian).]

6. Комолов О. О. (2017) Барометр капитализма и глобальная экономическая нестабильность // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 206. № 4. С. 409–423. [Komolov O. O. (2017) The barometer of capitalism and global economic instability // Scientific papers of the Free Economic Society of Russia. Vol. 206. No. 4. Pp. 409–423. (In Russian).]

7. Малышева Е. В. (2023) Тенденции развития экспортной деятельности малого и среднего бизнеса: мировой опыт и российская практика // Международная торговля и торговая политика. Т. 7. № 4 (28). С. 70–78. [Malysheva E. V. (2023) Trends in the development of export activities of small and medium-sized businesses: world experience and Russian practice // International trade and trade policy. Vol. 7. No. 4 (28). Pp. 70–78. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2021-3-70-78

8. Маркс К. (1961) Капитал, т. III / К. Маркс, Ф. Энгельс. Полное собрание сочинений — Государственное издательство политической литературы. Москва. 542 с. [Marx K. (1961) Kapital, vol. III / K. Marx, F. Engels. The Complete collection of works is the State Publishing House of Political Literature. Moscow. 542 p. (In Russian).]

9. Николаева Е. А. (2023) Оценка готовности системы высшего образования в Российской Федерации к переходу на образование 2.0 // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 3 (35). С. 155–163. [Nikolaeva E. A. (2023) Assessment of the readiness of the higher education system in the Russian Federation for the transition to education 2.0 // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 155–163. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-155-163

10. Петров Е. С. (2011) Применение методологии системного анализа в конструировании модели риск-менеджмента промышленных компаний с применением IT-решений // Вестник Казанского государственного финансово-экономического института. № 3 (24). С. 49–51. [Petrov E. S. (2011) Application of the methodology of system analysis in designing a risk management model of industrial companies using IT solutions // Bulletin of the Kazan State Financial and Economic Institute. No. 3 (24). Pp. 49–51. (In Russian).]

11. Поплавский С. П. (2013) Россия и КНР: современные тенденции политики военно-технического сотрудничества // Правовая политика и правовая жизнь. № 3. С. 31–36. [Poplavsky S. P. (2013) Russia and China: current trends in the policy of military-technical cooperation // Legal policy and legal life. No. 3. Pp. 31–36. (In Russian).]

12. Русакович В. И. (2014) Возможности и ограничения развития внешней торговли стран БРИКС / В сборнике: БРИКС: сотрудничество в целях развития. Материалы IV Международной научной конференции. Национальный комитет по исследованию БРИКС; Российский университет дружбы народов. 2014. С. 85–98. [Rusakovich V. I. (2014) Opportunities and limitations of the development of foreign trade of the BRICS countries / In the collection: BRICS: cooperation for development. Materials of the IV International Scientific Conference. National Committee for BRICS Research; Peoples' Friendship University of Russia. 2014. Pp. 85–98. (In Russian).]

13. Смагин И. И., Смагина В. И. (2017) Глобальная нестабильность, торговый протекционизм и многополюсный мир на фоне российской статистики / В сборнике: Саяпинские чтения. Сборник материалов круглого стола. С. 308–317. [Smagin I. I., Smagina V. I. (2017) Global instability, trade protectionism and a multipolar world against the background of Russian statistics / In the collection: Sayapin readings. Collection of materials of the round table. Pp. 308–317. (In Russian).]

14. Социально-экономические проблемы регионов в условиях глобальной нестабильности / I Международная междисциплинарная научно-практическая конференция / 2020. [Socio-economic problems of regions in conditions of global instability / I International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference / 2020. (In Russian).]

15. Суворов В. Л., Поплавский С. П. (2012) Подготовка специалистов в области национальной безопасности и обороны государства — требование времени // Военная мысль. № 11. С. 64–69. [Suvorov V. L., Poplavsky S. P. (2012) Training of specialists in the field of national security and state defense — the requirement of time // Military thought. No. 11. Pp. 64–69. (In Russian).]
16. Угрюмова А. А., Полинев А. О., Родионова И. А. (2023) Сравнительный анализ противодействия санкционному давлению в мировой экономике // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 3 (35). С. 5–18. [Ugryumova A. A., Polynev A. O., Rodionova I. A. (2023) Comparative analysis of countering sanctions pressure in the global economy // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 3 (35). Pp. 5–18. (In Russian).] DOI: 10.21686/2410-7395-2023-3-5-18
17. Фролова Е. Д., Шувалова О. В., Фролова А. С. (2023) О глобальных технико-экономических вызовах современной эпохи и их влиянии на промышленность России // Международная торговля и торговая политика. Том 9. № 2 (34). С. 172–186. [Frolova E. D., Shuvalova O. V., Frolova A. S. (2023) On global technical and economic challenges of the modern era and their impact on Russian industry // International trade and trade policy. Vol. 9. No. 2 (34). Pp. 172–186. (In Russian).] DOI: [10.21686/2410-7395-2023-2-172-186](https://doi.org/10.21686/2410-7395-2023-2-172-186)
18. Харламов А. В. (2018) Развитие России в условиях глобальной экономической нестабильности // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия Экономика. Управление. Право. Т. 18. Выпуск 1. С. 4–11. [Kharlamov A. V. (2018) The development of Russia in the context of global economic instability // Proceedings of the Saratov University. A New Series. The Economics series. Management. Law. Vol. 18. Is. 1. Pp. 4–11. (In Russian).]
19. Харламов А. В. (2021) Международная глобализация и проблемы национальной и международной безопасности // Проблемы современной экономики. № 4 (80). С. 42–48. [Kharlamov A. V. (2021) International globalization and problems of national and international security // Problems of modern economics. No. 4 (80). Pp. 42–48. (In Russian).]
20. Широкова В. Е. (2020) Анализ проблем и перспектив управления инновационными проектами в условиях цифровизации и глобальной нестабильности // Россия и Азия. № 5 (14). С. 72–86. [Shirokova V. E. (2020) Analysis of problems and prospects of innovative project management in the context of digitalization and global instability // Russia and Asia. No. 5 (14). Pp. 72–86. (In Russian).]
21. Ядгаров Я. С. (2013) Докейнсианские концепции эффективного спроса в контексте преодоления глобальной нестабильности // Экономика. Налоги. Право. № 1. С. 21–30. [Yadgarov Ya. S. (2013) Pre-Keynesian concepts of effective demand in the context of overcoming global instability // Economy. Taxes. Law. No. 1. Pp. 21–30. (In Russian).]
22. Foley D. (1986) Understanding Capital Marx's Economic Theory — Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England. 183 p.
23. Li X., Wang Yu. X. (2021) The results of 20-year economic cooperation of the Shanghai Cooperation Organization and its development prospects // Finance: Theory and Practice. Vol. 25. No. 3. Pp. 159–174. DOI: [10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174](https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174)

Global instability of the world economy: essence, causes, factors, components, prospects

Sergey P. Poplavsky,

PhD in Political Sciences, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Department of State Administration, Moscow, Russia.

The logic of the research is based on in-depth theoretical ideas about the global instability of the world economic system of the XXI century as a global trend that is significantly increasing from decade to decade. This trend covers markets, industries, regions, international relations, the social sphere, even culture, education, etc. In general, the prospects for a situation of global instability remain uncertain, and it is important for countries at the national and international levels to take measures to find and/or develop mechanisms and tools aimed at strengthening international cooperation, conflict resolution and reducing negative consequences for global and national security and stability. The article examines the features of global instability, its content, and the impact of modern geopolitical processes on changing global development. The author gives his own classification of modern interpretations of the essence of global instability, substantiates the point of view that understanding the directions of development of global instability also makes it possible to predict possible scenarios for the development of the situation in the global economy, at least in the medium term. The author substantiates the point of view that global instability did not arise by itself, it is fueled and often targeted, developing not objectively, but on the basis of certain mechanisms, levers and incentives, both economic and non-economic in nature. Global instability covers not only production, distribution, exchange and consumption, but also the system of relations based on subordination today, acts as an element of "punishment for insubordination" in the system of international economic relations. This understanding allows the country to take adequate measures to ensure national security in various areas, especially strategic ones. Due to the constant changing situation in the field of global instability, the study of this area remains a vital aspect in science and practice.

Keywords: *global instability, world economy, national security, economic policy, state regulation of the economy, international cooperation, international conflicts.*

JEL codes: *F42, F51, F52, F53, F55.*

Глобальная тенденция к регионализации и интеграционные процессы в странах Аравийского полуострова

Зеркот Ахмад Али¹

Актуальность статьи формирует усиление глобальной тенденции регионализации в форме международной экономической интеграции в рамках региональных межстрановых объединений, таких, как нынешнее региональное интеграционное сотрудничество в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В данной статье рассматривается процесс активизации деятельности этого интеграционного блока как результата действия глобальной тенденции к региональной интеграции, представляющего собой механизм противодействия сформированной к настоящему времени системе глобальной нестабильности. В статье отслеживаются наиболее выдающиеся достижения, которых удалось добиться странам-участницам в интеграционном процессе, а также наиболее важные препятствия, которые все еще мешают полному достижению всех целей экономической интеграции Персидского залива между шестью странами, входящими в состав Совета. В статье отмечается, что Совет сотрудничества с момента своего создания целенаправленно, особенно с 2001 г., предпринимал шаги по развитию экономической интеграции посредством создания таможенного союза и общего рынка стран Персидского залива, а нынешние усилия сосредоточены на достижении наиболее важного этапа интеграции — это выпуск единой валюты Персидского залива. Автор приходит к выводу о том, что факторы, которые побуждают страны Аравийского полуострова сотрудничать как экономический блок, более эффективны, чем те, которые заставляют эти государства функционировать как независимые субъекты без координации между собой. На первый план этих факторов выходят не столько и не только традиционные факторы, сколько ряд глобальных тенденций, в том числе и тенденция к регионализации, связанная с усилением глобальной нестабильности, ростом мировых дисбалансов на рынках, реформатированием всей системы международных экономических отношений и роста доли и роли стран Азии, в том числе — Ближнего Востока. Автор также обосновывает точку зрения о том, что главным образом внешние факторы тормозили качественное развитие интеграционных процессов, и сегодня их негативное влияние сокращается. Поэтому, хотя на протяжении более 30 лет движение к интеграции в ССАГПЗ характеризовалось крайней медлительностью, но, с точки зрения автора, воля — политическая и народная — все еще существует для продолжения этого пути и завершения нынешнего этапа.

Ключевые слова: Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, ССАНПЗ, Ближний Восток, экономическая интеграция, интеграционное объединение, мировая экономика, глобальные тенденции, регионализация.

JEL коды: F01, F13, F14, F15, O53.

¹ Зеркот Ахмад Али — кандидат экономических наук, декан факультета экономики и делового администрирования, директор филиала Ливанского университета, Набатийя, Ливан.

Введение

В современной научной литературе на протяжении практически столетия уделяется внимание исследованиям процессов эволюции региональной экономической интеграции (Viner, 1950; Balassa, 1961; Streeten, 1964; Tinbergen, 1965), и на протяжении более 40 лет — в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), который был создан в мае 1981 г. как интеграционный блок, региональная и международная организация, объединившая 6 государств Персидского залива (Султанат Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Государство Катар, Королевство Бахрейн, Государство Кувейт и Королевство Саудовская Аравия). Создание Совета опиралось на наличие ряда предпосылок, таких как: социальное сходство в обычаях, традициях и языке, экономическое сходство в ресурсах, производстве, окружающей среде и географической близости, а также политическое сходство (монархические системы) (Richards, 2008), что позволило странам пройти ряд этапов в интеграционном процессе (Владимиров, 2016), разрабатывая интеграционные стратегии взаимодействия (Макаревич, 2016) и регионального сотрудничества (Rosenberg, 2009; Fishelson, 1989).

Однако, признавая глобальную важность региона (Owen, 1981; Starr, Caellegh, 1983) и продолжающийся процесс экономической интеграции (Wojarczyk, 2013), исследователи зачастую ставят вопрос о ее результатах, и ответ на этот вопрос остается дискуссионным (Федорченко, 2010; Касаев, 2011; Филоник, Исаев, 2020; Das, Nabli, 2003), так как отмечается наличие нерешенных вопросов в интеграционном процессе, и даже «усталость» от интеграции (Ashraf Mishrif, 2021), наряду с его успехами (Шкваря, 2020). Так, подчеркивается, что ССАГПЗ уже «... запустил общие экономические проекты для продвижения и облегчения интеграции, учредил таможенный союз и общий рынок, а также создал сеть взаимоподключения стран Персидского залива, которая соединяет энергосистемы государств-членов», несмотря на имеющиеся внутри объединения разногласия и соперничество (Baabood, 2023). Diwan I., Galal Ahmed

Внешняя среда, наряду с внутривосточными особенностями развития (социально-экономическая динамика, схожесть структур национальных экономики и др.) оказывает значительное влияние на интеграционный процесс (Русакович, 2017; Шкваря, 2020). Углубление нестабильности вследствие глобальных вызовов и рост рисков для стран Ближнего Востока с начала XXI в. стали, по мнению некоторых авторов, стали катализатором интеграционного процесса (Шкваря, 2023), особенно начиная с 2014 г., с введения западными государствами антироссийских санкций, которые оказали серьезное негативное влияние на экономику ССАГПЗ. Так, торговые палаты стран Персидского залива работают над разработкой всеобъемлющего стратегического плана по повышению экономических показателей стран Персидского залива в условиях растущих региональных и международных экономических вызовов с целью устранить все препятствия для достижения экономической интеграции к 2025 г. и выполнить требования по созданию общего рынка и таможенного союза (Fatehelrahman, 2024).

Целью статьи является оценка прогресса стран Персидского залива в экономическом аспекте в достижении полного экономического союза, что является одним из важных аспектов, предусмотренных в уставе, на основании которого был сформирован Совет, в условиях роста глобальной нестабильности и на фоне углубления мировой тенденции к

росту интеграционных объединений в количественном и качественном выражении. В статье рассмотрены достигнутые результаты, а также препятствия, которые замедляли и препятствовали достижению продвинутых уровней этого союза.

Результаты исследования

В последние четверть века резко увеличивается количество региональных торговых соглашений в различных регионах мира, что подтверждается статистиков ВТО (рис. 1). Причем особенно резкий рост начался с последнего десятилетия XX в., когда еще не получили распространение идеи глобальной нестабильности, а скорее, обосновывалась потребность в дальнейшей глобализации. Мы можем объяснить это явление тем обстоятельством, что страны уже в тот период, особенно после распада СССР, бывшего серьезным глобальным сдерживающим и стабилизирующим фактором, эмпирическим путем находили для себя механизмы коллективной защиты от экономической экспансии западных государств на региональные и национальные рынки. Сегодня, как видно из рис. 1, эта тенденция продолжается.

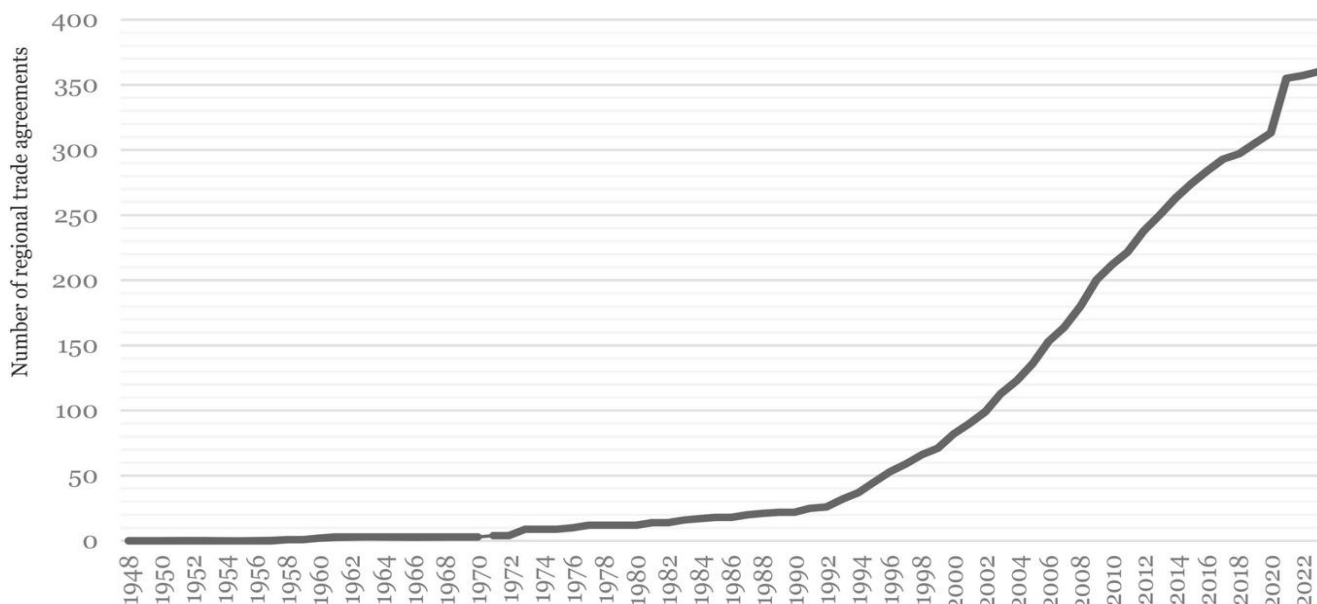

Рис. 1. Количество активных региональных торговых соглашений за 1948–2023 гг.

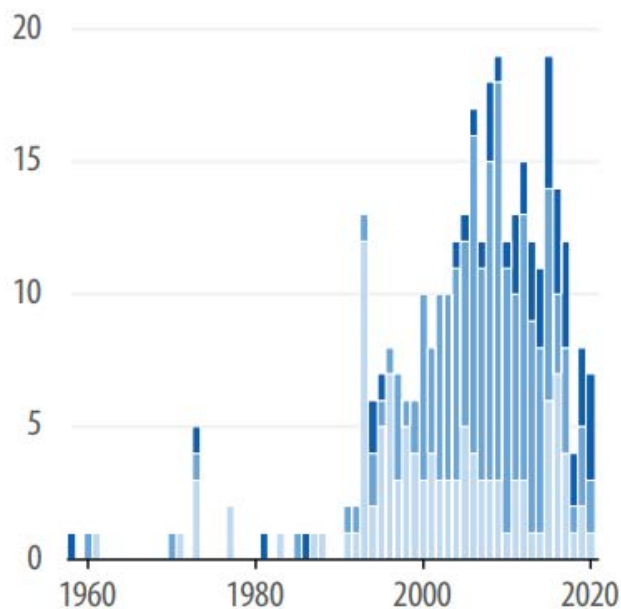
Источник: ВТО.

Сегодня их число превышает 350, т.е. за 20 лет оно выросло в 3,5 раза. Существует пример, когда соглашение охватывает целый Африканский континент. Причем сегодня создание региональных соглашений коренным образом отличается от тех образцов, которые описывали известные западные экономисты — Я. Вайнер, Б. Баласса, Я. Тинберген и другие, — так как в современных условиях эти соглашения распространяются на широкий спектр областей, в том числе стратегических, таких как инвестиции, инновации, транспорт, экология (ЕС), безопасность и др. (рис. 2). Из рис. 2 видно, что все чаще соглашения охватывают свыше двух десятков сфер экономического сотрудничества стран-партнеров, в то время как в XX в. такая ситуация рассматривалась скорее как исключение. Следовательно, речь идет о более глубокой и всесторонней экономической интеграции в нынешнем веке.

Число и глубина охвата новых региональных торговых соглашений

- РТС, охватывающие более 20 стратегических областей
- РТС, охватывающие 10–20 стратегических областей
- РТС, охватывающие менее 10 стратегических областей

Кумулятивное число региональных торговых соглашений

Рис. 2. Динамика региональных соглашений и расширение сфер сотрудничества в 1960–2020 гг., %

Источник: Рута, 2023.

Объединенная экономика стран ССАГПЗ в 2022 г. составила в стоимостном выражении 1108149 млн долларов с крупнейшей экономикой у Королевства Саудовская Аравия и наиболее малой экономикой у Бахрейна и значительной волатильностью у всех стран ССАГПЗ (рис. 3).

Важнейшей причиной этого процесса, на наш взгляд, выступает рост глобальной нестабильности как тенденции, получающей все более широкое распространение с подачи стран Запада. Современный запад использует различные инструменты для создания управляемого хаоса и глобальной нестабильности, включая:

1. Финансовые механизмы, такие как спекуляции на финансовых рынках, манипуляции с курсами валют и ценами на товары, создание финансовых пузырей.

2. Информационные технологии, включая использование социальных сетей, цифровых платформ и алгоритмов для манипуляции общественным мнением, дезинформации и провокаций, что подтверждает «Арабская весна» и многие другие события.

3. Политические действия, такие как поддержка оппозиционных движений, финансирование и организация переворотов, создание конфликтных ситуаций. Сегодня это имеет место в Западной Азии.

4. Военная мощь, включая применение вооруженной силы, создание и поддержка военных конфликтов и воздействие на региональные и международные конфликты.

5. Экономические санкции и торговые войны, направленные на дестабилизацию экономики других стран и обеспечение собственных интересов. Ряд арабских государств и других стран оказались объектами западных санкций.

6. Неоколониализация и стремление к сохранению глобальной дифференциации по уровню экономического и социального развития, стремление к подчинению государств «Глобального Юга» интересам «Глобального Севера».

Эти инструменты используются для достижения политических, экономических и геостратегических целей, создания хаоса и нестабильности на международной арене, усиления волатильности экономической динамики (см., например, рис. 3). И хотя стремящиеся к стабилизации на региональном уровне государства в различных регионах мира, прежде всего развивающегося, активно стремятся противостоять экспансии и дестабилизации западных государств, продвигающихся через международные организации, прежде всего ВТО и МВФ, эксперты данных организаций зачастую отказывают Глобальному Югу в праве на самозащиту, обвиняя их в дискриминации (Рута, 2023).

Активизация интеграционных процессов происходит в различных регионах, в том числе — на Аравийском полуострове в рамках ССАГПЗ, одного из крупных субъектов мировой экономики, чей совокупный ВВП имеет тенденцию к росту, хотя и весьма неравномерному вследствие роста глобальной нестабильности (рис. 3), т.е. преимущественно из-за негативного влияния внешнего фактора.

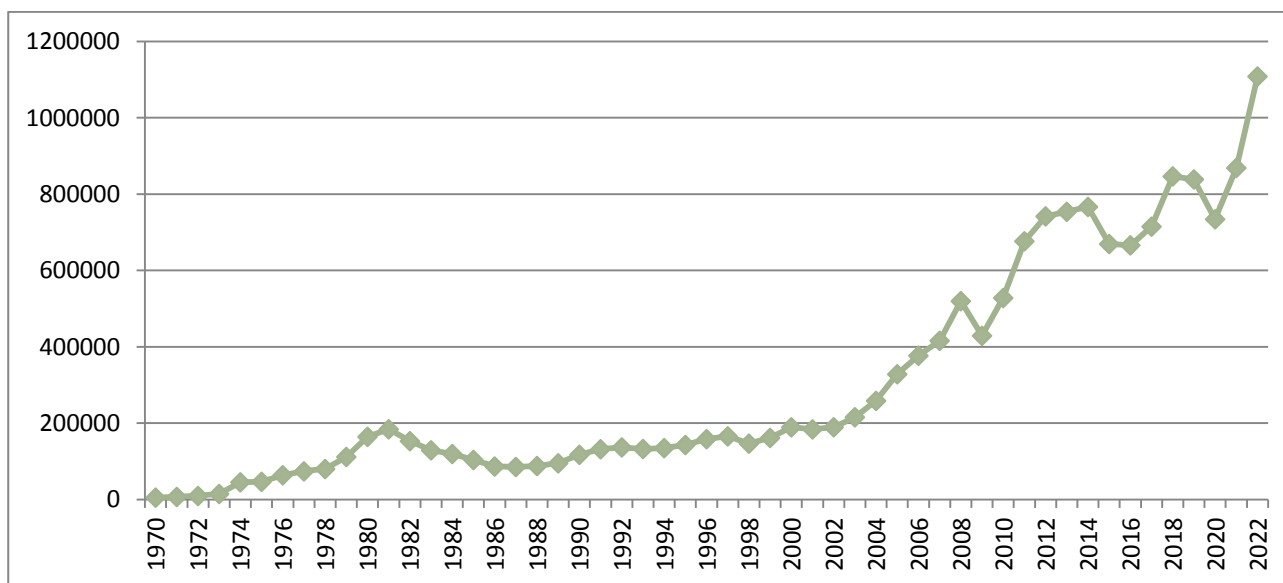

Рис. 3. Совокупный ВВП ССАГПЗ в 1970–2022 гг., млн долларов.

Источник: составлено автором по данным UNCTAD.

ССАГПЗ является также и значимым участником международной торговли, особенно на мировом рынке углеводородов. Экономический потенциал ССАГПЗ существенно увеличивается в ситуации укрепления и развития нефтегазового сегмента национальной экономики. Так, МВФ отмечает, что «динамика роста ВВП в регионе ССАГПЗ, не связанного с углеводородами, остается высокой, чему способствуют более высокий внутренний спрос, увеличение валового притока капитала и реализация реформ... Ожидается, что первичный нефтегазовый дефицит сократится до 24% ВВП к 2028 г., при этом

рост ненефтяных доходов отражает устойчивые фискальные и структурные реформы и сдержанные расходы». (IMF, 2023).

На основе достаточно высоких макроэкономических показателей и удовлетворительных перспектив ряд авторов приходит к выводу, что экономики стран ССАГПЗ объективно находятся в весьма выгодном положении с точки зрения возможности осуществления эффективных шагов в направлении создания экономического союза (Savinsky, 2021), включая и *развитие двусторонней торговли* (Alvi Hayat, 2007). В этом процессе авторы отмечают определенный успех в последнее десятилетие (Akram, 2019;), особенно с учетом достаточно устойчивого развития в рамках панарабской зоны свободной торговли (Соловьёва, Лопатина, 2022) и в противовес сотрудничеству с ЕС (Ramazani Rouhollah, 1964).

Но, что особенно важно, страны ССАГПЗ активизировали *сотрудничество в проектной сфере*, например, в транспортном сегменте (Башер, 2023). Этот сегмент очень важен для развития торговли в ССАГПЗ, особенно в сухопутной части, поскольку наземная транспортная сеть между странами Персидского залива все еще структурно неразвита, ее состояние нуждается в улучшении, в том числе дорожное обслуживание. При этом транспортная сеть имеет большое значение для снижения транспортно-логистических издержек, поддержания стабильности рынка и достижения на нем баланса. Зато в настоящее время между странами Персидского залива существует плотная сеть авиационных рейсов, как внутренних, так и международных, и сейчас это одна из самых значимых и активных сетей в мире.

Еще одной сферой интеграционного сотрудничества с определенным успехом выступает развитие *частного бизнеса* в ССАГПЗ, в том числе — на основе создания Общего рынка и «экономического гражданства» в 2008 г. за счет координации, процедур и унификации таможенного законодательства и стандартных спецификаций для товаров. Основой для этого стали продолжающиеся экономические реформы в ССАГПЗ (Barkey, 1992; Diwan I., Galal Ahmed, 2016), а последствием — усиливающееся интеграционное развитие в различных сферах (табл. 1).

Таблица 1.

Направления интеграционного сотрудничества в странах ССАГПЗ в XXI в.

№ п/п	Направления сотрудничества	Цели
1.	Сельское хозяйство	Совместные действия в области сельского хозяйства и водных ресурсов направлены на унификацию политики и законов государств-членов и принятие совместных проектов в области сельского хозяйства, водных и рыбных ресурсов. Государства-члены ССАГПЗ стремятся достичь продовольственной безопасности за счет оптимального использования имеющихся природных ресурсов. За последние годы в этой жизненно важной области были достигнуты значительные успехи.
2.	Энергетика	Единое экономическое соглашение (1981 г.) предусматривало, что государства-члены должны согласовать свою политику в области нефтяной и газовой промышленности, т.е. добычи, переработки, маркетинга, ценообразования, эксплуатации и разработки энергетических ресурсов, и разработать единую нефтяную и газовую политику и занять общие позиции по отношению к другим странам мира и в международных и специализированных организациях.
3.	Планирование, статистика и	Совместные действия в области планирования и развития направлены на достижение координации и гармонизации планов развития

	развитие	государств–членов ССАГПЗ для достижения интеграции во всех областях. С этой целью государства–члены ССАГПЗ разрабатывают стратегии, политику и механизмы усиления экономической и социальной интеграции в свете мониторинга и оценки существующей политики интеграции, предлагая стратегию и программы для создания совместных проектов, которые позволили бы достичь целей экономической интеграции ССАГПЗ, формулируя соответствующую стратегию и программы для активизации экономического развития и разрабатывая общие рамки, соответствующие целям всестороннего развития в государствах–членах ССАГПЗ.
4.	Телекоммуникации	Учитывая растущее значение телекоммуникаций в XXI веке, Экономическое соглашение 2001 г. определило цели совместной работы в этой жизненно важной области. Статья (24) Соглашения предусматривает, что «Государства–члены должны принять все необходимые меры для обеспечения интеграции своей политики в области электросвязи, включая телефонные, почтовые услуги и услуги сетей передачи данных, что привело бы к повышению уровня их обслуживания и экономической эффективности и к укреплению связей между гражданами стран Персидского залива, а также частными и государственными учреждениями».
5.	Транспорт и связь	Направлено на координацию инфраструктурных проектов, таких как морские порты, аэропорты и дороги, и поддержку существующих соответствующих институтов, отвечающих за эти проекты в государствах–членах. Он также направлен на координацию политики авиации внутри стран ССАГПЗ. Комитет министров транспорта и соответствующие подкомитеты координируют сотрудничество в этой области. Ниже приводится краткое изложение достижений GCC в этой жизненно важной области.
6.	Предотвращении негативной практики в международной торговле	Предполагает принятие необходимых коллективных мер для защиты своей экономики от пагубной практики в международной торговле, такой как демпинг, субсидии, санкции и увеличение импорта, поскольку такая практика нанесла бы ущерб промышленности, торговле и экономическому развитию.
7.	Торговля	Единая торговая политика ССАГПЗ направлена на принятие внутрирегиональной единой торговой политики, которая облегчает передвижение граждан, товаров, услуг и транспортных средств ССАГПЗ. Эта политика учитывает сохранение окружающей среды и защиту потребителей.
8.	Финансово-экономическое сотрудничество	– Сближение финансовой и экономической политики; – Интеграция финансовых рынков в странах ССАГПЗ; – Сотрудничество в банковской сфере; – Финансовый комитет по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма
9.	Процесс совместных действий	Устав ССАГПЗ, Экономическое соглашение и резолюции Высшего Совета представляют собой основные принципы совместной экономической деятельности. Интеграция и согласованность действий государств ССАГПЗ в экономической сфере представляют собой одну из основных целей, изложенных в Уставе ССАГПЗ.
10.	Таможенный союз	Цели торгового сотрудничества между странами ССАГПЗ сводятся к устранению тарифных барьеров в отношении их продукции, освобождению таких товаров от таможенного контроля и предоставлению им равного режима, координации экспортной и импортной политики и созданию метода коллективного ограждения в этой области. Государства ССАГПЗ создали Зону свободной торговли с 1983 г. С 1 января 2003 г. эта территория преобразована в Таможенный союз,

		<p>целью которого, среди прочего, является устранение тарифных и нетарифных барьеров с целью облегчения товаропотока внутри стран ССАГПЗ и создания у государств ССАГПЗ права коллективного участника переговоров по либерализации торговли с другими международными экономическими блоками, в дополнение к координации экспортной и импортной политики.</p> <p>ССАГПЗ стремится развивать сотрудничество между своими членами путем формирования планов, программ и проектов для реализации торговой стратегии и расширения сотрудничества с частным сектором через Федерацию торгово-промышленных палат ССАГПЗ. ССАГПЗ стремится развивать сотрудничество между своими членами путем формирования планов, программ и проектов для реализации торговой стратегии и расширения сотрудничества с частным сектором через Федерацию торгово-промышленных палат ССАГПЗ.</p>
11.	Общий рынок ССАГПЗ и экономическое гражданство	<p>На 28-й сессии (Доха, декабрь 2007 г.) Высший совет объявил о запуске Общего рынка ССАГПЗ. Секретариат ССАГПЗ следит за доработкой соответствующего национального законодательства в каждом государстве-члене. С целью найти ссылку на законы и процедуры Общего рынка ССАГПЗ.</p> <p>Разработка механизмов урегулирования споров, изложенных в Экономическом соглашении, которые послужили бы действенным ориентиром для граждан стран Персидского залива и бизнеса, связанных с урегулированием споров, возникающих в связи с толкованием экономического гражданства.</p>
12.	Валютный союз и единая валюта	<p>Валютный союз является последним строительным блоком в проекте экономической интеграции между странами ССАГПЗ, и с его завершением государства-члены фактически станут единым экономическим объединением. В связи со стратегическим характером проекта валютного союза ожидается, что будут достигнуты краткосрочные, средне- и долгосрочные выгоды. Одним из краткосрочных преимуществ является отмена комиссий за переводы, связанных с обменными курсами государств-членов между собой, что снизит издержки торгового обмена между государствами-членами, а также повысит уровень внутренней торговли и будет способствовать повышению конкурентоспособности, поскольку бизнес-сектор во всех государствах-членах будет иметь дело с установлением цен в одной валюте. Что касается стратегических преимуществ проекта валютного союза, то они являются наиболее важными, включая тот факт, что валютный союз вынуждает страны ССАГПЗ быть эффективно связанными единой денежно-кредитной политикой и политикой единого обменного курса, и это снижает вероятность экономического расхождения между странами ССАГПЗ в результате возможной неоднородности экономической политики между ними в перспективе. Валютный союз также имеет потенциальные прямые последствия для темпов экономического роста, занятости, упрощения перемещения инвестиций между странами ССАГПЗ и повышения конкурентоспособности государств ССАГПЗ в привлечении иностранных инвестиций.</p>

Источник: разработано автором.

Есть надежда, что валютная интеграция между странами ССАГПЗ позволит добиться многих выгод на экономическом уровне, в том числе:

1. Диверсифицировать варианты денежно-кредитной политики и политику обменного курса.
2. Развитие институциональной структуры общей экономической политики.

3. Укрепление финансовой и денежно-кредитной стабильности.
4. Сократите расходы на комиссии за обмен валюты и другие банковские сборы.
5. Привлекательность экономик государств-членов для местных и иностранных инвестиций обусловлена широтой рынка, высокой покупательной способностью резидентов стран региона и низкими экономическими рисками для инвесторов блока стран ССАГПЗ в едином валютном пространстве.
6. Увеличение объема торговых операций внутри стран ССАГПЗ из-за отсутствия рисков валютных колебаний и транзакционных издержек для экспортеров и поставщиков.
7. Стабильность темпов инфляции и общего уровня цен.
8. Усиление практики фискальной дисциплины путем мониторинга дефицита государственного бюджета и уровня государственного долга.
9. Расширение географии финансового сектора, что создает большие возможности для финансистов и бенефициаров финансирования.
10. Упрощение процессов слияний и поглощений.

Заключение

В условиях глобальной нестабильности растет значение региональной экономической интеграции, что подтверждается не только количественным ростом региональных соглашений, но и расширением тех сфер региональной хозяйственной деятельности, которые стремятся регулировать страны-участницы региональных соглашений в настоящее время.

ССАГПЗ, будучи создан в 1981 г., прошел длительный путь развития. Его эволюция отражает не только логику странового и регионального развития, но и глобального, особенно с учетом того, что данное интеграционное объединение находится в самом сердце экономических интересов большинства ведущих мировых субъектов хозяйствования — и географически, и в сточки зрения природных ресурсов, и как весьма крупный мировой субъект мирового рынка капитала. Поэтому объединение традиционно и регулярно испытывает на себе давление и негативное влияние внешних неблагоприятных усилий со стороны «заинтересованных» акторов.

Вследствие все более глубокого понимания этой ситуации, страны ССАГПЗ активизировали свое интеграционное сотрудничество, создав Общий рынок и существенно расширив сферы экономического взаимодействия, далеко выходящие за торговые договоренности.

Члены ССАГПЗ сотрудничают в ряде сфер, включая экономику, оборону, образование, здравоохранение и культуру. Они также проводят совместные мероприятия и меры для обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Другим важным достижением является создание Зоны свободной торговли Совета Персидского залива (*Gulf Cooperation Council Free Trade Area, GCC-FTA*). Это соглашение об отмене таможенных пошлин и препятствий для торговли между странами ССАГПЗ, что способствует увеличению товарооборота и экономическому развитию региона. Также стоит отметить, что страны Персидского залива активно участвуют в инвестиционных проектах в различных отраслях, таких как энергетика, туризм, транспорт и сельское хозяйство. Это способствует укреплению экономических связей и сотрудничества между странами региона.

Однако до настоящего времени странам ССАГПЗ не удалось добиться введения единой валюты, хотя сегодня формируются все более весомые предпосылки и возможности

для решения и этой задачи, в том числе и глобальные. Перспективы развития интеграции в ССАГПЗ нам представляются достаточно многообещающими, особенно при уменьшении внешнего давления и дальнейшей консолидации усилий стран. Это в полной мере соответствует глобальным тенденциям.

Список литературы

1. Башер М. А. Б. (2023) Объединенная железная дорога на Аравийском полуострове как катализатор экономического единства в ССАГПЗ // Сегодня и завтра российской экономики. № 117. С. 14–22. [Basher M. A. B. (2023) The United Railway on the Arabian Peninsula as a catalyst for economic unity in the GCC // Today and Tomorrow of the Russian economy. No. 117. Pp. 14–22. (In Russian).] DOI: 10.26653/1993-4947-2023-117-02
2. Владимиров С. Н. (2016) Этапы формирования экономической интеграции в ССАГПЗ // Инновационная экономика. № 4 (9). С. 9. [Vladimirov S. N. (2016) Stages of formation of economic integration in the GCC // Innovative economics. No. 4 (9). P. 9. (In Russian).]
3. Касаев Э. О. (2011) Единая валюта ССАГПЗ: быть или не быть? // Обозреватель. № 9 (260). С. 102–106. [Kasaev E. O. (2011) The common currency of the GCC: to be or not to be? // Observer. No. 9 (260). Pp. 102–106. (In Russian).]
4. Русакович В. И. (2017) Экономическая интеграция стран ССАГПЗ и влияние внешнего фактора // Россия и Азия. № 1. С. 50–59. [Rusakovich V. I. (2017) Economic integration of the GCC countries and the influence of the external factor // Russia and Asia. No. 1. Pp. 50–59. (In Russian).]
5. Рута М. (2023) Распространение дискриминационного регионального подхода. [Ruta M. (2023) The spread of a discriminatory regional approach (In Russian).] URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/Fandd/Article/2023/June/Russian/ruta.ashx>
6. Соловьёва А. А., Лопатина В. А. (2022) Проблемы и перспективы развития интеграции в рамках панарабской зоны свободной торговли // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. Т. 8 (74). № 1. С. 149–161. [Solovyova A. A., Lopatina V. A. (2022) Problems and prospects of integration development within the framework of the Pan-Arab free trade zone // Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management. Vol. 8 (74). No. 1. Pp. 149–161. (In Russian).]
7. Федорченко А. В. (2010) Экономическая интеграция на Ближнем Востоке: достижения или упущенные возможности? // Вестник МГИМО-Университета. № 5 (14). С. 266–275. [Fedorchenko A. V. (2010) Economic integration in the Middle East: achievements or missed opportunities? // Bulletin of MGIMO University. No. 5 (14). Pp. 266–275. (In Russian).]
8. Филоник О. А., Исаев В. А. (2020) Арабский мир: слияние в нацию или усиление разобщенности? (Заметки по поводу) // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 12–19. [Filonik O. A., Isaev V. A. (2020) The Arab world: merging into a nation or increasing disunity? (Notes on) // Asia and Africa today. No. 3. Pp. 12–19. (In Russian).] DOI: 10.31857/S032150750008723-7
9. Шкваря Л. В. (2020) Интеграция и дипломатический кризис: современные реалии ССАГПЗ // Вестник МГИМО-Университета. Т. 13. № 2. С. 163–182. [Shkvarya L. V. (2020) Integration and the diplomatic crisis: modern realities of the GCC // Bulletin of MGIMO

University. Vol. 13. No. 2. Pp. 163–182. (In Russian.)] DOI: 10.24833/2071-8160-2020-2-71-163-182

10. Шкваря Л. В. (2023) Особенности социально-экономического развития ССАГПЗ в условиях глобальной нестабильности // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 9. № 1. С. 92–102. [Shkvarya L. V. (2023) Features of the socio-economic development of the GCC in conditions of global instability // Geopolitics and ecogeodynamics of regions. Vol. 9. No. 1. Pp. 92–102. (In Russian).]

11. Akram Masoud Haddad. (2019) Analysis of the bilateral trade between gulf cooperation council countries // Management Science Letters. Vol. 9. Pp. 2357–2368. DOI: 10.5267/j.msl.2019.7.019

12. Alvi Hayat. (2007) Regional integration in the Middle East : an analysis of inter-Arab cooperation. Lewiston : Edwin Mellen Press. 255 p.

13. Ashraf Mishrif (2021) The GCC's Unsettled Policy for Economic Integration // The Muslim World. Vol. 111. No. 1. Pp. 77–95. DOI: 10.1111/muwo.12373

14. Balassa B. (1961) Theory of Economic Integration. Homewood, Ill. : R. D. Irwin. 304 p.

15. Baabood A. (2023) The Future of the Gulf Cooperation Council Amid Saudi-Emirati Rivalry. URL: <https://carnegie-mec.org/2023/10/30/future-of-gulf-cooperation-council-amid-saudi-emirati-rivalry-pub-90867>

16. Barkey H. J. (1992) The Politics of economic reform in the Middle East. New York : St. Martin's Press. 262 p.

17. Bojarczyk B. (2013) The Gulf Cooperation Council — regional integration mechanism // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska sectio K — Politologia. Vol. 20. Is. 1. Pp. 69–85. DOI: 10.2478/v10226-012-0022-x

18. Das G. D., Nabli Mustapha K. (2003) Trade, Investment, and Development in the Middle East and North Africa : Engaging with the World. Washington, D. C. : World Bank. 273 p.

19. Diwan I., Galal Ahmed. (Eds) (1916) The Middle East economies in times of transition. Houndmills, Basingstoke, Hampshire ; New York, NY : Palgrave Macmillan. 359 pages.

20. Fatehelrahman Y. (2024) Economic Programs Pave Way Towards Full GCC Integration. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/1500266/economic-programs-pave-way-towards-full-gcc-integration>

21. Fishelson G. (ed.) (1989) Economic cooperation in the Middle East. Boulder : Westview Press. 372 p.

22. IMF (2023) Gulf Cooperation Council: Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries. Middle East and Central Asia Dept. URL: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2023/413/article-A001-en.xml>

23. Owen R. (1981) The Middle East in the world economy, 1800–1914. London ; New York : Methuen. 378 p.

24. Ramazani Rouhollah K. (1964) The Middle East and the European Common Market. Charlottesville : University Press of Virginia. 152 p.

25. Richards A. (2008) A political economy of the Middle East. Boulder, Colorado : Westview Press. 474 pages.

26. Rosenberg J. M. (2009) The rebirth of the Middle East. Lanham : Hamilton Books. 184 p.

27. Savinsky A. V. (2021) Integration Processes among the Member States of the Gulf Cooperation Council over the Period of 2010–2018 // Lecture Notes in Networks and Systems. Springer Science and Business Media Deutschland GmbH. Vol. 198. 2021. Pp. 1978–1986. DOI:10.1007/978-3-030-69415-9_217
28. Starr J., Caellegh A. S. (1983) A Shared destiny : Near East regional development and cooperation. New York, NY : Praeger. 154 p.
29. Streeten P. (1964) Economic integration: aspects and problems. A.W. Leyden–Sythoff. 176 p.
30. Tinbergen J. (1965) International economic integration. Amsterdam, New York : Elsevier. 142 p.
31. WTO. URL:<https://www.wto.org/>
32. UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/>

The global trend towards regionalization and integration processes in the countries of the Arabian Peninsula

Ahmad Ali Zerkot

PhD in Economics, Dean of the Faculty of Economics and Business Administration, Director of the branch of the Lebanese University, Nabatiyah, Lebanon.

The relevance of the article forms the strengthening of the global trend of regionalization in the form of international economic integration within the framework of regional inter-country associations, such as the current regional integration cooperation in the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf (GCC). This article examines the process of activating the activities of this integration bloc as a result of the global trend towards regional integration, which is a mechanism to counteract the system of global instability that has been formed to date. The article tracks the most outstanding achievements that have been achieved in the integration process, as well as the most important obstacles that still prevent the full achievement of all the goals of the economic integration of the Persian Gulf between the six countries that make up the Council. The article notes that since its establishment, the Cooperation Council has purposefully, especially since 2001, taken steps to develop economic integration through the creation of a customs union and a common market of the Persian Gulf group countries, and current efforts are focused on achieving the most important stage of integration — the issuance of a single currency of the Persian Gulf. The author concludes that the factors that encourage the countries of the Arabian Peninsula to cooperate as an economic bloc are more effective than those that force these states to function as independent entities without coordination among themselves. These factors come to the fore not so much and not only traditional factors, but a number of global trends, including the trend towards regionalization, associated with increased global instability, growing global imbalances in markets, reformatting the entire system of international economic relations and the growing share and role of Asian countries, including the Middle East. The author also substantiates the point of view that mainly external factors hindered the qualitative development of integration processes, and today their negative impact is decreasing. Therefore, although for more than 30 years the movement towards integration into the GCC alliance has been characterized by extreme slowness, but, from the author's point of view, the will — political and popular — still exists to continue this path and complete the current stage.

Keywords: *Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf, GCC, Middle East, economic integration, integration association, world economy, global trends, regionalization.*

JEL codes: *F01, F13, F14, F15, O53.*